

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

Го Цзюаньцзюань
郭娟娟

ГО Цзюаньцзюань

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Щербак Антонина Семёновна

Тамбов 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОЭЗИИ.....	15
1.1. Становление и развитие поэтической ономастики как самостоятельной науки.....	17
1.2. Основные направления литературной ономастики.....	30
1.3. Поэтоним как особый тип языковых знаков в художественном пространстве.....	34
1.4. Основополагающая антиномия «оним» – «поэтоним» в системе обыденного языка и художественной речи.....	40
1.4.1. Собственно образные онимы в системе художественного пространства.....	46
1.5. Поэтизация онимов как текстовых единиц.....	49
1.6. Когнитивная метафора в области ономастики.....	55
1.7. Поэтонимы в матричном формате.....	60
Выводы по Главе 1.....	65
ГЛАВА 2. ПОЭТИЧЕСКИЕ АНТРОПОНИМЫ Г.Р. ДЕРЖАВИНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЗНАНИЙ О МИРЕ.....	67
2.1. Антропоним и апеллятивно-антропонимическое единство в поэтическом тексте.....	68
2.2. Триединство субстанции <i>автор</i> – <i>имя собственное</i> – <i>поэтический текст</i>	70
2.3. Антропоцентричность антропонимикона Г.Р. Державина...	73
3.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← исторические имена	77
3.1.1. Личный антропоним Петр как единица поэтического знания.....	87
3.1.2. Поэтический псевдоним как репрезентант личности:	

Г.А. Потемкин.....	91
3.1.3. Антропонимические прозвища как компонент поэтической картины мира.....	94
4.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← именной антропоним: Екатерина П..	96
4.1.1. Поэтические псевдонимы как знаковые репрезентанты личности Екатерины П.....	102
4.1.2. Репрезентирующая функция поэтических псевдонимов: Пленира и Милена.....	106
5.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← гипокористические имена.....	112
5.1.1. Оппозиция «полное имя – гипокористическая форма»	115
6.1. Мифоантропонимы и теонимы, репрезентирующие антропонимы.....	119
6.2. Имена славянских божеств как репрезентанты русского культурного и языкового наследия.....	130
7.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← библейские имена.....	132
8.1. Семейный антропоним Державин в ономапоэтическом пространстве.....	135
9.1. Антропоним Державин → меморативный урбаноним Державин.....	140
Выводы по Главе 2.....	143
Заключение.....	147
Список использованной научной литературы.....	150
Словари и справочники.....	169
Приложение 1. Причины выбора антропонима <i>Державин</i> для названия адресных линейных объектов в основных городах России...	172
Приложение 2. Показатель частоты употребительности антропонимов в поэтических текстах Г.Р. Державина.....	176

ВВЕДЕНИЕ

По количеству и разнообразию именник XVIII века несравним с именниками ни одной другой эпохи. Особенность поэтического идиостиля Г.Р. Державина во многом определяется отраженной в его произведениях персональной сферы, в которой представлен именослов.

Общая антропоцентрическая направленность современной русистики связана с изучением проблемы существования имени собственного в тексте, картины мира творческой индивидуальности, что позволяет на текстовом уровне в художественных произведениях обратиться к решению вопросов отображения в сознании человека определенной картины мира, фиксируемой именами собственными, и получить более полное представление об особенностях поэтического творчества Гавриила Романовича Державина¹.

Как основоположник русской реалистической поэзии, которая стала символом эпохи Екатерины II и основой для дальнейшего развития русской литературы, Г.Р. Державин оставил заметный вклад в использовании антропонимов, ставших центром содержательно-смысловой и эстетической структуры его лирических произведений. Благодаря имени Г.Р. Державина русская литература обрела национальную идентичность, отражающую связь личного с общественным и историческим, и обогатила обаяние бессмертного поэтического имени собственного.

Актуальность данного исследования продиктована временем, когда литература является связующим звеном между человеком и миром на фоне

¹ Имя Державина имеет различное написание: *Гавриил, Гаврила, Гаврило*.

Первое написание соответствует церковной и литературной норме. Я.К. Грот приводит документальные сведения о написании имени Гаврила // Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. С. 21, 23, 24, 37.

Сам Державин называл себя уменьшительной формой Гаврило.

В биографическом энциклопедическом словаре использовано двойное написание имени: «Гавриил (Гаврила) Романович Державин». (М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 206)

развития цифровизации литературы, ориентированной не столько на содержание, сколько на язык и форму как материал искусства, и предполагает активное участие автора. Включенность поэтической ономастики Г.Р. Державина в круг современных междисциплинарных исследований – традиционной ономастики, поэтики текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики – позволяет по-новому взглянуть на державинские онимы, отражающие характерные для русского менталитета воззрения и картину мира русской творческой индивидуальности.

Использование когнитивного подхода к изучению ономастикона поэтических текстов Г.Р. Державина определяется обращённостью к вечным темам лингвистики «язык и мышление», корреляция языковых и неязыковых знаний, соотношения реальных и поэтических имен собственных.

Державин был человеком Тамбовского края (с конца 1786 года по начало 1788 года служил правителем Тамбовского наместничества), в Тамбове поэт написал ряд ключевых произведений. Тем актуальнее видится роль державинских онимов, маркирующих региональный (тамбовский) текст русской литературы в воссоздании образа Тамбовского края в русской языковой картине мира, что важно для русистического познания, изучающими русский язык как иностранный.

Объект исследования – антропонимы и апеллятивно-антропонимические единства, т.е. прямые антропонимические номинации и антропонимы, устойчиво согласованные с апеллятивами.

Предмет исследования – репрезентация антропонимических знаний в структуре поэтического текста, специфика которого обусловлена авторской поэтической картиной мира.

Степень разработанности темы исследования

Обращение к ономастикону произведений Г.Р. Державина было намечено в XIX веке Я.К. Гротом, под редакцией которого в 1888 году появилось академическое издание сочинений Г.Р. Державина в 9-ти томах. Девятый том из «Сочинений Державина» включает «Общий именной указатель», в котором впервые представлен опыт систематизации имен собственных Державина (примерно 3000 имен). При именах указываются сведения, например: «Абрагим, мурза, первый предок рода Державиных», приводится ссылка на том издания, в котором напечатано стихотворение с использованным того или иного именованного. При этом имена собственные подаются преимущественно в аспекте их исторической и географической привязки. Основная деятельность Я.К. Грота не была предметом систематического изучения собственных имён Г.Р. Державина как отдельной лингвистической категории. Его внимание было сосредоточено на классификации и систематизации ономастического материала. Но именно работы Я.К. Грота заложили основу для дальнейших исследований в области изучения антропонимов в творчестве Г.Р. Державина, которые, как и в жизни, преобладают среди других разрядов онимов.

На протяжении многих лет творческая личность Г.Р. Державина интересовала прежде всего литературоведов, которые рассматривали имена собственные в связи с риторической культурой XVIII века, анализировали взаимозависимость имени и образа, имени и персонажа, рассматривали антропонимы как эстетические ресурсы (Г.А. Гуковский, Н.Ю. Желтова, Л.В. Полякова, Е.В. Авдошенко, С.С. Аверинцев, О.Е. Ратникова, Т.Д. Иванова, К.А. Поташова и др.). В области литературоведения проводилось сравнительное изучение стихотворений о природе китайского поэта Юань Мэя и Г.Р. Державина (Лю Ядин).

В изучении русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX век наметился путь исследования феномена авторского сознания Г.Р. Державина (Д.В. Ларкович).

В конце XX в. интерес к изучению языка произведений Г.Р. Державина стали проявлять лингвисты². Однако ни одно исследование не было посвящено комплексному изучению ономастической лексики в творчестве Державина.

На рубеже XX и XXI вв. ономастические процессы в пространстве художественного текста все активнее становятся предметом рассмотрения лингвистами произведений отдельных авторов (Э.Б. Магазник, В.А. Никонов, А.К. Матвеев, В.Н. Михайлов, Г.Ф. Ковалёв, Н.В. Васильева, С.А. Скуридина, Намитокова 2016, Ларкович, М.В. Горбаневский, Е.С. Отин, Ю.А. Карпенко, О.И. Фонякова, Ю.Н. Денисов 2008; С.Ю. Дубровина, А.А. Сивцов, О.В. Иванова, Н.В. Никитина и др.). Основополагающие идеи в области изучения поэтических имен заложил В.М. Калинин, который ввёл в научный обиход термин поэтоним. Ученый разработал аксиомы знаковости поэтонима и выявил его специфику.

Впервые системное описание функционирования антропонимии XVIII века в произведениях высокого стиля представлено в коллективной монографии «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века», в которой содержатся статьи, затрагивающие именослов Державина (У. Екуч, Е.М. Матвеев М.В. Пономарева). Обострённое внимание ученых к поэтическим антропонимам Державина нашло отражение в ряде работ,

² *Ильюшенкова Л.А.* Лексико-семантические процессы в русском литературном языке второй половины XVIII века: на материале языка «Записок» Г.Р. Державина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ильюшенкова Людмила Алиевна. – М., 2010. – 26 с.

Перегудина, Т.Н. Вариантные беспредложные и предложно-падежные формы в текстах Г.Р. Державина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Перегудина Тамара Николаевна. – Воронеж, 1990. – 20 с.

Степанова В.М. Экспрессивные ресурсы фонетики и лексики в лирике Г.Р. Державина и А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд филол. наук: 10.02.01 / Степанова Вера Михайлова. – Тамбов, 2005. – 22 с.

Чунослова А.А. Стилеобразование поэтических текстов XVIII-XIX веков (на материале произведений Г. Р. Державина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чунослова Анжелика Александровна. – Воронеж, 2010. – 23 с.

Шейнова Т.Г. Лексика и стилистические особенности писем Г.Р. Державина: автореф. дис. ... канд.. филол. наук: 10.02.01 / Шейнова Татьяна Геннадьевна. – М., 1990. – 15 с.

посвященных державинским именам Пленира, Милена, Параша, Потемкин в аспекте их функционирования в тексте и семантики (О.Л. Довгий, У. Екуч, М.В. Пономарева, С.М. Некрасов и др.).

В настоящий момент особенно актуально сосредоточиться на исследовании традиционной ономастики с точки зрения когнитивных концепций, которые развивают учёные Тамбовской научной школы в области когнитивной ономастики, возглавляемой Н.Н. Болдыревым. В рамках этой школы наметился переход от традиционной ономастики к когнитивной ономастике (Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов, В.В. Алпатов, А.С. Щербак и др.). Впервые был проанализирован топонимический материал в когнитивно-матричном формате. Активизировался интерес ученых к изучению поэтической картины мира (А.Л. Шарандин).

Данный факт позволяет рассматривать державинские антропонимы в аспекте когнитивной матрицы, в контексте когнитивно-тематических областей, лежащих в основе понимания значений поэтических антрополексем. Когнитивный подход к изучению державинской антропонимической лексики способствует решению вопросов: каким образом антрополексемы отражают антропонимическое знание о мире и индивидуальную идентичность автора поэтического текста.

На данный момент в лингвистической литературе отсутствует комплексное исследование поэтических антропонимов Г.Р. Державина.

Материалом исследования послужила авторская картотека, в которую вошло 200 антропонимов (без учета апеллятивно-антропонимических единств). Сбор антропонимического материала проводился методом сплошной выборки³.

Основной **гипотезой**, доказательству которой посвящена работа, является следующее предположение: использованные Г.Р. Державиным

³ Антропонимический материал извлекался из различных изданий, в частности из издания: Державин Г.Р. Избранное /под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина 2013. 304 с.

имена собственные являются его особым средством отражения речемыслительной поэтической деятельности, связанной с процессом наименования персонажей. Языковая образность поэтических антропонимов лежит в особом формате антропонимического знания о реальных, исторических или вымышленных субъектах.

Цель исследования – выявить когнитивные основы функционирования антропонимов в поэзии Г.Р. Державина и определить их роль как специфической языковой категории, представляющей особый тип организации антропонимического знания.

Для достижения намеченной цели в работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) изучить современные научные подходы исследования антропонимов в поэтических произведениях;
- 2) сформировать корпус поэтических антропонимов Г.Р. Державина и выявить основные концептуальные области, через которые человек интерпретирует художественные антропонимы;
- 3) описать антропонимические знания, отраженные в произведениях Г.Р. Державина в аспекте их происхождения, структуры, семантики и функций, установить связь антропонимов с историческими, культурными, социальными факторами.
- 4) исследовать антропонимическое творчество Г.Р. Державина как особого типа организацию антропонимического знания – концептуально-тематическую область «Человек»;
- 5) овладеть приёмом когнитивно-матричного формата для анализа антропонимов и описать компоненты частной когнитивной матрицы «Человек» как системы когнитивных контекстов;
- 6) обосновать статус поэтических имен собственных в рамках оппозиции «оним – поэтоним»;

7) установить релевантные признаки поэтонимов в творчестве Г.Р. Державина, формирующих уникальный идиостиль русского поэта.

Методы и приемы анализа. Использован дескриптивный метод с приёмами описания, анализа и систематизации антропонимических фактов; методы сбора антропонимических единиц и их контекстуального и стилистического анализа; метод обобщения материала; системный подход, в рамках которого антропонимы рассматриваются как целостная система антропонимических (языковых) средств. При описании фактического антропонимического материала использовался описательно-интерпретационный анализ. Основным методом исследования антропонимов в поэтическом творчестве Г.Р. Державина послужил когнитивно-матричный анализ.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы в области:

1) традиционной теории номинации в отношении к именам собственным (работы А.Н. Антышева [Антышев 2000], М.В. Горбаневского [Горбаневский 2006, 1988], Г.Б. Мадиевой [Мадиева 2011], Н.К. Фролова [Фролов 2005], Р.Ю. Намитоковой, [Намитокова 2016], Д.И. Ермоловича [Ермолович 2001], Г.Ф. Ковалева [Ковалев 2020, 2019, 2014, 2004], Э.Б. Магазаника [Магазаник 1978, 1968, 1967], В.А. Никонова [Никонов 1974], А.В. Суперанской [Суперанская 2009, 2007], В.И. Супруна [Супрун 2020, 2019], А.А. Фомина [Фомин 2019, 2009, 2004], А.Л. Шарандина [Шарандин 2021] и другие);

2) когнитивной ономастики (работы В.В. Алпатова [Алпатов 2024, 2007, 2006], Л.В. Бабиной [Бабина 2011], Н.Н. Болдырева [2021, 2020, 2016, 2008, 2006, 2004], Н.В. Васильевой [Васильева 2016,], Н.Д. Голева [Голев 2012], О.И. Копача [Копач 2016], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004], Е.С. Плешкова [Плешков 2016], Т.В. Хвесько [Хвесько 2020], А.Л. Шарандина

[Шарандин 2012], А.С. Щербак [Щербак 2024, 2023, 2022, 2016, 2013] и другие);

3) литературной ономастики (работы М.Ю. Барковой [Баркова 2024], Н.В. Васильевой [Васильева 2022, 2020, 2009], И.Б. Вороновой [Воронова 2020], С.И. Зинина [1986], Г.Х. Зиннатуллиной [2023], Ю.А. Карпенко [1986], Е.В. Картуновой [Картунова 2011], А.Г. Крыловой [Крылова 2020], Л.В. Разумовой [Разумова 2002], Д.В. Савельева [Савельев 2020], С.А. Скуридиной [Скуридина 2020, 2020а, 2019], О.И. Фоняковой [Фонякова 1990] и другие);

4) анализа литературоведческого текста (работы В.М. Калинин [Калинкин 2017, 2016, 2002], Л.В. Поляковой [Полякова 2008], Н.Ю. Желтовой [Желтова 2013], Е.В. Алтабаевой [Алтабаева 1999], Ю.В. Гуськовой [Гуськова 2013], Ю.Н. Денисова [Денисов 2008], Д.Р. Кадымовой [Кадымова 2022], и другие).

Научная новизна диссертации определяется когнитивным подходом к изучению антропонимов в поэтическом творчестве Г.Р. Державина на предмет рассмотрения их как структурных элементов концептуально-тематической области «Человек» в поэтической картине мира как части языковой картины мира; в разработке авторской методики комплексного описания державинских антропонимических единиц в контексте когнитивной матрицы, позволяющей объективировать суть поэтического антропонимического знания. Новизна исследования состоит в осмыслении разработки важнейших положений о строении такой языковой категории, как поэтический антропоним.

Теоретическая значимость диссертации заключается в углублении когнитивных оснований рассмотрения традиционной ономастики в части описания поэтических антропонимов, в обосновании использования метода оппозиции, способствующему осмыслению глубинных когнитивных антропонимических структур, в разработке концептуально-

тематической области «Человек», в рамках которой поэтическое творчество осмысляется через антропонимическое проявление различных типов знания (знания об имени, фамилии, прозвище, псевдониме).

Практическая значимость результатов проведённого исследования заключается в возможности использования её результатов в обучающей практике осмысления и анализа русских имён и фамилий, в межкультурной коммуникации; могут быть использованы в лекционных курсах по таким дисциплинам, как «Теория текста и дискурса», «Стилистика»; «Лексикология», «Имагология»; в разработке спецкурсов по анализу и интерпретации текста, сопоставления ономастиконов поэтов; при выполнении исследовательской и проектной работы обучающимися в средних школах и высших учебных заведениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Антропонимы в поэтическом творчестве являются не только компонентом текста, раскрывающим индивидуально-творческую концепцию автора, но и отраженной формой его мышления.
2. Специфическая трансформация антропонима в поэтическом тексте способствует появлению особого класса онимов – поэтонимов, отражающих поэтический способ структурирования концептуально-тематической области «Человек».
3. Антропонимические поэтонимы (антропоэтонимы) являются собой пример матрицы общего характера и передают многоаспектное знание. Частная когнитивная матрица «Человек» представляет собой систему осмысления конкретного литературного субъекта-мысли.
4. Маркированность поэтической антропонимической системы языка обеспечивается такими характерными признаками, как «образность», «ассоциативность», «гипертрофированная семантика», «эстетическая сущность», «долговременность». Наличие возможностей для существования антропонима в естественной коммуникации и поэтическом

тексте свидетельствует о расширении смыслового объема поэтических антропонимов и усилении их эстетической функции.

5. Совокупность антропонимических единиц в поэтическом творчестве Г.Р. Державина образует антропонимикон поэта, в структуре которого преобладают ядерные мужские антропонимы.

6. Державинские антропонимы служат показателем включенности творчества Г.Р. Державина в определенный темпоральный срез, являются особым маркером его поэтической сферы и служат идентификатором образности и эмоционального восприятия поэтических произведений.

Апробация работы результатов исследования. Основные положения исследования и его результаты были изложены и обсуждены на заседаниях кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и представлены в виде докладов на научных конференциях, а именно: Всероссийская научная конференция с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы (г. Тамбов, 18-19 сентября 2025 г.); XVI Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (г. Тамбов, 20 мая 2025 г.); XXII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (г. Саратов, 26-29 сентября 2024 г.); XV Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (г. Тамбов, 23-25 мая 2024 г.); Международная студенческая проектная сессия «Информационно-коммуникативная культура специалиста в цифровую эпоху (г. Москва, 15-17 мая 2024 г.); Международный научный симпозиум «Terra scimus. Языковой менеджмент и коммуникационный маркетинг в формировании профессиональных компетенций PR и медиаспециалистов» (г. Барнаул, 29-31 марта 2023 г.); II Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурной среде: наука, культура, межкультурная

коммуникация» (г. Самарканд, 14-16 марта 2023 г.); XIV Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, 23-24 мая 2023 года).

Структура работы традиционна, состоит из Введения, двух глав, в конце каждой главы подводится итог проделанной работе в рамках данной главы, Заключения, Списка использованной научной литературы (включая словари, справочники и электронные ресурсы) в количестве 203 наименований, Приложений «Причины выбора антропонима *Державин* для названия адресных линейных объектов в основных городах России» и «Показатель частоты употребительности антропонимов в поэтических текстах Г.Р. Державина».

ГЛАВА 1.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОЭЗИИ

«Имя – тончайшая плоть, посредством
которой объявляется духовная сущность»
П. Флоренский

В научной литературе используются термины «литературная ономастика», «поэтическая ономастика», «ономастика художественного текста», «поэтика онима» (см. подробно: [Фомин 2009: 57; Калинин 2006: 81-88; Скуридина 2019: 54-55]), которые понимаются как однозначные, хотя их следует различать. Литературную ономастику следует понимать в широком контексте (собственные имена присутствуют не только в художественной литературе, но публицистической, мемуарной, научно-популярной и др. [Фомин 2009: 57-67]).

«Литературная ономастика – это отдельная область исследований, которая изучает особенности употребления онимов в тексте художественного произведения» [Баркова 2024: 4]. Поэтическая ономастика – это только использование автором собственных имён любых разрядов «в поэтических (художественных) «текстах» [Калинкин 2016, 2017].

Литературная ономастика и поэтическая ономастика вступают в отношение как «общее – частное». Этому пониманию способствует постулат, что язык художественной литературы – это «особая разновидность общелитературного языка со своими специфическими закономерностями в содержании и форме» [Филин 1981: 315]. Данное понимание стало основополагающим постулатом для изучения русской поэтики XXI века.

Русский философ и мыслитель П.А. Флоренский считал имя собственное первичным по отношению к самому художественному образу и в своей концепции рассматривал имя собственное как «категорию познания личности» [Флоренский 2007: 16]. Из этого следует, что признавая функцию называния первичной в процессе создания художественного мира произведения, можно считать, что номинация в художественном тексте протекает в ментально-знаковой области, что об ономастике художественного произведения можно говорить как о вторичной системе, формирующейся на основе уже существующей общеязыковой системы, с которой вступает в непростые отношения [Баршт 2019: 27; Калинин 2008: 98], актуализируя потенциал культурно-исторических знаний [Бабенко 2000: 137]. В структуре художественного произведения онимы отражают стилистически-эмоциональный модус, характеризацию персонажей, авторское эстетическое мировидение.

Насколько значительное место в ономастических исследованиях нашего времени занимает литературная ономастика, можно судить по тому, что на ежегодной Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая проводится на протяжении последних 58 лет, работают специальные секции «Литературная ономастика», «Литературная и фольклорная ономастика».

Возросший интерес к изучению имен собственных в текстах художественной литературы объясняется расширением исследований в сфере когнитивной ономастики, которая ставит перед собой задачу выявить специфику закреплённой информации в именах собственных и её конкретизацию [Робустова 2024: 42-58]. В отличие от традиционного подхода, когнитивная ономастика сосредоточена на выявлении в имени собственном специфики закреплённой в нём определённой информации об окружающей действительности.

1.1. Становление и развитие поэтической ономастики как самостоятельной науки

Литературная ономастика как самостоятельная научная дисциплина сформировалась только во второй половине XX века. Но предпосылки её развития можно проследить уже в античной литературе, где имена собственные играли важную художественную роль при выборе объекта номинации, выполняя функции создания художественного образа.

Еще Аристотель отметил, что имена связаны с сущностью именуемого, связаны с предметом (объектом), который они определяют, т.е. приобретают условное значение, когда становятся символами, образами, т.е. особым типом словесного знака.

Как особый тип языковых знаков имена собственные впервые были выделены стоиками (Хрисипп – ок. 211-205 гг. до н.э.), что нашло отражение в исследованиях ученых различных школ и направлений XX века – Р. Барта, А. Гардинера, О. Есперсена, С.Д. Кацнельсона, Е. Куриловича, Б. Рассела и др.

В «Российскую грамматику» (1755 г.) М.В. Ломоносов включил главы «О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских», «О именах увеличительных и умалительных»⁴

Известный труд М.В. Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» содержит рассуждения ученого об отличии имен нарицательных от имен собственных на основе различия их значений по категории род – вид, приводятся примеры топонимов. По мнению М.В. Ломоносова, родом «называется подобие особенных вещей». В качестве примера ученый приводит названия рек: Волга, Висла, Двина, Днепр Нева. На материале антропонимов В.М. Ломоносов приводит

⁴ <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/200-279.htm>.

примеры их использования в качестве риторических, изобразительных средств. Важным является тот факт, что в эпоху классицизма М.В. Ломоносов рассматривал имена собственные как важный тексто- и стилеобразующий показатель⁵.

В 1835 г. В.Г. Белинский при анализе пушкинских фамильных антропонимов Онегин и Печорин писал о том, что «в одном имени собственном целый мир»⁶.

К вопросу о таких славянских именах, как Добрыня, Светозар, Ярослав, которые в XIX уже вышли из употребления, обращался русский писатель Н.С. Лесков в статье «О русских именах» (1883 г.) и в работе «Календарь графа Толстого»⁷. В 1878 году была опубликована статья В.Ф. Миллера «По поводу Трояна и Бояна “Слова о полку Игореве”», затем его работа «О былинном царе Калине» (1907) и статья «О некоторых былинных именах» (1909). В.И. Чернышев в 1908 году представил анализ трех имен пушкинских сказочных персонажей. Были рассмотрены имена Салтан и Гвидон в «Сказке о царе Салтане» (её полное название «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди») и имя *Дадон* (персонаж «Сказки о золотом петушке А.С. Пушкина»). Эти три имени А.С. Пушкин заимствовал из книги лубочного издания «Сказка о славном и храбром богатыре Бове королевиче и о прекрасной королевне Дружневне и о смерти отца его Гвидона». В.И. Чернышев представил анализ имени Чернавка (персонаж «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина)

⁵ Ломоносов М.В. О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии. С. 469-473.

⁶ Белинский В.Г. Ничто о ничем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 7-50.

⁷ Лесков Н.С. О русских именах // Новости и Биржевая газета. 1883. 24 дек.; Календарь графа Толстого // Русское богатство. 1887. № 2. С. 195-207.

и описал процесс апеллятивации – переход имени собственного в имя нарицательное [<https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps6/ps62128-.htm>].

В двадцатые годы XX века М.С. Альтман изучал имена собственные в античной литературе. Его кандидатская диссертация «Семантика собственных имён в античном эпосе» (1928 г.) и докторская диссертация «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера» (1939 г.) способствовали дальнейшему развитию изучения собственных имен в художественных произведениях.

Первая диссертация по поэтической ономастике была защищена в 1956 г. Вс. Н. Михайловым⁸, что способствовало впоследствии активному росту исследований, посвящённых поэтике собственных имен. Появляются исследования, в которых доказывается, что имена собственные становятся семантически значимыми только в условиях художественного контекста.

В 1969 году на базе факультета русской филологии Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои с участием группы этнической ономастики Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая состоялся первый семинар по проблемам в области ономастики, которым руководил В.Н. Никонов. Этот семинар объединил исследователей из разных регионов СССР, представивших разнообразные направления ономастики, в числе которых была заявлена и «лингвистическая» ономастика. В 1971, 1974, 1976 годах в Самарканде были опубликованы три выпуска «Вопросы ономастики», входивших в издание «Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Новая серия». В этом издании обращают на себя внимание статьи ученых Э.Б. Магазаника и Л.И. Ройзензона, посвященные рассмотрению поэтических и стилистических функций собственных имён в художественных произведениях. Ученые обратили особое внимание на

⁸ Диссертация Вс. Н. Михайлова называлась «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование».

разграничение понятий «ономопозэтика» и «ономостилистика» и считали, что «ономопозэтика рассматривает литературоведческий аспект употребления ономалексем в художественных текстах, а ономостилистика рассматривает лингвистический аспект. Важной идеей этих ведущих ученых является выделение группировки персонажей и распределение форм имён по жанрам.

С.А. Скуридина, подробно освещая истоки литературной ономастики, отмечает, что в сфере художественной литературы каждое имя собственное получает определенную эстетическую нагрузку [Скуридина 2019: 55]. Следовательно, имя собственное выполняет, прежде всего, символическую и оценочную функции [Шагинян, Магазаник 1958]. Ядро поэтического ономастикона составляют антропонимы, чему способствует тот факт, что этот разряд онимов выступает в качестве одного из главных средств создания образа лирического героя, демонстрируя его социальный статус, «духовное и душевное строение» [Флоренский 1993: 70].

В наши дни активно развивается Воронежская ономастическая школа, в рамках которой ученые изучают индивидуально-авторское своеобразие формирования ономастикона в художественном тексте и выявляют универсальность факторов, влияющих на выбор того или иного антропонима для художественного текста. В рамках этой ономастической школы исследование художественного ономастикона ведётся в различных аспектах, в частности:

- проблемы изучения литературной ономастики с позиций автобиографизма;
- имена собственные как свидетельство хронотопа и как способ воссоздания психологии персонажа;
- имя собственное как составляющая системы ономастикона художественного мира того или иного художника слова как творческой языковой личности;

- мировоззренческий аспект как один из составляющих ономастическое пространство художественного произведения в выборе способов именования персонажей.

Успешность Воронежской ономастической школы обусловлена научной деятельностью её основателя и руководителя Г.Ф. Ковалева, труды которого по литературной ономастике вошли в ономастический фонд научной классики [Ковалев 2020, 2014, 2004]. Г.Ф. Ковалев создал тот научный потенциал, благодаря которому в настоящее время литературная ономастика привлекает особое внимание лингвистов. Его фундаментальный труд «Пушкин и ономастический комментарий» – это пример комплексного исследования имен собственных в поэтических произведениях [Ковалев 2019: 223-239].

К ведущим современным российским школам в области ономастики относится Уральская ономастическая школа (основатель А.К. Матвеев), на базе которой сегодня издается единственный в России журнал «Вопросы ономастики». Ярко заявила о себе Волгоградская ономастическая школа, представители которой ежегодно проводят Международную конференцию «Ономастика Поволжья», постоянным председателем действующего оргкомитета конференций является В.И. Супрун.

Выделившаяся в самостоятельную научную дисциплину литературная (поэтическая) ономастика имеет свой предмет, объект изучения, задачи и методологию [Фонякова 1990]. Объектом поэтической ономастики, по мнению В.М. Калинкина, является «поэтоним». Это «не реальный, а существующий в сознании автора и воспринимающийся читателем художественный образ человека или объектов, обладающий коннотациями и служащий выражению авторской оценки, реализации художественного замысла писателя» [Калинкин 2008: 97].

Такие ведущие ученые в области литературной ономастики, как М.Ю. Баркова [Баркова 2024], Н.В. Васильева [Васильева 2020, 2009, 2022],

М.В. Горбаневский [Горбаневский 1988], В.М. Калинин [Калинкин 1999, 2016, 2017], Ю.А. Карпенко [Карпенко 1986], Г.Ф. Ковалев [Ковалев 2000; 2004; 2009], С.А. Скуридина [Скуридина 2019, 2020], В.И. Супрун [Супрун 2019], Э.Б. Магазник [Магазник 1968] и многие другие доказывают, что художественные онимы обладают уникальным потенциалом с точки зрения языковой репрезентации и поэтизации.

Поскольку поэтическая ономастика возникла на стыке различных гуманитарных научных дисциплин (литературоведения, языкознания, социологии, истории, психологии, культурологии, семиотики и др.), то междисциплинарные связи литературной ономастики отражают разные аспекты. Но в первую очередь следует учитывать теорию «общей образности», в основе которой лежит представление о художественном произведении как замкнутой и целостной системе, элементы которой образуют структуру и обнаруживают связи и отношения, обуславливающие внутреннее единство этой системы и позволяющие ей выполнять поэтическую (эстетическую) функцию в понимании и восприятии читателем художественного текста как эстетического объекта.

Для выявления различных признаков антрополексем в тексте, по которым они осознаются как имена собственные адресатом, Н.В. Васильева использует термин «проприальный сигнал» (впервые был введен в научный обиход Х. Кальверкемпером). На первом уровне проприума действует графический сигнал – прописка буква [Васильева 2005: 118].

В основе изучения функционального мира поэтической ономастики лежат достижения языкознания, которые сводятся к трем аспектам:

1. Представление о системности языка, восходящее к трудам Фердинанда де Соссюра.

Системность ономастики отражается в иерархии и взаимосвязи различных разрядов онимов внутри ономастического поля с ядром,

периферией и околядерными зонами. Главными элементами ономастического поля рассматриваются антропонимы (собственные имена людей: имена, фамилии, отчества, прозвища) [Супрун 2000].

Развивающийся в наши дни культурологический подход вызвал к жизни определение ономастической системы «как особой знаковой подсистемы, основным параметром которой является (по сравнению с нарицательной лексикой) зависимость от социокультурных обстоятельств» [Беяева 2009: 113].

Следовательно, системность языка в ономастике отражает ключевой принцип, обеспечивающий изучение имен собственных как неотъемлемой части языковой и культурной системы.

2. Представление о знаковом характере слова.

Любое имя собственное – это слово, которое имеет широкое и узкое понимание (см. подробно [Русская грамматика 1980, Т. 1: 461]).

Дж. Локк, один из ранних мыслителей, в учении о знаках рассматривал слова как «чувственные знаки, необходимые для общения» [Локк 1985, т. 1: 461] и подчеркивал, что «люди предполагают, что их слова являются знаками идей и в уме других людей» [там же: 463]. Взгляды Дж. Локка во многом определили идеи Фердинанда де Соссюра, который рассматривал язык как систему знаков.

По мнению А.В. Суперанской, значение антропонима являет собой сложный комплекс, в котором сосуществует лингвистический и экстралингвистический план [Суперанская 2009]. Развивая идею М.В. Горбаневского, который рассматривал содержание топонима как свернутый текст [Горбаневский 1996], можно предположить, что потенциально любой антропоним может быть представлен как структурированный свёрнутый текст, содержащий такие компоненты, как идентификационный, этимологический, историко-культурный, метафорический.

XXI столетие в ономастике отмечено лингвокогнитивным подходом к решению проблем языкового значения ономалексемы «как особого знака языка, являющегося частью ономастического пространства» [Багана 2008: 82]. Под «ономастическим знаком» ученые понимают «любое имя собственное, отражающее языковые и энциклопедические знания и служащее для организации ономастического знания в человеческом сознании» [Щербак 2023: 273].

Имя собственное в художественном произведении как языковой знак, фиксируемый означаемое и означающее в тексте, непосредственно связано с познанием. Из сказанного следует, что поэтический антропоним вскрывает предназначенность к его художественному познанию и отсылает нас к когнитивной матрице, «открывающей доступ к тем или иным концептуальным областям», к когнитивным контекстам» [Болдырев 2021: 82], в рамках которых отражается и понимается антрополексема в художественном тексте.

Следовательно, в системе поэтического языка, связанного с художественным мышлением, антропонимы позволяют извлечь определенные знания о художественном мире произведения посредством языка.

3. Представление о разграничении языка и речи.

Впервые Фердинанд де Соссюр разграничил «речь» и «язык» и противопоставил язык как социальное явление речи как индивидуальному явлению. «Речь необходима для того, чтобы сложился язык» [Соссюр 1998: 57]. А.А. Потебня развивал идеи о различии языка как объективной данности и речи как субъективного «живого» выражения индивидуального восприятия.

Автор художественных произведений раскрывают идею, замысел текста с помощью осознанного выбора реального имени собственного или им созданного для выражения субъективного отношения к тому, о чем он

пишет. Это послужило основанием для понимания того, что имена собственные стали лингвистическим объектом изучения художественной речи. Язык содержит систему ономастической лексики, а художественная речь реализует эту систему для индивидуализации и идентификации реальных или художественных объектов посредством собственных имён (см. Таблица 1.)

Таблица 1.

Онимы в системе языка и художественной речи

Имя собственное в языке	Имя собственное в художественной речи
номинативная функция	поэтическая функция (по Р.О. Якобсону)
стилистически нейтрально	средство создания художественного образа, множества коннотаций и подтекстовых значений
обыденность, повседневность имени собственного	общая образность имени собственного
конкретность обозначения в повседневной речи, отражает обыденное мышление	включенность в систему смыслов и символов, отражает художественное мышление
содержательный аспект не требует выхода в абстрактность.	содержательный аспект расширяется, семантика трансформируется до объемов текста
интерпретация однозначная	интерпретация может быть многозначной и зависеть от контекста
объективность	влияние субъективного, индивидуального,
участие в коммуникации	воплощение в контекст произведения
феномен индивидуальной жизни	феномен создания образов и символов
отражение языковой картины мира	отражение авторской художественной картины мира

Как показывает Таблица 1, имя собственное в языке и художественной речи представляют собой разные функционально-семантические единицы. Поэтическая ономастика сосредотачивает свое внимание на поэтических особенностях и художественной функции имен

собственных. В литературных текстах антропонимы служат особым способом организации художественной речи, несут дополнительную эстетическую и образную нагрузку и акцентируют внимание на специфике творческого (креативного) выбора имен персонажей автором, их роли в создании художественного образа и в структурной организации текста.

При рассмотрении специфики имени собственного в художественной литературе Ю.А. Карпенко выделил следующие отличительные признаки литературной ономастики [Карпенко 1986: 35].

1. Сознательный выбор и изобретение имени собственного автором художественного произведения.
2. Литературная ономастика является сложным семантическим знаком.
3. Литературная ономастика – это часть художественной речи, отличающаяся от реальной ономастики (повседневного традиционного именника) своей творческой и стилистической природой. Из этого следует, что литературная ономастика вторична.
4. Литературная ономастика восходит к реальной (национальной, общенародной) ономастике, опирается на реальные ономастические нормы. Из этого следует, что литературная ономастика вторична.
5. Как правило, присутствие в художественном произведении заглавия – особого типа имен собственных.

Обращает на себя внимание тот факт, что становление поэтической ономастики во многом связано с идеями двух научных школ: литературно-критической русской формальной школы и тартуско-московской семиотической школы.

Литературно-критическая русская формальная школа

Русская формальная школа сформировалась в 1916-1925 годах XX столетия. С появлением работы В.Б. Шкловского «Воскрешение языка» (1914), двух сборников формалистов «Сборник по теории поэтического

языка» (1916, 1917), сборника «Поэтика» (1919) развивались идеи нового научного направления в литературоведении и началась научная деятельность литературоведов ОПОЯЗа (Общество изучения теории поэтического языка, или Общество изучения поэтического языка). Ученые рассматривали художественное произведение как «сумму» формальных приёмов с учетом функциональной связи всех его компонентов и первостепенную роль отводили понятию «поэтический язык».

Научные идеи А.А. Потебни, А.А. Веселовского, А. Белого развили художественные мысли ярких представителей формальной школы Б.М. Эйхенбаума, Ю. Тынянова, Р.О. Jakobsona и других ученых, которые разделяли концепцию В.Б. Шкловского, яркого представителя формализма. Согласно этой концепции, читатель должен увидеть произведение литературы не таким, как он его воспринимает, а каким оно было создано автором.

Представители формальной школы, «формалисты» (группа ученых-теоретиков, которые с 1916 года начали издавать свои сборники). Будучи в «Обществе изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ), формалисты ставили перед собой задачу изучения поэтического языка как такового, языка поэзии, в отличие от общенародного языка, и искали ответ на вопрос, что есть литературность как таковая.

В работах «формалистов» обращение к собственным именам носило достаточно регулярный характер, например, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.В. Виноградов исследовали произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других русских писателей.

Одним из первых, кто всесторонне исследовал поэтику и стилистику русского литературного языка, был В.В. Виноградов, который отводил особую роль изучению роли имен собственных в формировании авторской индивидуальности, рассматривая идиостиль А.С. Пушкина, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова и других русских классиков.

По мнению Ю.Н. Тынянова, в художественном произведении не может быть «неговорящих» имен, поскольку любое имя по-своему характеризует образ и поэтому представляет собой средство достижения художественной выразительности.

Совершенно очевидно, что внимание ученых, прежде всего, привлекли произведения русской классики XIX в., которые прочно вошли в культурный фонд русской литературы. При этом для анализа обычно выбирался ономастикон произведений писателей, которые использовали литературные имена с яркой внутренней формой или очевидным поэтическим колоритом, что сразу бросалось в глаза читателям. «Такие произведения способствовали распознаванию характеризующих функций этих имен собственных и активизации всей ценностной канвы произведения» [Фомин 2004: 114].

Тартуско-московская семиотическая школа

Тартуско-московская семиотическая школа, вдохновителем и организатором которой был Ю.М. Лотман, сформировалась в 1960-х – 1980-х годах XX века. Ученые обратились к методологическим изысканиям понятия «текст», который понимался как любая знаковая система, и развивали структуралистский подход к изучению художественной литературы.

Опираясь на опыт литературно-критической русской формальной школы и идеи М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, В.Я. Проппа, Павла Флоренского, представители семитической школы В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Б.А. Успенский, А.М. Пятигорский и другие ученые в рамках семиотики сосредоточились на анализе литературных текстов в знаковых системах языка и культуры, в поисках общих принципов познавательной деятельности, применимых не только к художественным текстам, но и к произведениям культуры вообще в аспекте осмыслении культурно-эстетических феноменов, к числу которых относятся и имена собственные.

По мнению О.И. Фоняковой, антропонимы, будучи особым типом словесных знаков, служат для выделения и идентификации единичных субъектов и выражают представления об этих субъектах в языке, речи и национальной культуре [Фонякова 1990].

Таким образом, тенденция понимания онимов как особых типов языковых знаков, идущая еще от стоиков и утвердившаяся учеными тартуско-московской семиотической школы, создает предпосылки для выявления маркированности поэтической подсистемы языка с позиции участия антропонимии в создании отдельного литературного произведения. Этому способствует тот факт, что имена собственные в художественном произведении проявляют свою «текстовую природу», которая находит отражение в способности к предикации фоновой информации, различных сведений о характеристиках, качествах, особенностях именуемых лирических героев.

Оним как структурированный свёрнутый текст впервые был рассмотрен М.В. Горбаневским на материале топонима⁹. В настоящее время понимание сущности топонима как свёрнутого текста активно разрабатывается учеными [Липатова 2024: 67-76]. Развивая идеи «оним – текст», В.О. Максимов проанализировал план содержания русского фамильного антропонима как определённым образом структурированный свёрнутый текст¹⁰. Н.В. Васильева использует понятие «формула имени как микротекст»¹¹.

Становление литературной (поэтической) ономастики прошло путь от отдельных наблюдений над именами собственными в классической

⁹ Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общ-во любителей российской словесности, 1996. 304 с.

¹⁰ Максимов В.О. Вариативность современного русского фамильного антропонимикона: лексикографический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Максимов Владимир Олегович. – Тамбов, 2016. – 24 с.

¹¹ Васильева Н.В. Имя собственное в мире текста: монография. М.: Акад. Гуманитар. Исслед., 2005. С. 78.

литературе и концептуальных идей XX века до современной интегративной области ономастических знаний, которые осмысляются в когнитивном аспекте. В центре внимания когнитивной ономастики находятся имена собственные как когнитивные образования, которые служат для кодирования ономастического знания, что отличает это направление от других подходов в ономастике.

В научный обиход вводится понятие «художественный концепт» как «основная ментальная единица языкового сознания писателя или поэта» [Шарандин 2012: 23]. По мнению А.Л. Шарандина, в основе художественного концепта лежат «чувственные, экспрессивные, ассоциативные механизмы, формирующие его ассоциативно-образное эстетическое пространство» [там же].

Таким образом, в системе художественно вымышленной действительности имена собственные отражают определенные ономастические знания.

1.2. Основные направления литературной ономастики

В развитии поэтической ономастики как самостоятельной науки начиная с 1960-х годов XX века значительный вклад внесли видные ономатологи: В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, Ю.А. Карпенко, Г.Ф. Ковалев, Е. Курилович, Э.Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, В.А. Никонов, Е.П. Полякова, А.В. Суперанская, А.В. Сулова, В.С. Супрун, В.Н. Топоров, О.И. Фонякова, В.К. Чичагов, О.И. Фонякова; лексикографы О.С. Отин, Н.А. Петровский, Н.В. Подольская, П.М. Тупиков, О.Н. Трубочёв, Б.О. Унбегаун, М. Фасмер; философы А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский; лингвисты-историки С.Б. Веселовский, Л.В. Успенский и другие.

Многочисленные исследования имен собственных в художественном пространстве закрепили необходимость тесно увязывать изучение функций

собственных имён с поэтикой художественных произведений. Учёные рассмотрели целый ряд функций поэтических имен собственных в структуре художественных произведений (см. общая классификация функций поэтонимов подробно освещена в работе М.Ю. Барковой [Баркова 2024: 12-14]). Следует обратить внимание на прототипическую функцию имен собственных, которая заключается в способности хранить скрытое содержание и фоновую информацию, отсылающую к прототипу лирического героя, облегчая понимание именуемого субъекта в границах текста [Щербак 2024: 851-860].

В настоящее время сформировались основные подходы к изучению функционирования литературной (поэтической) ономастики.

1. Философское направление (10-х – 20-х гг. XX в.).

Имя собственное рассматривалось в философской интерпретации. А.А. Флоренский для разработки теории имени собственного выделяет особую область знания – ономатологию и обосновывает, что имя собственное в художественном тексте является первичным по отношению к самому образу, который интерпретируется. В литературном творчестве, по мнению ученого, имя как «тончайшая плоть» воспринимается «категорией познания личности» [Флоренский 2007: 16].

2. Логическое направление сосредоточивает внимание на анализе имен собственных в аспекте теории референции, восходящей к трудам Аристотеля и семантическим исследованиям языка в работах С. Крипке, Б. Рассела, Г. Фреге.

3. Лингвокультурологический подход рассматривает имена собственные в контексте культурной семантики и лингвокультурологического потенциала (работы Н.И. Толстого, В.Г. Костомарова, А.С. Мамонтова, В.Н. Телии, Ю.Н. Караулова, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, В.В. Катерминой и других).

4. Филологическое направление анализирует онимы в контексте художественного текста. В свое время Р.О. Якобсон проанализировал стихотворение А.С. Пушкина «Воспоминание» и поэтическую миниатюру М.Ю. Лермонтова «Сосна». Это направление нашло продолжение в работах Л.А. Новикова, Н.Н. Шанского, В.В. Виноградова и ряда других филологов.

Наиболее представленным в литературной ономастике оказался анализ литературной антропонимии: исследование имен собственных персонажей, их символики, образности и роли в структуре художественного произведения, а также соотношение антропонимов с сюжетом, событийными и временными рамками, позволяющими раскрыть идиостиль автора (работы В.М. Калинкина, Г.Ф. Ковалева, Н.К. Фролова, А.А. Фомина, С.А. Скуридиной, А.М. Мезенко, А.Ф. Рогалева, Т.А. Сироткиной, А.Н. Шевченко, Т.А. Шелест, Г.Х. Зиннатуллина и других).

5. Лингвистическое направление при анализе имен собственных выдвигает на первый план проблему взаимодействия их со структурой художественного текста и рассматривает имя собственное как языковую категорию. Любое имя собственное является единицей языка, и поэтому рассматривается как объект языкознания. Это направление представлено в многочисленных работах, посвященных значению и месту ономастической лексики в системе языка (Н.Д. Арутюновой, Ю.А. Карпенко, В.Д. Бондалетова, Д.И. Ермоловича, М.Э Рут, Н.В. Васильевой и других). По мнению ученых, имена собственные, будучи элементами (компонентами) художественного текста, способствуют целостному отражению художественной реальности, свойственной конкретному времени, в которую творил художник слова.

6. Когнитивное направление исследует способы представления, хранения и передачи ономастических знаний, репрезентируемых именами собственными, выявляет когнитивные механизмы, лежащие в основе

ономастической номинации, специфику закрепления информации в онимах, представленных в художественных текстах различных жанров (работы Н.В. Васильевой, Л.В. Бабиной, Н.Д. Голева, В.В. Красных, Е.О. Паршиной, В.В. Робустовой, А.С. Щербак и других).

Из указанных шести направлений наиболее перспективным для поэтической ономастики представляется последнее. Именно в рамках когнитивного направления наиболее объективно могут быть рассмотрены ономастические факторы, влияющие на интерпретацию имен собственных в структуре художественного пространства, и выявлены средства репрезентации ономастических знаний, что способствует пониманию художественного произведения как сложного когнитивного феномена, связанного с сознанием и языковым мышлением и автора, и читателя.

Будучи комплексной наукой, поэтическая ономастика появилась тогда, когда были накоплены теоретические обобщения в области языкознания, теории текста, логики, семиотики, философии, когнитивной лингвистики, на чьи достижения опирается традиционная ономастика в своем развитии в когнитивном направлении.

В аспекте когнитивного подхода имена собственные рассматриваются относительно к своему денотату, где референция понимается как когнитивная операция, реализующая отношения между языком и объектами в мире. Имена собственные как сложные когнитивные образования обладают концептуальным потенциалом и играют важную роль в когнитивной деятельности человека. Этот номинативный класс лексики в пространстве художественного текста не просто номинируют объекты, но и участвуют в процессах познания, категоризации и осмысления художественного мира, отражая ономастическое знание, жизненный опыт, историко-культурный и социальный контексты носителей языка. Благодаря этим свойствам антропонимы представляют собой

ценный источник для изучения когнитивных процессов, связанных с восприятием и моделированием художественной реальности.

1.3. Поэтоним как особый тип языковых знаков в художественном пространстве

Предмет художественной (поэтической) ономастики – это «вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы» [Калинкин 2008: 97]. Ономастический термин «поэтоним» на сегодня имеет устойчивую дефиницию в научной литературе.

В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин «ономастика литературная» рассматривается как «онимия литературного языка» [Подольская 1978: 97], «поэтическая антропонимика» определяется «как раздел антропонимики, изучающий поэтические антропонимы, их художественное использование». В примечании к словарной статье к термину «поэтическая антропонимика» приводятся синонимические словосочетания: «литературная антропонимика» и «стилистическая антропонимика» [Подольская 1978: 33].

Второе издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской включает термин «поэтическое имя» в значении «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [Подольская 1988: 108-109].

В художественном произведении поэтонимы отражают функциональную перестройку традиционного онима – подвижную

семантику за счет выполнения смысловой функции, связанной с выражением и передачей смысла, содержания или информации.

Любые разряды онимов в художественном тексте являются всегда опозитизированными, и в этом случае появляются, например, такие понятия, как антропоэтоним (поэтический антропоним), гидропоэтонимы (поэтический гидроним), топопоэтоним (поэтический топоним) и другие, которые приобретают вторичное по отношению к реальной онимии употребление и относятся к числу поэтонимов.

Под антропоэтонимом нами понимается сложный семантический знак, который существует только в структуре художественного произведения, представленный как собственно антропонимом, так и апеллятивно-антропонимическим единством – имя собственное может иметь при себе устойчивый так называемый апеллятивный «конвой» (термин Н.В. Васильевой).

Ученые отмечают, что «отличие поэтонимов от онимов связано с гегемонией эстетической функции и доминированием в их семантической сфере «поэтических» коннотаций» [Калинкин 2016: 23]. Речь идет о том, что поэтонимы не могут быть поставлены в один ряд с именами собственными, функционирующими в реальном мире, о чем говорилось выше (см. Таблица 1).

В плане содержания поэтонимы характеризуются динамичностью [Калинкин 2008: 97], существуют в сознании автора и воспринимаются сознанием читателя даже в том случае, если речь идет о вымышленном антропониме. Антропонимы обладают главенствующей эстетической функцией и поэтическими коннотациями, выступают в качестве элемента произведения [Фомин 2019: 181]. В рамках ономастической системы они наделяются кумулятивной функцией, которая заключается в способности накапливать и отражать разнообразную информацию (историческую,

географическую, культурную, мифологическую и др.) [Калинкин 2023: 325].

Таким образом, поэтонимы относятся к числу тех структурных языковых единиц текста, с помощью которых реализуются основные признаки, лежащие в основе выделения поэтического текста, скажем, от прозаического, поскольку поэтический текст имеет особую форму и ритм. К числу отличительных признаков поэтонимов относятся:

- создание поэтических образов для усиления экспрессивности текста и стилистической выразительности;
- передача идейно-эстетических задач произведения, авторского замысла и идеи;
- маркировка исторического времени, места события и тех или иных реалий, отражение культурной памяти, которая может быть актуализирована в зависимости от контекста употребления, что делает имена собственные не просто обозначениями, а своеобразными маркерами сложных смысловых конструкторов;
- формирование смысловой многомерности поэтического текста, что способствует интерпретации имен собственных;
- технология создания инструментов поэтической выразительности, образной насыщенности художественного дискурса, что оживляет поэтический текст и усиливает его эмоциональную выразительность.

Поэты и писатели часто придумывают имена своим героям, однако гораздо чаще используют фамилию или имя персонажа из того богатого именника, который составляет национальную онимию.

Итак, поэтонимами могут выступать как реальные собственные имена, так и вымышленные, они существуют только в контексте литературно-художественной речи и отбираются осознанной когнитивной деятельностью автора текста, «автор сознательно из ономастической

системы языка отбирает определённые единицы, следуя своим предпочтениям» [Крылова 2020: 11].

Поэтонимы обладают специфической «способностью» создавать образность поэтической (художественной) речи и наделяться аллегорическим, метафорическим, символическим, мифологическим, фольклорным и др. смыслом еще до начала своего функционирования в тексте. Иными словами, образ лирического героя всегда предшествует именованию и способствует появлению некоего нового знания, отраженного в поэтониме, и практически бесконечного порождения новых смыслов в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека (автора текста и читателя).

В творческом сознании автора художественного произведения поэтоним соотносится с конкретным персонажем и становится одним целым с художественным образом, отражая в своём семантическом потенциале особенности культуры, ее национальное своеобразие и мировидение автора.

Основным способом оперирования знанием об имени собственном в поэтическом тексте является интерпретация, которая индивидуальна, субъективна и ориентирована на концептуальную систему языковой личности. Суть интерпретации имен собственных в художественном тексте «обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках» [Болдырев 2016: 27].

На языковом уровне поэтонимы оформляются с помощью различных структурных моделей, представляющих собой однословие, которое выполняет синтаксическую функцию приложения (несогласованного определения), словосочетания, которые обладают определительной семантикой и имеют морфологическую оформленность.

Для стихотворений XVIII века под влиянием классицизма, барокко, западноевропейской литературы было традиционно давать произведениям длинные, многословные названия, которые служили своего рода презентацией произведения, развернутой аннотацией и точно отражали его содержание. Эти названия могли включать описание сюжета, указывать на жанр, информировать читателя о событиях, указывать и характеризовать определённые факты.

Так, известный роман «Робинзон Крузо» английского писателя Даниэля Дефо имеет полное название *«Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим»* (1719 г.).

Подобного рода названия морфологических признаков не имеют и относятся к имени собственному в широком его понимании.

Для творчества Г.Р. Державина характерно использование антропонимов, которые представлены однословием, словосочетаниями, предложениями и сочетаниями предложений:

- однословие: *Фелица, Пленара, Милена, Пётр, Потемкин, Нарышкин, Очаков, Любушка, Лиза;*
- словосочетание *«Благодарность Фелице», «К первому соседу», «Видение мурзы», «Властителям и судиям», «Крестьянский праздник»;*
- предложение: *«На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского»* (полное название – *«На коварство во время возмущения французов, к чести князя Дмитрия Михайловича Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти»*);

- сочетание предложений: полное название оды «Фелица»: *«Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782»*).

В структуре приведенных выше заголовков антропонимы являются особым типом языковых знаков, которые фиксируют индивидуальное ономастическое сознание одного из великих поэтов эпохи Просвещения, мастерски использовавшего имена собственные с глубокой символикой, связывал в свои произведениях сосуществование общественного и личного.

Если считать, что приведенные названия произведений (заголовки) несут расширенные знания, а поэтонимы, наряду с заглавием, вмещают богатые возможности для развертывания широкого круга познавательных знаний, то в отрыве от текста имена собственные могут выражать самостоятельные суждения (понятие «суждение» синонимично слову «высказывание»), и их можно рассматривать как минитекст по отношению к тексту всего произведения как макротексту.

Антропонимы, становясь своего рода микрокосмом, концентрируют ассоциации, аллюзии, коннотации и символические смыслы, формирующие образную систему особого семантического пространства текста и когнитивные контексты для интерпретации и восприятия поэтического текста в целом.

Идея об имени собственном как тексте, которую заложил в ономастике и развивал М.В. Горбаневский [Горбаневский 1996: 183], вполне применима и к литературным антропонимам, которые могут представлять собой свернутую и развернутую информацию.

Поэтическая семантика имен собственных в структуре художественной речи формирует центр экспрессии (ядерные имена собственные, которые занимают центральное место в повествовании) или

периферию (имена собственные, создающие фон повествования) [Супрун 2000].

Таким образом, будучи инструментом создания поэтического образа, антропозтоним как антропонимический знак является элементом вторичной моделирующей системы в её сопоставлении с системой обыденных антропонимов.

Под антропонимическим знаком понимается любой антропоним и всё, что с ним связано. Антропонимические знаки являются концептуально значимыми элементами в коммуникативной стратегии текстового развертывания любого литературного (поэтического) произведения.

Антропозтонимы – это поэтический разряд имен собственных, которые в отличие от реальной антропонимической лексики, формируют вторичное значение того или иного реального имени собственного.

1.4. Основополагающая антиномия «оним» – «поэтоним» в системе обыденного языка и художественной речи

Понимание термина «поэтический язык» возникло в работах ученых, входивших в ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка), который осмыслялся в концепции литературно-критической русской формальной школы [Почепцов 1998: 112].

В рамках формальной школы «поэтический язык» рассматривался как имманентная система со специфическим назначением, связанная с реализацией эстетической функции. Поэтический язык был противопоставлен обыденному языку, выполняющего коммуникативную функцию.

В рамках Тартуско-московской семиотической школы особое внимание уделялось поэтике текста и разрабатывалась методика имманентного анализа текста. В контексте идей Тартуско-московской

школы анализ имен собственных проводился только в пределах данного произведения как неотъемлемая часть его внутреннего (имманентного) строения и смысловой структуры.

Понятие «имманентный анализ» весьма противоречиво, поскольку этот вид анализа предполагает рассмотрение имени собственного как некой структурной части текста. В то же время имманентность осознается как некая целостность произведения.

Слово «имманентный» является заимствованным из французского языка и восходит к латинскому *immanentis* в значении «свойственный, присущий». В современном русском языке это слово употребляется в значении: «внутренне присущий какому-либо предмету, явлению, проистекающий из его природы» [Крысин 2008: 279]; «присущий природе самого предмета, обусловленный ею независимо от внешних воздействий» [Ушаков 1996. Т. 1: 1194].

Ю.В. Гуськова, рассматривая существующие концепции имманентного рассмотрения литературных произведений, отмечает достоинство имманентного подхода при осмыслении литературных произведений – «установка на цельность как необходимое условие существования феноменов художественной реальности» [Гуськова 2013: 72]. При этом ученый выдвигает убедительную концепцию соотношения имманентного и контекстуального анализов.

Для нас важен тот факт, что имманентный анализ текста связан с методом семантических оппозиций, позволяющим интерпретировать внутренние смысловые отношения текста, в которых участвуют имена собственные, раскрывая его художественную целостность и глубину смысловых структур внутри художественного произведения.

Как известно, метод оппозиции применялся изначально в области фонологии, на уровне фонем, что нашло отражение в концепция Н.С. Трубецкого. Впоследствии это метод вышел за пределы фонетики на

лексический уровень, что нашло отражение в работах ученых Тамбовской лингвистической школы «Экология языка и речи» под руководством В.Г. Руделева [Винокуров 2002].

По мнению А.Л. Шарандина, «оппозиционный метод не является только собственным фонологическим методом», поскольку отражает «общий диалектический закон познания» [Шарандин 2012: 117].

В основе метода семантических оппозиций лежит принцип противопоставленности, который демонстрирует классификационную деятельность человека, связанную со способностью категоризировать мир, т.е. упорядочивать информацию и опыт, основанных на выделении и сопоставлении одних признаков имен собственных с другими. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают: «Нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действий и речи, чем категоризация» [Лакофф 2004: 20].

Положение Н.Н. Болдырева о том, что «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016: 10], позволяет служить основанием для объяснения противопоставленности типов знаний человека об именах собственных, которые употребляются в «материальных» границах художественного произведения и в повседневной речи.

Если речь идет об антропонимах в художественном тексте, то отражается антропонимическое знание (совокупность их семантических и образных характеристик) как «специфический способ эстетического освоения действительности» [Шарандин 2017: 11].

Одни и те же антропонимы могут использоваться в параллельных мирах – в реальном мире (денотате, то есть субъекте, который именуется) и в языке как лингвистических знаках, что подчёркивает двойственную природу антропонимов как элемента языка и одновременно как носителя когнитивной информации. В этом случае выстраивается ономастическая

привативная оппозиция по дифференциальному признаку
«Функциональная форма речи»:

«ПОЭТИЧЕСКИЙ ОНИМ» – РЕАЛЬНЫЙ ОНИМ», или
«ПОЭТОНИМ – ОНИМ»

В структуре художественного текста маркированным оппозитом является поэтоним, или поэтический оним.

Обыденный оним, существующий в реальном мире, наделён индивидуализацией и идентификацией объекта без дополнительной образной нагрузки. Поэтический оним функционирует в тексте художественного произведения и отличается от обыденного онима признаком образности, коннотацией и переносным смыслом. В этом состоит их противопоставленность.

Даже если в художественном тексте используются реальные имена, то и в этом случае они обретают новые ассоциативно образные связи и символику, способствуя интерпретации текста. Имя собственное в художественном текстовом пространстве функционирует как семантико-стилистическая единица, отражая концептуальные идеи автора и влияя на эмоциональное восприятие читателя, т.е. выполняет экспрессивную функцию, чему и способствует образность онима.

Образность формируется средствами создания выразительных средств: метафор, образов и символов, обеспечивая художественное восприятие текста. В.Н. Михайлов особо подчеркивал важность образной, экспрессивной функции для поэтического имени собственного [Михайлов 1987: 78-82].

Способом опознания оппозиции «поэтоним – оним» является нейтрализация как результат формирования поэтических образов в творчестве Г.Р. Державина. С одной стороны, это реальные, исторические личности с индивидуальными чертами и судьбами, а с другой стороны, эти имена обогащаются поэтом эмоциональным и культурным содержанием.

Русский Марс – Григорий Александрович Потёмкин (видный русский государственный деятель, первый главноначальствующий, генерал-фельдмаршал Черноморского военного флота и его основатель);

Русский Ахиллес – Сергей Фёдорович Голицын (государственный деятель, русский военачальник эпохи Екатерины II);

Пленира – поэтическая номинация первой жены Г.Р. Державина. Между тем в стихотворении «Осень во время осады Очакова» это имя было использовано и по отношению к княгине Варваре Васильевне Голицыной, супруге Сергея Фёдоровича Голицына, с которыми дружил Державин.

Об особом статусе поэтонима на фоне реальных онимов свидетельствует фамильный антропоним *Потёмкин*, который в позиции антропоэтонима наделен яркими метафорами, не характерными в повседневном употреблении при фамилии Потемкин, ср.:

«Российский только Марс, Потемкин

Не ужасается зимы»

«Потемкин – вождь, бог – покровитель»

«Осень во время осады Очакова»

Из сказанного следует, если реальная ономастика относится в целом к словарному составу языка (антропонимическому традиционному или нетрадиционному именнику), то поэтическая ономастика – это факт художественной речи, и нацелена она на создание общей образности художественного произведения. Имена собственные эксплицируют в поэтическом тексте национально-историческую, культурную, автобиографическую, хронологическую, философскую, идеологическую, этнографическую, народную, нравственную и другую информацию.

В свое время А.А. Потебня задавался вопросом: «Что же представляет собой поэтический образ?». При решении этого вопроса ученый использовал понятия «представление», «знак», «символ». Учёный считал, что «внутренняя форма в слове и поэтический образ в

произведении – понятия, обозначающие один и тот же феномен сознания» [Иваньо 1976: 18]. Поэтический текст не существует без образа и образности, отраженных в сознании человека.

Эстетическое назначение имен собственных в поэтическом тексте во многом определяется таким важным признаком, как степень выраженности образности.

Степень маркированности образности имен собственных в художественном произведении отражает привативная оппозиция:

«СОБСТВЕННО ОБРАЗНЫЕ ОНИМЫ» –
НЕЙТРАЛЬНО ОБРАЗНЫЕ ОНИМЫ»

Эта двучленная оппозиция является показателем различия в образности онимов в их семантическом восприятии относительно нейтрально образных имен собственных в поэтических текстах.

Оппозит «собственно образные онимы» участвует в отражении системы художественных знаний и содержат явную или скрытую образность.

Оппозит «нейтрально образные онимы» включает имена собственные, не отражающие образность, скажем, указание имен исторических личностей, государственных деятелей в заголовках произведений, например, названия, которые содержат признаки скрытой образности. Скажем, название произведения Г.Р. Державина, которое содержит фамилию Потемкин с добавлением к ней титула. Ср.:

«Описание торжества бывшего по случаю взятия города Измаила в доме генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, близ конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апреля».

В текстах самих стихотворений Г.Р. Державин использует фамилию Потемкин в явном образном контексте, на что указывает словосочетание «чудный вождь», что позволяет говорить об апеллятивно-онимном

единстве [Скуридина 2025], в нашем случае речь – апеллятивно-антропонимическом единстве, например:

«Се ты, о чудный вождь Потемкин!»

«Водопад»

Явная и скрытая образность имен собственных в художественном тексте взаимодополняют друг друга, создавая многомерную образную палитру художественного произведения. Например, перифраза «князь Тавриды» («описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования», по В.П. Москвину) придает явную образность исторической личности Потемкину в оде «Водопад» Г.Р. Державина, в которой представлен собственно образный антропоним

В результате интерпретации уже вербализованного знания мыслительные процессы обеспечивают порождение новых ономастических знаний, и на основе прототипического ориентира семантики антропонима развиваются новые значения уже известного фамильного антропонима. Такое апеллятивно-антропонимическое единство, как «Решемысло лицо» («Решемысл») отражает появление нового художественного образа, наделённого образной семантикой.

1.4.1. Собственно образные онимы в системе художественного пространства

Антропоним в поэзии становится не просто ономастическим языковым знаком-именем, он способен «коннотировать, реализовать себя в тропах и фигурах, функционировать как поэтоним и, в конечном итоге, стать Символом и Мифом» [Калинкин 2024: 45]. Собственно образные онимы представлены конкретными видами изобразительности: это олицетворение, метафоры, символы, образы, перифразы и другие

выразительные средства языка, нацеленные на художественную выразительность.

Имя собственное, ставшее символом, может реализовывать прототипическую функцию, отражающую способность онима воссоздавать скрытую информацию, создавать дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки, указывая на прототип лирического героя или поведенческие характеристики прототипа персонажа [Бабушкин 2009: 67]. По мнению А.С. Щербак, прототип служит первообразом, конкретной личностью, которая послужила «основой для создания персонажа художественного произведения» [Щербак 2024: 853]. При этом реальный человек в пространстве художественного текста становится новым типом, отдельной личностью, далекой от первоначального образца.

Явную собственную образность отражают антропонимы, которые создают ассоциативный ряд, содержат в себе очевидный иносказательный смысл, раскрывающий характер, функцию или роль лирического героя в тексте. Образные антропонимы чаще всего являются метафорами и используются для стилистической окраски, характеристики персонажа или некоего объекта в произведении. В этом случае мифологические, фольклорные, вымышленные имена, псевдонимы несут дополнительную образную краску. Подобные имена могут относиться к так называемым «говорящим» именам, фамилиям и прозвищам, например, именные антропонимы Пленира и Милена в творчестве Г.Р. Державина. Как известно, первая жена Г.Р. Державина Екатерина Яковлевна Бастидон вошла в поэзию под именем Пленира, а вторая жена Дарья Алексеевна Дьякова – под именем Милена как поэтические образы.

Любые поэтонимы способны выйти за пределы художественного произведения и «жить» другой жизнью. Речь идет о погруженности онимов в различные типы дискурсов, скажем, использоваться в СМИ или в массовой поэзии, служить символическим образом в других

произведениях, становится прецедентным именем, как имя Пленира – символ возвышенной любви к женщине.

Символическая природа названных выше личных имен (антропозтонимов) свидетельствует о необходимости более глубокой интерпретации концептуального содержания антропонимического материала.

Привативная оппозиции «ЯВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ – СКРЫТАЯ ОБРАЗНОСТЬ» маркируется первым оппозитом, формирующим образность и глубину поэтического мира. Однако в произведении может не употребляться имя собственное, но присутствует образ лирического героя, имя и фамилия которого воссоздается по тексту, открывая доступ к скрытой образности.

В оде «На взятие Измаила» фамилия известного русского полководца А.В. Суворова не упоминается – его образ представлен метафорическим словом «Росс»:

«О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!»

...

«О Росс! О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!»

Обратим внимание на тот факт, что в оде «На взятие Измаила» не названо имя не только непобедимого Росса – Суворова, великого русского полководца, основоположника русской военной теории, но и не поименован ни один герой при взятии Измаила русскими войсками.

Модель метафорического переноса именования Росс – СУВОРОВ отражает специфический механизм мышления и познания.

1.5. Поэтизация онимов как текстовых единиц

Согласно лингвистическим справочникам, слово «поэтизация» восходит к значению «поэтизировать» [Словарь русского языка 1983: 350]. Процесс поэтизации выступает как «система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности» [Энциклопедия. Русский язык 2008: 356].

Поэтизация онимов – это сложный процесс, обусловленный некоей суммой новых знаний, связанный с развитием дополнительной семантики у онимов, которые выполняют не только стилистические функции, но и смысловые функции.

Обратим внимание на тот факт, что в научной литературе смысловая функция имен собственных не рассматривается. Между тем смысловая функция ономастической лексики в художественном тексте связана с расширением смысловых связей в контексте представленного описания жизненного опыта и деятельности поименованного персонажа, что усиливает и актуализирует информацию о тексте.

В теории смысла поэтического текста эту функцию наглядно выполняют антропонимы, которые выступают текстовой доминантой и организатором смыслового и структурного центра. Они могут обеспечивать единство композиции произведения, отражать конкретные факты из жизни поэта, давать оценку поведения лирического персонажа в той или иной ситуации, выражать его отношение к людям и к миру.

В процессе создания и восприятия художественного произведения в сознании человека происходит поэтизация онимов и их интерпретация, которая обеспечивается не только номинативной функцией онимов, но и появляющемуся вторичному понятийному содержанию. Поэтический язык одновременно служит инструментом номинативных операций и способом фиксации ономастических знаний.

Антропонимы сочетают стандартное ономастическое знание и фоновое знание, отраженное авторским творчеством. В этом случае можно говорить, что поэтическая ономастика служит средством отражения роли онимов в обогащении идеи, конкретной мысли художественного произведения.

В поэтизации участвуют имена собственные общенационального языка или придуманные автором текста для выполнения ими эстетической функции, поскольку онимы являются важным элементом ономастического пространства художественного текста и служат одним из многочисленных средств выражения поэтической функции [Якобсон 1987: 80].

Изучая механизм действия поэтической функции языка, Р.О. Якобсон, который ввёл в научный обиход понятие «поэтическая функция языка», считает, что поэтическая функция сопоставляет в пределах одного языкового контекста два различных начала в построении языковых единиц: синтагматического («комбинация» или «построение») и парадигматического («селекция» или «выбор»). Такое соположение осуществляется за счет «сгущения» поэтической текстуры текста, когда на первое место выходит «принцип эквивалентности» и языковые единицы парадоксально уравниваются «в своих правах».

Нельзя не обратить внимание на названия стихотворений, в которых указываются ключевые имена собственные, о которых речь будет идти затем в самом тексте, поскольку они активизируют в себе смысл, стилистику и поэтику произведения, например, «Евгению. Жизнь Званская» (реальный именной антропоним), «На рождение царицы Гремиславы» (скрытое имя Екатерины II), «На смерть князя Мещерского (реальный фамильный антропоним).

Особого внимания заслуживает осмысление порождения поэтизации имен собственных, которая может носить объективный и субъективный (авторский) характер.

Объективный характер именований персонажей поэтического текста может отражать их прототипическая уникальность, когда в художественный текст вводятся образы конкретных реальных лиц или их имена. Например: в оде «Осень во время осады Очакова» («Осень в селе Зубриловке») речь идет о реальных людях, поэтически преобразованных в эстетические образы.

Имена исторических лиц князя Сергея Фёдоровича Голицына и его жены Варвары Васильевны, Григория Александровича Потёмкина. участвуют в создании символов и аллегорий, ср.:

Потёмкин – аллегорический образ российского бога войны Марса,

Сергей Фёдорович Ахиллес Голицын – это аллегорический образ героического участника войны 1812 года,

Варвара Васильевна Голицына, жена С.Ф. Голицына (упоминается в «Словаре русских писательниц XVIII века») – златовласая Пленира.

В этом случае антропонимы предстают как поэтизированный продукт определенной культуры и определенного исторического времени [Чжан Хунин 2023: 4], что позволяет говорить о семантике антропонимов, трансформирующейся до объема текста, то есть обладающей способностью для дальнейшего развертывания.

Поэтизироваться могут не только люди. Так, нарицательное существительное «ласточка» в стихотворении Г.Р. Державина становится именем собственным Ласточка (маркер – прописной эквивалент буквы «Л»).

Метафора «ласточка» воссоздает мир человеческих чувств – образ души самого поэта, личное горе поэта, который страдает по ушедшей из жизни любимой жены. Г.Р. Державин впервые в русской поэзии связывает образ благородной птицы ласточка с философской темой [Бельская 2013: 47].

Стихотворение начинается восклицательными строками:

«О домовитая *Ласточка*!

О милосизая птичка!»

Завершается стихотворение строкой, в которой использован антропоним Пленира:

«Восстану, – и в бездне эфира

Увижу ль тебя я, *Пленира*?»

Графическое использование прописной буквы позволяет привнести в нарицательное существительное новое семантическое наполнение, отразить глубинный смысл текста и придать слову «ласточка» особую значимость. Любые имена собственные в художественной речи становятся «экспрессивно оценочными заместителями имен нарицательных» [Отин 2006: 11].

Подобного рода написание нарицательных существительных используется в поэтическом творчестве как средство выразительности у многих поэтов. Например, в стихотворении Николая Заболоцкого «Меркнут знаки *Зодиака*» отражена языковая игра на основе оппозиции имя собственное – имя нарицательное».

Приведем строки, в которых общеупотребительные нарицательные существительные использованы поэтом как имена собственные.

«Меркнут знаки *Зодиака*

Над просторами полей.

Спит животное *Собака*,

Дремлет птица *Воробей*»

...

«Ловят *Муху* колдуны»

...

«Спит животное *Собака*,

Дремлет рыба *Камбала*»

...

«Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит»

...

«Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит»,

...

«Спит растение Картошка»

В данном случае имена собственные материально совпадают с общеупотребительными нарицательными существительными, что отражает процесс онимизации – переход имени нарицательного в имя собственное без изменения формы слова, которое приобретает вторичное понятийное содержание, становясь в поэтической речи заместителем нарицательного существительного.

При этом появившееся «новое» поэтическое имя собственные сохраняет связь с исходным референтом, но одновременно приобретает новое метафорическое значение, что обеспечивает образность и экспрессивность стихотворению. Метафорическое использование имён нарицательных в функции имен собственных позволяет автору стихотворного текста через обыденные слова создать новые образы и новые смысловые и эмоциональные оттенки.

Приведенные примеры из стихотворения Николая Заболоцкого отражают явление ономастической омонимии, т.е. омонимии нарицательных существительных и имен собственных как элемент философского размышления о повседневности жизни и возвышенных мотивах.

Важен тот факт, что омонимия нарицательного существительного *ласточка* и имени собственного *Ласточка* в стихотворении Г.Р. Державина, как и в приведенном стихотворении Николая Заболоцкого, отражает

корреляцию онимов и имен нарицательных, в то же время и общие знания о реальной и художественной действительности.

В стихотворном тексте Заболоцкого присутствует противопоставленность мира знаков Зодиака как высшего мира и знаков реального земного мира, представленных в образах животных, что позволяет видеть мир как взаимодействие между этими двумя измерениями.

В стихотворении «домовитая» и «милосизая» Ласточка – это образ умершей первой супруги поэта, образ душа родного человека. Эта метафора подчеркивает особую символическую значимость образа женщины в индивидуально-авторской картине мира поэта.

В стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны» для образной чувственной выразительности утраты любимой женщины вновь появляется образ птицы ласточки, семантически коррелирующийся с образом потери идеальной жены, образом грусти и печали.

«Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела»

В русских и славянских традициях ласточка является любимой Богом птицей, любви и счастья.

Субъективный (авторский или читательский) характер порождения поэтизации антропонимов находит отражение за счет присутствия в структуре онима оценочного компонента. С помощью этого компонента автор художественного текста выражает свое отношение к персонажу, даёт оценку о его качествах и свойствах, следовательно, поэтический антропоним служит средством выражения подчеркнута субъективной оценки.

Особую поэтическую значимость имеет функция перспективации поэтонимов, отражающая роль их участия в организации содержательной целостности текста, его эмоциональной насыщенности и открывающая доступ к различным знаниям о мире. Эта функция связана с формированием перспективы повествования и позволяет через использование поэтонимов создать определенную перспективу понимания лирических образов и помочь читателю увидеть мир глазами различных персонажей или с позиции автора, что усиливает глубину восприятия и понимания текста.

За именем собственным в художественном тексте может создаваться многомерный образ лирического героя, отражая его с разных сторон в зависимости от точки зрения рассказчика или других героев повествования, чему во многом способствует механизм метафорического наименования, участвующий в процессе поэтизации онимов.

Таким образом, обозначая лирического героя, имя собственное выполняет текстообразующую функцию и формирует собственную семантическую ауру, содержащую явную или скрытую образность.

1.6. Когнитивная метафора в области ономастики

Согласно современному пониманию, метафора представляет собой тип ментальной репрезентации (knowledge representation) – сохранение в памяти ранее полученных знаний и перенесение их на предмет из другой области.

С когнитивной точки зрения, метафора содержит проецирование (mapping) знаний о сущности одного порядка на интерпретацию (понимание) сущности другого порядка. В проецировании участвуют два объекта: исходная концептуальная область (источник, донор) и определяемая концептуальная область (цель).

Известные российские и зарубежные исследователи (Н.Н. Болдырев, М. Блэк, М. Джонсон, В.В. Катермина, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, В.Н. Телия, М. Тернер, Дж. Фоконье, А.П. Чудинов и др.) широко представили понимание когнитивной метафоры. Между тем осмысление когнитивной метафоры в области литературной (поэтической) ономастики в научной литературе не нашло должного освещения.

Особым видом метафоры является имя собственное, используемое в переносном значении. Процесс ономастической номинации отражает речемыслительную деятельность, которая может использовать когнитивный метафорический механизм. Посредством этого механизма через именование персонажа происходит познавательное осмысление мира. Речь идет о мыслительной операции, в ходе которой на объект номинации, называния, именования или присвоения антропонима объекту, переносится целостная концептуальная единица из другой области знания, в результате чего создается метафорический образ именования.

Согласно постулатам когнитивной семантики, выбор метафорической модели не случаен. Автор художественного произведения стремится представить некоторую концептуальную область.

Сущность многих онтологических метафор сводится к форме: АБСТРАКТНОЕ – КОНКРЕТНОЕ. Однако данная однонаправленность относительна.

Гипотеза неоднонаправленности подкрепляется эмпирически примером из стихотворения Новеллы Матвеевой. Выделяются строки, в которых объекты сравнения меняют свои позиции. Ср.:

«Река текла как дождь, лежащий на боку,

А дождик шел, как речка в вертикали»

Или

«Луна – как зеркало в ночи,

А ночь – как луна в тиши.

То ночь в луне отражается,
То луна в ночи таится»

(автор не известен)

В этом случае в области концептуальных метафор реализуется асимметрический дуализм языкового знака, свидетельствующий о том, что данные формы выражают разные значения, а данное значение реализуется различными формами.

Относительно когнитивной метафоры это означает, что одна и та же исходная концептуальная категория, например «свой – чужой», может использоваться (как источник) в разных метафорических моделях. Это явление соответствует полисемии в лексической семантике.

При рассмотрении ономастического пространства художественного текста в переводном дискурсе, при переводе смысловых (говорящих) имен с русского языка на китайский язык, С. Кан использует термин «ономастическая метафора» и объясняет ее появление. «... «теория номинации имеет непосредственное отношение к проблеме многозначности, а именно к метафорическому и метонимическому переносу значений. Так возникает термин «ономастическая метафора» [Кан 2020: 95].

Метафора в области ономастики – это не что иное, как любая языковая метафора, поскольку любое имя собственное в языке предстает как слово. В этом случае выстраивается метафорическая модель, которая обозначается формулой X есть Y (модель А.П. Чудинова)

Как уже было отмечено, имя лирического героя в оде Г.Р. Державина «На взятие Измаила» скрыто от читателя. Однако получению «выводного знания» способствует наличие троичной аналогии в контексте произведения:

«Росс есть образ славы,
«Росс есть твердокаменная грудь»,

«Росс есть исполин».

Выводное знание включает в себя использование информации внетекстовой реальности, т.е. фоновых знаний, пресуппозиций, позволяющих интерпретировать информацию с помощью метафоры

$X \text{ есть } Y = \text{Росс есть СУВОРОВ}$

Эта метафора реализует сравнительно-прототипический эффект, который заключается в представлении релевантного признака «русскость» с помощью этнонима «росс». Слово РОСС – это поэтическое название древнего народа – русь, русины, русичи. Современное название народа *русские*, отраженное в форме прилагательного, свидетельствует о его позднем появлении, на что неоднократно указывала Р.А. Агеева.

В произведениях Г.Р. Державина, как и других русских классиков, например, А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, слово «РОСС», являлось традиционной поэтической метафорой для обозначения русского человека, подчеркивающей национальную принадлежность. Г.Р. Державин использует слово «росс» в форме множественного числа для номинации участников сражений, в которых принимали участие его соотечественники:

«Поверглось, россы, всё на вас!

Зрю камни, ядра, вар и бревны, –

Но чем герои уstraшены?

Чем может отражен быть росс»»

«На взятие Измаила»

Когнитивная метафора РОСС – СУВОРОВ отражает метафорический механизм, с помощью которого происходят ассоциативные семантические сдвиги, способствующие отнесению слова-номинанта (денотата) РОСС к тематическо-концептуальной области «Фамилия», мысленно актуализирующей представление о русском человеке-исполине, который своими воинскими деяниями прославил Российскую империю – Суворов.

«О кровь славян! Сын предков славных!

Несокрушаемый колосс!

Кому в величестве нет равных,

Взросший на полсвете росс!»

Когнитивная метафора в области ономастики отражает практику именования, в ходе которой происходит перенос знания из одной концептуальной области в другую, в результате чего и появляется метафорическое наименование.

Таким образом, семантика онима самостоятельна и может находить отражение при использовании новых когнитивно-ориентированных методов исследования имен собственных как сложных форматов ономастического знания, или концептуальных структур, представляющих собой многоаспектное знание.

По мере продвижения в поэтическом тексте онимы приобретают новое семантическое наполнение, отличное от того, какое они имеют в обыденном речи. В границах художественного контекста поэтонимы приобретают семантические приращения, возникающие в результате общекультурных и авторских знаний, и порождают, в свою очередь, индивидуально-художественное знание об имени собственном.

В рамках Тамбовской когнитивной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур», основателем и руководителем которой является Н.Н. Болдырев, ученые Л.В. Бабина, Л.А. Фурс, В.Г. Куликов, В.В. Алпатов, В.В. Дубровская и другие активно развивают идеи Н.Н. Болдырева о репрезентации многоаспектного знания и используют метод когнитивной матрицы (о когнитивной матрице см. подробно: [Болдырев 2008: 5-14; Щербак 2016: 33-37]). Когнитивная матрица как особый формат знания представляет собой систему взаимосвязанных концептуальных областей (области концептуализации объекта), которые не связаны между собой

иерархически и не имеют строго обязательных или доминирующих компонентов.

1.7. Поэтонимы в матричном формате

Когнитивная направленность литературной ономастики сосредоточивает внимание на репрезентации ономастических знаний и процедуре их обработки – распознавание, выделение, расшифровку семантики онимов, употребляемых в конкретном и обобщенном обозначении однородных предметов и понятий.

Ономастические знаки, воспринимаемые «как концептуальные сущности» [Щербак 2023: 275], позволяет считать, что антропонимы (как и любые имена собственные) занимают промежуточное положение между мышлением и действительностью. Иными словами, имена собственные не просто ярлыки или этикетки (концепции Ж. Вандриеса, Дж.Ст. Милля, А. Гардинера др.), а концепты (В.В. Робустова, А.С. Щербак и др.), которые связывают познавательные процессы с конкретной реальностью, выступая своеобразным мостом между ними. Речь идет о том, что ономастические знания воспринимаются как комплекс концептуального содержания, отражающего связь между языком, мышлением и действительностью в когнитивном плане.

Метод исследования – когнитивно-матричный анализ – впервые был предложен Н.Н. Болдыревым [Болдырев, 2006: 3-13]. Составными компонентами когнитивной матрицы являются концептуально-тематические области, которые в рамках общей и частной матриц отражают конкретные знания, репрезентируемые ономастическими единицами, допускающих возможность неоднозначного их понимания в разных когнитивных контекстах.

Специфика общей матрицы требует различного осмысления поэтических ономастических единиц, поскольку в художественном тексте собственные имена приобретают дополнительное семантическое значение и эмоциональное восприятие, выходя за пределы их обычного реального значения в языке. Они могут нести коннотации, связанные с историей, географией, мифологией, культурой или личным жизненным опытом автора.

Эстетическая функция (по Р.О. Якобсону) в словесном творчестве отражает идею направленности на форму сообщения, на концентрацию внимания, которое сосредотачивается на языковом материале. В этом случае поэтонимы могут сфокусировать внимание автора (читателя) на конкретном объекте и репрезентировать многоаспектные знания. Появляется полифункциональность качеств онима, под которой способность ономалексемы выражать различные семантические значения, различающиеся по своей внутренней структуре. Это находит свое отражение в особенностях строения когнитивной матрицы и определяет особенности структурирования её формата.

Так, приложение одного и того же имени собственного *Москва* к трем разрядам онимов в стихотворении основоположника жанра бардовской песни в середине XX века Юрия Визбора «Речной трамвай» отсылает к двум концептуально-тематическим областям:

1) к концептуальной области «Пространство», репрезентируемой топонимом *Москва* и гидронимом *Москва* (омонимичные онимы);

2) к концептуальной области «Транспорт», репрезентируемой эргонимом *Москва-12*. Ср.:

«По самой длинной улице *Москвы*,

По самой тихой улице *Москвы* ...

Там наш трамвай скользит вдоль мостовых.

Москва-12 – он не ледокол.

Да и *Москва-речушка*– не Нева.
 И мне с тобой так просто и легко,
 Здесь не нужны ни песни, ни слова ...
 Конечный пункт, асфальтовый причал,
 Мы сходим в жизнь, покинув тихий рай,
 Ах, если б нас до старости качал
Москва-12, старенький трамвай».

Когнитивная поэтика рассматривает текст художественный литературы с точки зрения отражения в его содержательной структуре познавательных категорий, хранимых в памяти представителей определенной культурной общности.

Обращение к общей когнитивной матрице «Поэтоним» позволяет осмыслить когнитивные контексты, которые реализуют такие концептуально-тематические области, как «Человек», «Пространство», «Время», «История», «Культура» и другие области, в рамках которых происходит осмысление того или иного поэтонима.

В основе общей матрицы, структуру которой образуют концептуально-тематические области как единицы многоаспектного знания, лежат сложные форматы антропонимического знания (см. рис. 1).

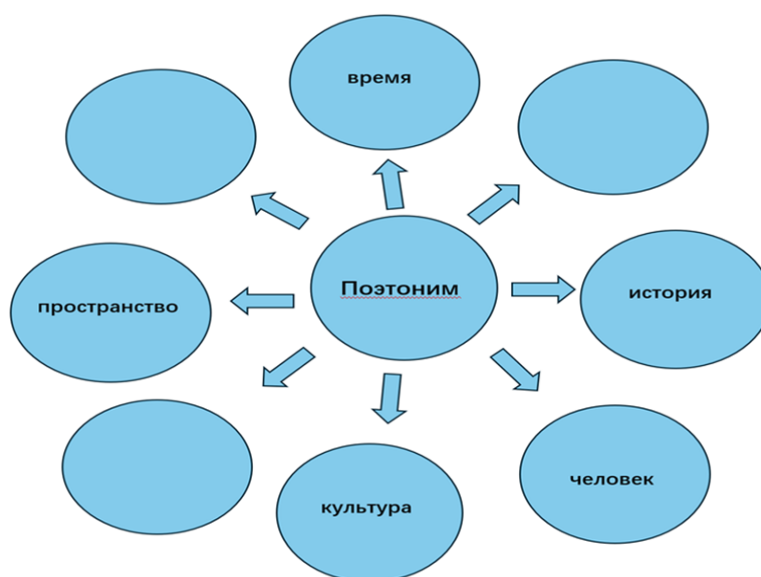


Рис. 1. Общая когнитивная матрица «Поэтоним»

Личность Г.А. Потемкина в оде «Водопад» Г.Р. Державина становится понятной только при обращении к таким концептуальным областям (компонентам когнитивной матрицы), как ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ВРЕМЯ, в репрезентации которых участвуют апеллятивно-антропонимические единства для именования Потемкина, ср.:

ИСТОРИЯ. Г.А. Потемкин предстает как образец полководца и государственного деятеля, создатель и первый главноначальствующий, генерал-фельдмаршал Черноморского военного флота:

«На поле Марса вождем слыл»

«О! будь бессмертен, витязь бранный»

«Покрыл понт Черный кораблями»

«Решитель дум в войне и мире»

«Великолепный князь Тавриды»

КУЛЬТУРА. Г.А. Потемкин предстает как почитатель, меценат и покровитель искусства, любил литературу, знал греческий язык.

«Во храме муз друг Аполлона»

ВРЕМЯ. Г.А. Потемкин – историческая личность второй половины XVIII века, азовский, астраханский, новороссийский генерал-губернатор.

«Не ты ль *наперсником близ трона*

У северной Минервы был»

Апеллятивно-антропонимические единства «великий князь Тавриды», «друг Аполлона», словосочетание «наперсник близ трона» входят в разные концептуально-тематические области, обладающие тенденцией к устойчивой актуализации фоновых знаний о личности Потемкина. В зависимости от поэтического контекста фокус внимания характеристики Потемкина может сосредоточиваться на частных аспектах: государственный деятель, полководец, покровитель искусства.

Для создания образа Потемкина используются такие сочетания, как «скверных скопищ вождь», «бич здешних стран», преемник Гришки,

смерда», «соотчич Разина» («Эпистола к генералу Михельсону на защищение Казани»), а также прозвище «князь Таврический».

Таким образом, имена собственные в поэтическом тексте наполняются новым содержанием и выполняют определенную интерпретирующую функцию, являясь ориентиром для восприятия всего содержания текста.

Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «акту номинации обычно предшествует [...] формирование пропозиции из существующих готовых концептов, но как только в результате этого акта рождается новое слово, слово становится представителем нового отдельного концепта и человек получает возможность оперировать им как новой интегрированной целостностью» [Кубрякова 2004: 317].

Н.Н. Болдырев считает: «Теоретически ничто не препятствует дальнейшему расширению матричного формата» [Болдырев 2008: 7]. Из данного суждения следует, что общая когнитивная матрица «Поэтоним» может развивать дальнейшую спецификацию и выступать в структурном типе как частная матрица, обращенная к определенным областям конкретного антропонимического знания, допускающих возможность однозначного понимания онима в пределах одного когнитивного контекста.

Частная когнитивная матрица отражает конкретные именованья лирического героя, его особенные антропонимические номинации, т.е. именование по имени или фамилии, использование прозвища, псевдонима или вымышленного имени (см. рис. 2).

Наделяя одних лирических героев фамилиями, других – именами, а третьих – псевдонимами, Державин подчеркивал и различал социальный статус, характер и функцию героев в художественном тексте. Державин создает сложную систему антропонимического пространства, отражающую многогранность общества и внутренний мир персонажей.

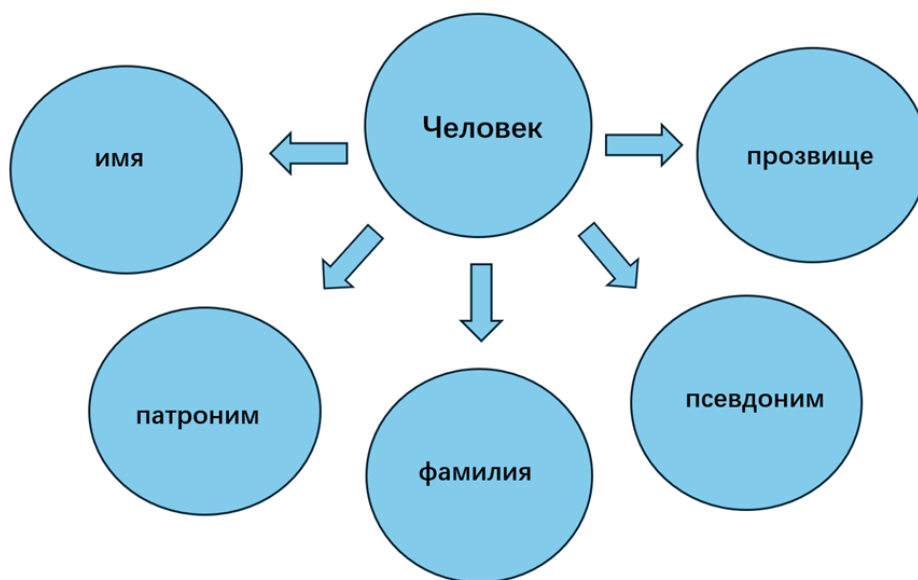


Рис. 2. Частная когнитивная матрица «Человек»

Поэтонимы становятся своеобразным «брендом» персонажа и важным элементом поэтической ономастики, формируя сферы переживаний, проявления специфической художественной эмоциональности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Антропонимы, наделённые поэтической функцией в границах литературного (поэтического) текста, функционируют как антропоэтонимы, которые служат для выражения маркированности поэтического языка и осмысления идиостиля художника слова.

Любой антропоэтоним в границах художественного текста является результатом развернутой вербализации мысли, не только обозначает конкретного лирического героя, но и создает многогранную художественную реальность, которая связывает автора, его произведение и внешний мир.

При исследовании языка сферы поэтического языка важна включенность оппозитивных отношений, которые находят отражение в доминирующих привативных оппозициях, связанных с эстетическим назначением языка: «ПОЭТИЧЕСКИЙ ОНИМ» – РЕАЛЬНЫЙ ОНИМ», «СКРЫТАЯ (ГЛУБИННАЯ) ОБРАЗНОСТЬ – «ЯВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ», «СОБСТВЕННО ОБРАЗНЫЕ ОНИМЫ» – «НЕЙТРАЛЬНО ОБРАЗНЫЕ ОНИМЫ».

Установленные отношения между антропонимами в пространстве поэтического текста и обыденными антропонимами позволяют говорить о том, что сфера поэтической речи оказывается информационнее, являя собой высшую сферу коммуникации, нацеленной на реализацию эстетической функции антропонимами, создающих дополнительную семантическую ауру имени персонажа и проясняющих текстовую специфику.

Антропоэтонимы отражают определенный способ классификации информации, в когнитивном аспекте представленной составной частью общей матрицы «ПОЭТОНИМ».

Наряду с общей когнитивной матрицей выделяется частная когнитивная матрица «ЧЕЛОВЕК», которая интегрирует в своей структуре концептуально-тематические области «ИМЯ», «ФАМИЛИЯ», «ПАТРОНИМ», «ПСЕВДОНИМ», «ПРОЗВИЩЕ», в рамках которых антрополексема воспроизводится, осмысливается и понимается.

Семантическая информация об имени собственном в сознании человека перерабатывается, в том числе кодируется, записывается в памяти на уровне языковой системы и художественной речи.

В поэтике текста антропоэтонимы актуализируют определенные темы, идеи, сюжеты, передают дополнительные смыслы, создают фоновую информацию и репрезентируют антропонимические знания о семантических компонентах антропонимической единицы.

ГЛАВА 2.

ПОЭТИЧЕСКИЕ АНТРОПОНИМЫ Г.Р. ДЕРЖАВИНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЗНАНИЙ О МИРЕ

«Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид»

Г.Р. Державин «Признание»

Поэтическая картина мира любого художественного произведения индивидуальна, она создаётся в текстах одного человека (автора текста) благодаря языковым механизмам, к числу которых относятся антропонимы, используемые в прямом или в переносном употреблении, а также вымышленные имена, псевдонимы, прозвища для придания поэтической речи образности и выразительности.

Антропонимы в границах текста насыщают его подтекстовой информацией, концентрируя в себе образные смыслы, позволяющие автору выразить художественное видение мира и интерпретировать отображение реального мира сквозь призму художественного мира, поэтизации.

В данной главе антропонимы в поэтических произведениях Г.Р. Державина рассматриваются в контексте единой частной матрицы «ЧЕЛОВЕК» (= лирический герой, персонаж), представленной различными когнитивными областями, в рамках которых происходит осмысление антропонимических единиц.

Концептуально-тематическую область «Человек» репрезентируют антропонимические единицы, представленные такими основными категориями, как: реальные исторические имена, античные мифоантропонимы и теонимы, библейские антропонимы, имена из

славянской мифологии, библейские имена и прозвища, а также апеллятивно-антропонимические единства.

2.1. Антропоним и апеллятивно-антропонимическое единство в поэтическом тексте

Термин «антропоним» понимается в широком смысле и включает в себя:

- собственно антропонимы – «любое собственное имя, которое может иметь человек» [Подольская 1978: 30];
- мифоантропонимы – частный случай мифонима – «имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках ..., а также теоним» [Подольская 1978: 125];
- теонимы – «собственное имя божества в любом пантеоне» [Подольская 1978: 131];
- псевдонимы – «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него [Подольская 1988: 113-114];
- гипокористические формы личных имен, которые связываются с семантикой уменьшительности, или пейоративной семантикой, ласкательности, фамильярности, а также стилевыми и особенностями (А.В. Суперанская, В.И. Супрун);
- апеллятивно-антропонимические единства как устойчивые сочетания, включающие в себя не только имена собственные, но и нарицательные существительные;
- названия произведений.

В узком понимании антропонимы – это лексически ограниченные, как правило, однословные именованья, которые служат исключительно для индивидуализации.

Широкому пониманию термина «антропоним» способствует отнесение многословного заглавия произведения (как и однословного) к классу имен собственных [Шарандин 2021: 68-76], а также апеллятивно-антропонимические словосочетания, которые обладают художественным оттенком. Эти антропонимические образования включают в себя адъективные производные от фамилий и нарицательные имена, а также генетивные образования, ср.:

«лучи Екатерины», «Дух Екатерины» (о Екатерине Катерине II),
«ввек Петрова»;

«взор Петров» (о Петре I);

«Мариина рука»» (об императрице Марии Феодоровне, супруге Александра III);

«Екатеринин век», «Фелицын внук» (о Екатерине II);

«Павловы дела», «Павловы владенья» (о Павеле I);

«Александров век» (об императоре Александре I);

«труды Петровы, «песнь Петровых дел» (о Петре I);

«Решемысловое лицо» (о Г.А. Потемкине).

Анализ отантропонимических образований невозможен без учета фоновых знаний и того культурно-исторического контекста, который позволяет распознать признаки референта имени. Относительные прилагательные типа «Екатеринин век», значением которого можно считать его признаковую характеристику и отсылку к исходному имени собственному за признаком, актуализирующимся в конкретном употреблении, отражает время правления российской императрицы Екатерины II, которое называют также «Екатерининской эпохой».

В поэтическом творчестве Г.Р. Державина антропонимы не просто имена, а знаки с культурно-историческим содержанием и функцией художественного образа. Антропонимы отражают антропонимические знания, которые являются разновидностью общих ономастических знаний

(знаний об именах собственных вообще), объективируемых различными поэтическими антропонимами, т.е. антропозтонимами. Речь идет о традиционных личных именах, отчествах (патронимах), фамильных антрополексемах, вымышленных и мифологических именах, а также поэтических псевдонимах и прозвищах, которые могут из реальной действительности переноситься в пространство поэтических текстов.

Тем важнее обратиться к поэтическому наследию Г.Р. Державина как «летописцу русской славы», ярко отразившего антропонимический облик и стиль екатерининской эпохи, которая охватывает почти полувековой период (1770-1816 гг.), и углубить лингвокраеведческую значимость творчества Державина. На тамбовской земле были написаны оды «Осень в Зубриловке» («Осень во время осады Очакова»), «На смерть графини Румянцевой», «На посещение в Тамбове типографии епископом Феофилом», стихотворение «Желание зимы», посвященное П.М. Захарьину, один из последних вариантов оды «Властителям и судиям».

2.2. Триединство субстанции

автор – имя собственное – поэтический текст

Г.Р. Державин был первый из литераторов, кто осознал себя поэтом «русским, национальным – русским не только по языку, но, главное, – по мышлению, философии» [Западов 1981: 3-18]. Сегодня без имени Г.Р. Державина невозможно представить историю мировой, отечественной и тамбовской литературы.

Поэт сыграл важную роль в составлении уникального словарного памятника, первого словаря русского языка, – «Словаря Академии Российской» в конце XVIII века (собирал слова на букву «Т» для словаря), был одним из первых, кто в своих письмах стал использовать букву «Ё»,

что отражает активное участие поэта в языковых преобразованиях того времени.

Г.Р. Державин был одним из первых поэтов в России, кто уделял внимание звуковой стороне поэзии, вспомним, например, известный его палиндром

«Я иду съ мечемъ судия».

Г.Р. Державин был тонким мастером слова, кто умел «играть» с антропонимом и смело экспериментировать с языком. Наряду с торжественными высокопарными одами, он писал стихи и в живом ироническом русле, что сделало его поэзию более доступной и выразительной.

Так, в его четверостишии «На Багратиона» обыгрываются части фамилии русского полководца Петра Ивановича Багратиона и имени Наполеона (Наполеон Бонапарт) – знаменитого французского полководца исторического деятеля, который может дрогнуть перед штыком Багратиона.

По мнению Т.А. Гридиной, «языковая игра предстаёт как особая форма проявления креативности, ориентированная на внутренние ресурсы выражения мысли, заключенные в потенциале языковых форм и значений» [Гридина 2008: 31]. Думается, что в нашем случае сущность механизма державинской игры с антропонимами проявляется в ассоциативной валентности языковых знаков, прежде всего – опирается на ассоциативный потенциал антропонима.

В ономастической игре, отражённой в четверостишии «На Багратиона», исторические фигуры переплетаются через звучание и смысл в стихотворной форме, см.:

На Багратиона

«О, как велик, велик На-поле-он!

Он хитр, и быстр, и тверд во брани;

Но дрогнул, как к нему простер в бой длани

С штыком Бог-рати-он»

Выделенные части в строке «На-поле-он» звучит как имя Наполеон, а «Бог-рати-он» звучит как фамилия Багратион, которую следует понимать как «он Бог рати» (рать – это войско, битва, война).

Г.Р. Державин многозначительно «уточнил» фамильный антропоним Багратион – фамилию одного из лучших русских полководцев. С именем полководца Багратиона связаны подвиги в Отечественной войне 1812 года. Поэт создает образ его военной активности, что усиливает патриотические мотивы стихотворения.

Строки стихотворения «На Багратиона» иллюстрируют владение Державиным такой формой словотворчества, как гетерограмма. Гетерограмма (от греческих слов ἕτερος (иной, другой) и γράμμα (рисунок, знак, буква = *hétérogramme*) означает другую запись одного и того же слова с одинаковым буквенным составом, но разным значением.

Своеобразие четверостишия «На Багратиона» характеризует совокупность языковых и литературных параметров: наличие повторяющихся кратких форм прилагательных («велик, велик»), восклицания (междометие «О»), рифмовка («брани» – «длани»). Этот словесный эксперимент Г.Р. Державина – одно из свидетельств о наметившейся в эпоху классицизма тенденции изображать субъективное выражение личных чувств автора.

Специфика функционирования именных и фамильных антропонимов в языковом сознании творческой личности Г.Р. Державина находит отражение в использовании различных способов введения антрополексем в поэтические тексты, ведущим из которых является присутствие адресатов лирических обращений¹², например, в оде «Фелица»:

«Поддай, Фелица! Наставленья...»,

«Таков, Фелица, я развратен!»

¹² О типах адресации лирического высказывания Г.Р. Державина см. подробно [Ларкович 2024: 6-21].

Антропонимы занимают сильную позицию в названиях произведений, например, в стихотворении «*Даше в Светлое Христово воскресенье*», созданной по случаю коронации императора Павла 5 апреля 1797 года») или в самом тексте, что обусловлено особым способом художественного осмысления образной семантики имен собственных, их повышенной эмоциональной оценкой и смысловой нагрузкой. Так, в приведенном выше примере названия стихотворения сообщается: о ком будет идти речь в тексте (о «Даше»), когда написано стихотворение (именно «5 апреля 1797 года», «в Светлое Христово воскресенье»), по какому случаю оно было написано («по случаю коронации императора Павла»).

Рассматривая триединство субстанции, автор – имя собственное – поэтический текст Г.Р. Державина, можно утверждать, что в этой триаде главенствующей сущностью является автор, для которого имя собственное и текст являются инструментами, через которые поэт выражает и передает свои концептуальные представления о жизни (мысли, эмоции и знания) и смело рассказывает о своем жизненном укладе.

Иллюстрацией такого суждения может послужить пример, когда Державин репрезентирует личностную идентичность и воссоздает свою языковую личность с помощью существительного «мурза» (титул принадлежности к татарскому дворянству»), которое отсылает к происхождению предков самого поэта, что придает стихотворению автобиографический оттенок (см. пункт 8.1).

2.3. Антропоцентричность антропонимикона Г.Р. Державина

Взросший интерес к изучению имен собственных в текстах художественной литературы объясняется расширением исследований в сфере когнитивной ономастики, которая ставит перед собой задачу выявить

специфику закреплённой информации в именах собственных и её конкретизацию [Робустова 2024: 42-58]. В отличие от традиционного подхода, когнитивная ономастика сосредоточена на выявлении в имени собственном специфики закреплённой в ней определённой информации о мире и рассмотрении ономастического знака в когнитивном аспекте. По мнению В. В. Робустовой, изучение ономастики в когнитивном аспекте должно решать задачи, направленные на выявление и изучение моделей построения онимов [Робустова 2014: 42]. Специфика закреплённой в антропонимах информации определяется их ролью в поэтическом контексте. Антропонимы не просто обозначают субъекты, а содержат культурную, социальную и историческую информацию, которую автор вкладывает в антропонимы для формирования глубины произведения и его смысловой насыщенности.

Поэтическая ономастика Г.Р. Державина самобытна. Поэт воссоздаёт реальную действительность своей эпохи с участием имен и фамилий исторических и государственных деятелей, которые участвовали во всех важнейших событиях времен Екатерины II, Павла I и Александра I. Так, в стихотворном сочинении «Гимн лироэпический на прогнание французов из Отечества» описывается весь ход Отечественной войны 1812 года.

Р.А. Бакиров, используя технологии интернет-ресурсов для определения позиции творчества Г.Р. Державина в «социальной нише» в «срединной культуре», установил: «если в культуре своего времени поэт был, безусловно, в верхней части этой срединности, то в нашей интернет-эпохе он, оставаясь в лидерах по значимости среди всех писателей XVIII века, в целом уступает по популярности многим из своих литературных наследников» [Бакиров 2024: 160].

За любым державинским антропонимом, как в реальной жизни, стоит одна и та же реальность — человек, т.е. антропонимы имеют конкретных денотатов. Антропонимикон Г.Р. Державина глубоко антропоцентричен,

поскольку антропонимы занимают ключевое положение в его поэтическом тексте, участвуя в создании картины поэтической мира. Антропонимы идентифицируют личность, служат маркерами пола (гендерной отнесенности), социального статуса, мифологии, национальной принадлежности персонажей, личных чувств, значимости деятельности личностей в истории эпохи, в которую создавал своё поэтическое наследие Г.Р. Державин. С помощью использования антропонимов поэт изображал общепринятые знания о человеке и вкладывал в них собственную ассоциативную семантику и интерпретацию.

Связь его произведений с реальными историческими, военными и культурными личностями нашла отражение в его в патриотической и гражданской лирике, она усиливала эмоциональное и духовное воздействие текстов, делая лирическое произведение ближе и понятнее читателям. Такой подход позволил поэту выразить гражданскую позицию не абстрактно, а через конкретное именование героев, что создавало патриотический пафос и формировало чувство национальной гордости.

Державин часто использовал антропонимы в названиях своих од и стихотворений, присутствие которых задавало тональность всего текста для раскрытия самой важной темы, коррелируя со всем текстом и в то же время являясь микротекстом [Васильева 2005: 76-99]. Кроме того, антропонимы, присутствующие в названиях его произведений, помогают раскрыть сложные двусмысленности и иносказания.

В лирических произведениях Г.Р. Державина для номинации лиц, связанных с высоким статусом или героическими деяниями, преобладают фамильные антропонимы. Имя и отчество редко использовались, что свидетельствует о торжественном характере многих его произведений.

Для восхваления личности эпоха классицизма диктовала необходимость использовать в поэзии главенствующий жанр – оду. В державинских одах лирические герои с фамильными антропонимами

преобладают и отражают, как правило, принадлежность к высшему сословию.

В то же время поэт активно использует обыденные имена и их уменьшительно-ласкательные формы типа *Даша*, *Дашенька*, *Варюшка*, *Любушка*, *Параша*, *Лиза*. Эти простые личные имена, например, горничных Н.А. Львова или женских лиц ближайшего окружения поэта. Подобного рода имена придавали тексту достоверность. Это была новая лирическая поэзия, в которой присутствовали реальные люди с их человеческими чертами, например:

«Пусть *Даша* статна, черноока
И круглолицая, своим
Взмахнув челом, там у потока,
А белокурая живым
Нам *Лиза*, как зефир, порханьем
Пропляшут вместе казачка»

«Другу»

Диминутивные, ласкательные и уменьшительные формы личных имен отмечаются исключительно только в отношении женских имен, которые были противоестественны для торжественной оды, для которых был характерен высокий стиль и идеализация героев. Но использование подобного рода антропонимов свидетельствовало о новаторском отходе поэта от классических канонов.

Включать в названия стихотворений антропонимы было излюбленным приемом Г.Р. Державина, т.е. указывать имена как факт исторической действительности, например: «*На восшествие на престол Императора I*», «*На рождения ея высочества Великой Княжны Ольги Павловны*», «*На всерадостное рождение Государыни Великой Княжны Елисаветы Александровны*».

Известное стихотворение «К Музе», написанное по поводу коронации Павла I, первоначально имело название «Даше в Светлое Христово воскресенье. Апреля 5, 1797». Использование в названии стихотворения простого личного имени Даша (полное имя Дарья) связано с особенностями языка XVIII века и эстетикой классической поэзии, когда диминутивы служили средствами передачи личного отношения автора к описываемым персонажам и нередко использовались как стилистический приём, усиливающий эмоциональную выразительность.

Названия поэтических произведений (как и произведений любых жанров) занимают сильную позицию в тексте и относятся к тем композиционным элементам, которые привлекают повышенное внимание к тексту. Заглавие – это первый ономастический знак произведения, с которым знакомится читатель.

Заголовок и текст по своей природе находятся в диалектических отношениях, это одновременно и два самостоятельных текста и элементы одной текстовой структуры. Такая совокупность свойств невозможна для любого другого имени собственного. Одновременно такой совокупностью свойств не обладает ни один другой элемент текстовой структуры.

Таким образом, антропоцентричность антропонимикона Г.Р. Державина проявляется в том, что антропонимические единицы отражают диалог языковой личности с окружающим миром и служат выражением жизненных, культурных, исторических и ментальных характеристик человека.

3.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← исторические имена

В национально-культурном пространстве исторические имена занимают особое место. «Точно так же, как фамилия близкого человека (родственника, хорошего знакомого) неразрывно связана с его обликом, в

сознании носителей языка существует «галерея образов» знаменитостей: политиков, деятелей науки и особенно культуры, всех тех, «кто в ореоле славы попал в фокус внимания своих сограждан» [Бабушкин 2009: 67].

Традиционно под историческими именами понимаются имена реальных исторических личностей, которые прочно связаны с определённым историческим контекстом и эпохой, скажем, «от императоров, античных поэтов до родственников Державина» [Пономарева 2023: 267].

Относительно поэтического творчества Г.Р. Державина речь идет, во-первых, о реальных исторических личностях, государственных деятелях, полководцах, князьях, тех, кто прославил мощь Российской империи, символизировал могущество, славу и укрепление страны, был великим государственным и военным лидером XVIII века. Во-вторых, в отношении тех имён людей, которые были близки Державину в семейном или дружеском окружении, например, Катя (поэтическое имя его первой жены Пленира) или Даша (поэтическое имя его второй жены Милена).

В название стихотворения «Евгению. Жизнь Званская» (было опубликовано в 1807 году в журнале «Вестник Европы», 1807, №16) входит мужское имя Евгению. Изначально оно имело другие названия – «Картины жизни Званской», «Жизнь на Званке». Внесённое в заглавие имя Евгений стало фактом адресации. В этом случае имя выступает как конкретный идентификатор субъекта, на который направлено внимание читателя.

Стихотворение, ставшее программным поэтическим сочинением, обращено к епископу Евгению Болховитинову (Евфимию Алексеевичу Болховитинову), близкому другу поэта.

«Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь ...»

В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» упоминаются три русских самодержца, в период правления которых Г.Р. Державин был на

государственной службе, о чем свидетельствуют апеллятивно-антропонимические единства, являющие собой генетивные словосочетания: «лучи *Екатерины*» (о Екатерине I), «*Павловы дела*» (об императоре Павле I), «*Александров век*» (об императоре Александре I):

«Победы слава где, лучи *Екатерины*?

Где *Павловы дела*? ...»

«Вид лета красного нам *Александров век*»

Апеллятивно-антропонимические единства, репрезентирующие исторические имена, отражают процесс взаимодействия между именами собственными и нарицательными словами. Такие единства сочетают в себе признаки конкретных фамильных антропонимов и обобщённых понятий (нарицательных существительных), что ведёт к формированию специфической семантики и формированию когнитивных структур, см. также: «*Мариной рукой* прядутся» (об императрице Марии Феодоровны, супруге Александра III), «дух *Екатерины*», «*Екатеринин век*», «*труды Петровы*», «*ввек Петров*» (о Петре I), «*Потемкин труд*», *друг Аполлона*», «*шлем Ахиллов*», «*наперсник Минервы*» (о Г.А. Потемкине) и другие.

Метонимия становится способом создания апеллятивно-антропонимических единств.

Державин часто использует такого рода сочетания, отражая субъективное знание об исторических личностях. О.Е. Ратникова подчеркивает, что «в период с 1794 по 1799 гг. творчество Державина наполняется субъективно-эмоциональной интонацией [Ратникова 2019: 109].

В группе ключевых исторических имен преобладают мужские фамильные антропонимы, такие, как Суворов (Александр Васильевич), Потемкин (Григорий Александрович), Румянцев (Петр Александрович), именные мужские антропонимы Петр I, Александр I, Павел I, активно присутствует женский именной антропоним Екатерина II (российской

императрицы), в честь которых были написаны восхваляющие стихотворения поэта (см. Таблица 2).

Таблица 2.

Ключевые имена исторических личностей России
в поэзии Г.Р. Державина

Ключевые имена	Названия произведений
Александр I	«На рождение в Севере порфиродного отрока», «Ода на всерадостное на престол восшествие императора Александра Перваго», «На восшествие на престол императора Александра I», «Слава»
Павел I	«На бракосочетание великого князя Павла Петровича», «На Новый 1797 Год», «К изображению императора Павла I при вступлении его на престол»
Петр I	«Монумент Петра Великого», «Петру Великому», «Эпистола И.И. Шувалову. На прибытие его из чужих краев в Санктпетербург 1777 года сентября 17 дня»
А.В. Суворов	«На взятие Измаила», «На взятие Варшавы», «На победы в Италии», «На переход Альпийских гор», «Орел», «К снигирю. По кончине князя Суворова», «Снегирь»
Г.А. Потемкин	«Водопад», «Описание торжества в доме князя Потёмкина»
Екатерина II	Фелица», «Благодарность Фелице», «Видение мурзы», «Изображение Фелицы», «Ода Екатерине II», «На поднесение депутатами Ея Величеству титула Екатерины Великой», «На кончину императрицы Екатерины II», «Ода на день рождения ея величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года» и др.

Среди приведённых в Таблице 2 мужских фамильных антропонимов обращает на себя внимание фамилия Потёмкин, по своей этимологии не соответствующая цели похвалы, в то время как Потемкин был незаурядной личностью, который оставил заметный след в государственных делах,

будучи главным советником Екатерины II. Однако, как известно, политические противники называли Потёмкина «князь тьмы».

Б.О. Унбегаун считает, что фамилия Потемкин восходит к существительному в значении «тьма, потёмки» и вносит её «в ряд фамилий, образованных от существительных, описывающих явления природы» [Унбегаун 1989: 160].

Существует мнение ученых, что в основе фамилии Потёмкин лежит прозвище Потёмка, которое могли дать слепому или слабо видящему человеку, либо невежественному человеку [Фамилии Тамбовской области 1999: 106].

В основе фамилии Потемкин лежит прозвание, которое индивидуализировало человека в прошлом: возможно, отражало его характеристику по способности видеть, возможно, плохо видевшему человека. В наречении субъекта прозвищем номинатор использовал уже существующий в языке и известный ему апеллятив, ассоциативно соотносимый для создания прозвищного имени. Процессы номинации фамилии Потемкин не имеют единого источника и восходят к разным ситуативным точкам зрения, поскольку точно установить, какие имена некогда переходили в прозвища, невозможно.

Окончательное «офамиливание» населения России оформилось во второй половине XIX века. Появление прозвищных фамилий отражает главный способ образования русских фамилий, основанном на большинстве русских прозвищ.

Русские прозвища представляет собой типичный пример вторичного именования. Как особый вид антропонимов они характеризуются использованием метафоры и метонимии, обеспечивающих творческий аспект их номинации, что является проявлением вторичной номинации – переосмысления значения антропонима на основе когнитивных ассоциативных связей. Каждый факт вторичной номинации соотносится с

системой ценностей сообщества, которая служит фоном для осмысления происхождения прозвищ.

Фамильный антропоним Потёмкин в творчестве Державина употребляется с прозвищным прилагательным «Таврический». В русскую поэзию и историю Потёмкин вошел как «князь Тавриды» и «князь Потемкин-Таврический». Он «был первым из своего рода, который добился высокого места в империи и вписал имя свое в книгу русской истории» [Екуч 2023: 254].

Историческое значение личности Г.А. Потёмкина и философское осмысление его судьбы Г.Р. Державин отразил в знаменитом стихотворении «Водопад», наполненном аллегориями, иносказаниями и образными словосочетаниями в адрес Потемкина, например:

«О! будь бессмертен, витязь бранный»,
«На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире»

В 1784 году Г.Р. Державин был назначен первым правителем (наместником) Олонецкого наместничества и был в Карелии. Объезжая наместничество, поэт видел водопад Кивач, расположенный на реке Суне. Впоследствии появилась знаменитая ода «Водопад», в которой активным участником в поэтическом раскрытии образа выдающегося русского полководца и политического деятеля Потемкина является нарицательное существительное «водопад».

«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?»

Мощь потока воды, природная энергия водопада сравнивается с величием и грандиозностью Потемкина:

«Се ты, о чудный *вождь Потемкин!*»

Стихотворение насыщено риторическими вопросами, на которые в ответах скрывается имя Потёмкин.

«Не ты ль *наперсником* близ трона
 У северной *Минервы* был;
 Во храме муз друг *Аполлона*;
 На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
 Могущ – хотя и не в порфире?»

«Не ты ль, который взвесить смел
 Мощь росса, дух Екатерины,
 И, опершись на них, хотел
 Вознести твой гром на те стремнины,
 На коих древний Рим стоял
 И всей вселенной колебал?»

«Не ты ль, который орды сильны
 Соседей хищных истребил,
 Пространны области пустынно
 Во грады, в нивы обратил,
 Покрыл понт Черный кораблями,
 Потряс средю земли громами?»

«Не ты ль, который знал избрать
 Достойный подвиг русской силе,
 Стихии самые пожать
 В Очакове и в Измаиле,
 И твердой дерзостью такой
 Быть *дивом храбрости* самой?»

В оде «Водопад» Г.Р. Державин «играет с умолчанием имен упоминаемых лиц» [Екуч 2023: 262].

«Пришедши, старец надпись зрит:

«Здесь труп *Потемкина* сокрыт!»

Имя старца не названо. Это седой человек в одежде воина, который отложил копье, меч и щит и рассматривает водопад.

«Я вижу, некий муж седой

Склонился на руку главой»

Однако слово «румянцев» в форме множественного числа позволяет считать, что поэт иносказательно указывает на историческую личность по фамилии *Румянцев*.

«Что образ, имя и дела

Цветут его средь разных глянец;

Что верх сребристого чела

В венце из молненных румянцев

Блестает в будущих родах,

Отсвечиваяся в сердцах»

Петр Александрович Румянцев был главнокомандующим действующей армией в ходе первой Русской-турецкой войны, Потёмкин был в его подчинении. Однако во второй Русско-турецкой войне Григорий Александрович Потемкин был назначен главнокомандующим, П.А. Румянцев, не желая ему подчиняться, ушел со службы.

В русском языке предложения с вопросительной формой могут соотноситься с риторическими высказываниями. Ср.:

«Не ты ли счастья, славы сын,

Великолепный князь *Тавриды*?»

...

«Не ты ль наперсником близ трона

У северной Минервы был?»

...

«Не ты ль, который взвесить смел

Мощь росса, дух Екатерины?»

Приведенные вопросительные предложения содержат ключевые слова *Таврида*, *Миневра*, *Екатерина*, которые однозначно связываются с именем Потёмкина. Об этом свидетельствуют и апеллятивно-антропонимическое единства «*Великолепный князь Тавриды*», «*наперсник близ трона*» (северной Минервы), «*дух Екатерины*», «*Решитель дум*».

Таврида – название Крымского полуострова. После присоединения Крыма к Российской империи Потёмкин руководил его первоначальным устройством, развитием и укреплением обороноспособности.

Миневра и Екатерина – это образ Екатерины II, для которой князь Тавриды был олицетворением преданности, тех военных доблестей и государственных дел, которые она хотела видеть в своем государстве, а его незаурядная личность вдохновляла на укрепление и расширение империи.

«Се ты, отважнейший из смертных,
 Парящий замыслами ум!
 Не шел ты средь путей известных,
 Но продолжил их сам – и шум
 Оставил по себе в потомки;
 Се ты, о чудный вождь Потемкин!»

Подчеркивая славные деяния Г.А. Потемкина на благо Отечества, что имело место в расширении и укреплении южных границ Российской империи, в его особой роли в создании Черноморского флота, Державин подчеркивает значимость государственных дел Потемкина, которые повысили статус и укрепили силу Российской империи в конце XVIII века. Поэт уверенно утверждает: «*Напишется Потемкин труд*».

Между тем некоторые ученые отмечают: «Державин соединяет хвалу и скорбь о Потемкине с нравственно-моралистическими размышлениями

об истинной славе и великости, которые ставят под сомнение великолепие Потемкина как знака величия» [Екуч 2023: 266]¹³.

В оде «Водопад» Потёмкин называется именем *Ахилл* (персонаж древнегреческой мифологии, с которым связаны подвиги в Троянской войне), на что указывает относительное прилагательное «ахиллов»:

«Взять *шлем Ахиллов* не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? — увы!
И плоть и труд копь истлевает,
Что ж нашу славу составляет?»

В этой же оде для характеристики Потемкина используется мифологема *Перикл* (древнегреческий государственный деятель, с именем которого связан расцвет Афинского государства):

«Вокруг *Перикла* раздается:
Марон по Мecenате рвется»

Сопоставление исторического лица с античными мифологическими образами позволило поэту отразить диалог с предшествующими культурами, приблизиться к реалиям российской жизни и заложить истоки гражданской поэзии.

Думается, что Г.Р. Державину обыкновенные имена и фамилии были недостаточны для отражения торжественного стиля, характерного для классицизма, литературного стиля этой эпохи, который служил для описания величественных личностей и сражений. Поэтому использовались метафоры-онимы для отражения характеристики героических личностей. В.З. Демьянков определяет метафору как «употребление выражения в «переносном смысле», когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже. Это трансфер от знания, данного

¹³ Потемкин был эпикурейцем, расточителем казенных денег, имел пороки, связанные образом жизни. См.: соч. А.Г. Брикнера Потемкин. Оценка личности Потемкина // <http://adjutant.ru/potemkin/brikner11.htm>

непосредственно, к знанию, полученному опосредованно» [Демьянков 2015: 29].

Таким образом, поэтический антропонимикон Державина находится в непосредственной зависимости от идейно-исторического художественного замысла поэта, в результате чего поэтические антропонимы предстают в качестве особого метафорического или метонимического маркера, выполняющего функцию идентификации индивида и особого языкового изобразительного средства для отражения индивидуально-авторской концептосферы.

3.1.1. Личный антропоним Петр как единица поэтического знания

Для восхваления Петра I, великого реформатора и просветителя России, Державин неоднократно использует личный антропоним Петр. По наблюдениям М.В. Пономаревой, имя Петр поэт использует 16 раз [Пономарева 2023: 269]. Это имя используется в произведениях «Петру Великому» (впервые опубликовано под заглавием «Песнь Петру Великому»), «На статую Петра Великого», «Вельможа», «На переход Альпийских гор»:

«Великий *Петр*, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!»

«Вельможа»

«Трепещет в скорби *Петр* Великий»
«О россы, славой лучезарны!
О род героев и собор!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввек Петру гремит наш хор!»

«Петру Великому»

«Бессмертен ты, Великий *Петр!*»

«Петру Великому»

Обратим внимание на тот факт, что синтаксический повтор фразы «*Бессмертен ты, Великий Петр!*» в оде «Петру Великому» содержит повтор имени Петр, что усиливает торжественный и восхваляющий характер оды, прославляющей Петра I за его заслуги и достижения перед Россией.

В этом случае повтор следует рассматривать как принцип выдвижения антропонима тексте. В содержании торжественного произведения повтор антропонимического высказывания через план выражения призван привлечь внимание читателя к важному лирическому герою по имени Петр. Это повторное воспроизведение идентичной фразы служит смысловым акцентом, одним из средств выразительности, характерных для лирики и од Г.Р. Державина.

Присутствующая повторяемость антропонимов в пространстве лирических произведений свидетельствует о системе предпочтений употребления антрополексем поэтом. Регулярно повторяющиеся антропонимические единицы сосредоточивают в сознании человека наибольшую часть антропонимических знаний, общепринятых именовании, отражая процессы познания окружающего мира в индивидуальном сознании.

В стихотворении «На статую Петра Великого» Петр I восхваляется как правитель в роли реформатора, как основатель новой России и ее преобразователь. Величие Петра I подчеркивают метафорические словосочетания («монарх народа», «Отечества отец»), дается оценка его деятельности Екатериной Второй.

«Великостью своей что был *монарх народа.*

Отечества отец, во множестве чудес».

...

«Бессмертие дала делам его судьбина,
 А вид сей в вечный знак взнесла Екатерина,
 Предбудущий чтоб мир, благоговя, зрел.
 Се *Петр*, речет она: се образ моих дел».

Особо подчеркнем, что использование имени, а не фамилии для обозначения как поэтического образа Петра Великого, первого российского императора, так и императрицы Екатерины свидетельствует о том, что такое именование было характерно для торжественной поэзии XVIII века.

«Трепещет в скорби *Петр Великий*:

Где Росс мой? – След и слух исчез»

«На переход Альпийских гор»

«Тебе, о мать *Екатерина*!

Плетется там похвал пучина»

«Ода Екатерине II»

«*Великий Петр*, как некий бог,

Блистал величеством в работе:

Почтен и в рубище герой!

Екатерина в низкой доле

И не на царском бы престоле

Была великою женой»

«Вельможа»

Через обращение к реальным историческим фигурам Державин открыто выражает свое отношение к конкретным реальным историческим личностям, отражает свои жизненные, политические и моральные убеждения, делая их центральным элементом своего творчества, что придавало произведениям достоверность. Но главное – через поэзию Державин увековечил имена и славу великих личностей в истории России и мировой культуре.

В творчестве поэта отмечаются многочисленные стихотворные послания с указанием конкретного реального адресанта, которые начинаются со словоформы, например, «К портрету», а далее указывается адресат. Ср.:

«К портрету адмирала Александра Ивановича Круза», «К портрету В.В. Капниста», «К портрету великой княжны Александры Павловны», «К портрету Графа Витгенштейна», «К портрету Ивана Ивановича Дмитриева», «К портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой», «К портрету Михаила Васильевича Ломоносова», «К портрету Н.А. Дьякова», «К портрету преосвященного Иннокентия псковского», «К портрету преосвященного Платона», «К портрету сенатора князя Якова Фёдоровича Долгорукова» и другие.

Следует обратить внимание тот факт, что названия приведенных стихотворных посланий в большинстве своем содержат указание на отчество реального человека. Это отражает нормативное употребление трехименной модели называния русского человека и стилистическое сознание уважительности и почтительности употребления отчества в русской словесной культуре – особого рода обязательная традиционная модель официальное имя + отчество + фамилия человека.

Эта модель сложилась исторически, и отчество используется для официального и уважительного обращения, отражая принадлежность к отцу. Для русской антропонимической системы эта традиция является характерной и отличается от моделей именования в других культурах, где может отсутствовать отчество, например, в китайской культуре.

Стихотворения, названия которых начинается с «К портрету...», как правило, давали характеристику изображённого человека, подчеркивали значимость или черты личности изображённого, раскрывали «внутреннего человека» через внешний образ на портрете.

Г.Р. Державин дорожил русскими отчествами и использовал их при названии своих произведений, потому что отчество и имя несут в себе глубокий родовой смысл, связывая личность с отечественной историей и традициями. Это соответствовало его позиции как поэта эпохи Просвещения, который способствовал развитию русского национального языка и культуры.

Г.Р. Державин впервые в русской лирике в качестве лирического героя изображает не вымышленных персонажей, а живых современников с реальной судьбой и индивидуальными чертами, оставивших заметный вклад в развитии России или способных вести Россию к процветанию.

3.1.2. Поэтический псевдоним как репрезентант личности:

Г.А. Потемкин

Г.Р. Державин написал оду «Решемыслу», посвященную Г.А. Потемкину, по просьбе княгини Екатерины Романовны Дашковой (полное название «*Ода великому боярину и воеводе Решемыслу, писанная подражанием оде к Фелице 1783 году*»).

В названии оды использовано необычное имя Решемысл для прославления его носителя.

«Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить *Решемысла*»

Этимология поэтического имени «Решемысл» легко прочитывается: решать/решить + мысль. Корень -мысл- отражает смысловую основу, связанную с мыслительной деятельностью.

Говорящий поэтический антропоним позволяет считать, что его носитель весьма способен к умозаключениям. Речь идет о Потемкине, Решемысл – это поэтический образ Потемкина.

«Ты Решемысловым лицом

Вельможей должность представляешь»

Известно, что «Сказка о царевиче Февее» была написана самой Екатериной для маленького внука Александра II. В этом нравоучительном, педагогическом сочинении («как поучение») герой сказки по имени Решемысл служил мудрым советником китайского царя Тао-ау.

Из этой сказки Державин заимствовал имя Решемысл. Но лирический герой Решемысл у Г.Р. Державина – это не портрет конкретного исторического лица, а собирательный образ мудрого государственного советника, который служит царице и которому должны соответствовать настоящие государственные деятели, это символ образцового советника, которому свойственна мудрость.

Для современников Державина указанные в названии оды имена Решемысл и Фелица (лат. «счастье», в римской мифологии богиня успеха и счастья) означали, что героями оды являются Потемкин и Екатерина II.

Подчеркивая свой вклад в развитие русского языка и литературы, в стихотворении «Памятник» Державин утверждает:

«... я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях *Фелицы* возгласить».

В последней части стихотворения лирический герой обращается к музе.

«О муза! возгордись заслугой справедливой, ...»

Заметим, что первоначальное название стихотворения содержало слово «муза» с прописной буквы – «К Музе. Подражание Горацию». Стихотворение призывает «возгордиться» «заслугой справедливой» Екатерины II. Муза (греческое Μοῦσα) – это известный теоним из античной мифологии: Музами называли девять сестёр, рождённых в Пиэрии, дочерей бога Зевса и титаниды Мнемосины, покровительниц поэзии и поэтов, искусств и наук. «Образ Музы становится символом бессмертия

поэзии («Чело твое зарей бессмертия венчай») как и ключевой образ стихотворения – памятник, который «вечный», «металлов тверже», «выше пирамид», «и времени полет его не сокрушит» [Го Ц 2024: 388].

В литературном контексте читатели ассоциируют имя Решемысл с князем Григорием Александровичем Потёмкиным, чему способствует описательная конструкция такого тропа, как перифраза «Друг честности и друг Минервы» (Минерва – метафора Екатерины II).

«Но пой, ты пой здесь *Решемысла*,

Великого вельможу смысла.

Наперсника царицы сей».

«*Друг честности и друг Минервы*»

Таким образом, имя Решемысл у Державина является символом, воплощающим идеал государственного служащего, сочетающим в себе ум и преданность Екатерине II.

С именем Потемкиным связана ода «Победителю», в которой речь идет о взятии турецкой крепости Очаков в июне 1788 г. Победитель сравнивается с Таврическими горами и вызывает ассоциации с князем Потемкиным-Таврическим.

«Как твердый Тавр, душа его тверда».

...

«*Потемкин ты! С тобой, знать, Бог велик*»

В этой оде Державин соединяет восхваление Потемкина и скорбь о его кончине.

Исторические антропонимы в творчестве Г.Р. Державина преобладают, они составляют 59,1% (см. Приложение 2), являя собой героические символы и образы на фоне российской истории и ментальности XVIII века.

Державинские исторические антропонимы имеют яркую коннотативную окраску и отражают взгляд поэта на русскую историю, его

патриотические и культурные ценности, а также его отношение к определенным личностям эпохи Просвещения, в которую жил поэт.

3.1.3. Антропонимические прозвища как компонент поэтической картины мира

Кроме имен и фамилий, Г.Р. Державин использует в качестве антропонимов почетные прозвания полководцев, которые являются субстантивированными прилагательными, к числу которых относятся прозвища *Задунайский*, *Рымникский*, *Таврический* и др. Ср.:

«Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел,
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел:
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век,
А *Рымникский* скрылся тмою,
Как неславный человек»

«К лире»

В названии произведения, посвященном проходившему торжеству в доме поэта, указан антропоним Потемкин-Таврический: «Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила в доме генераль-фельдмаршала Князя *Потемкина-Таврическаго*, близь конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 Апреля».

Это произведение является одним из известных литературных свидетельств о личности князя Потёмкина.

Титул светлейшего «князя Таврического» ему был дан Екатериной Второй как вознаграждение за его ратные государственные дела. Г.А. Потёмкин сыграл ключевую роль в присоединении Крыма к Российской

империи и создании Новороссии, за что получил «географический» титул «светлейший князь Таврический». Екатерина II наградила его титулом – прибавлением к фамилии прилагательного «Таврический». Во времена Г.Р. Державина Крым называли Тавридой.

Именование Потемкин-Таврический – это метонимический перенос по названию местности, где Потёмкин особенно ярко проявил себя как государственный деятель.

Такое дарование «географического» прозвища, основанное на метонимическом переносе (имя + место ратного подвига) Екатерина II дала пяти героям за конкретные военные достижения и победы. Прозвища получили:

- князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский (командовал русской армией, завоевавшей Крым во время русско-турецкой войны),
- граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (командовал при Чесменском сражении, был почти полностью уничтожен турецкий флот),
- граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский (командовал войсками, которые нанесли поражения туркам в Южной Бессарабии на левом побережье Дуная),
- граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский (командовал русско-австрийскими войсками при Рымнике (река Рымник, ныне Румыния). Во время Русско-турецкой войны у реки Рымник состоялось Рымникское сражение, в котором русско-австрийские войска под командованием Суворова одержали победу над турецкой армией. За победу над турками в этом сражении Александр Васильевич Суворов получил почётное прозвище «Рымникский».

Прозвищное именование Суворова отражено в названии произведения «На смерть графа Александра Васильевича *Суворова-Рымникского*, князя италийского, в С.-Петербурге года», в котором описывается Суворов – он был «превосходней всех героев».

«О вечность! Прекрати твоих шум вечных споров:
 Кто превосходней всех героев в свете был?
 В святилище твое от нас в сей день вступил
 Суворов»

Составные антропонимические прозвища (сочетание двух слов), обозначая почетные прозвания видных государственных деятелей, отражают единое целое. В процессе вторичной номинации когнитивно выделяются те свойства субъектов, которые соотносятся со структурами определенных знаний, в данном случае географических.

Речь идет о реализации механизма профилирования, в ходе которого проявляется универсальная когнитивная способность человека вторично называть субъекты, т.е. в качестве профиля антропонимического прозвища выбирается характеристика субъекта.

Из сказанного следует, что в структуре поэтического текста антропонимические прозвища отражают важнейший источник информации о способах восприятия и осмысления окружающей действительности человеком.

4.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← именной антропоним: Екатерина II

В поэзии Г.Р. Державина образ Екатерины II представлен употреблением личного имени Екатерина в его прямом значении – «личное название человека, даваемое при рождении». Именование Екатерина II содержит указание на число II, которое указывает на последовательность правления женщин в России. Как известно, самодержавная императрица Екатерина I (супруга Петра I) была первой женщиной на российском престоле.

Екатерина II представлена именами, восходящими к античной мифологии и завуалированным литературным именем Фелица.

Для именования императрицы Екатерины II, которая стала символом эпохи Просвещения, Г.Р. Державин использовал собственное имя в полной форме Екатерина в одах «На взятие Измаила», «На Новый 1797 г», «На Шведский мир», «Водопад», «На приобретение Крыма». Ср.:

«О ангел наших тихих дней,

Екатерина! ... »

«На шведский мир»

«Не ты ль, который взвесить смел

Мощь росса, дух *Екатерины*»

«Водопад»

«Кто сей, щедрей *Екатерины*

И ревностней еще Петра?»

«На Новый 1797 г»

«Который бог, который ангел,

Который человеков друг,

Бескровным увенчал вас лавром,

Без брани вам трофеи дал

И торжество?» – *Екатерина*,

Та венценосна добродетель,

То воплощенно божество»

«На приобретение Крыма»

Для номинации Екатерины II служили именования, которые можно отнести к метафорам как одному из способов вторичной номинации, поскольку используется уже известное, существующее слово для обозначения нового субъекта, создавая при этом новые смысловые оттенки.

На базе поэтического текста возникает осмысленное семантическое значение антропонимической единицы с точки зрения концептуальных моделей, которые принадлежат общей базе знаний языкового субъекта. Такого рода ментальная интерпретация осуществляется независимо от

происхождения и истории языковых единиц, культурных условий их номинации, а также категоризации соответствующего субъекта восприятия.

В связи с этим можно говорить о моделирующей функции концептуальных метафор, когда происходит «метафорическая экспансия» (процесс расширения применения метафор из одной исходной концептуальной сферы на другие сферы) и возникает серия когнитивных (концептуальных) метафор, например, для Екатерины II, см. Таблица 3.

Таблица 3.

Метафорические именования ЕКАТЕРИНЫ II

ЕКАТЕРИНА II	АНГЕЛ «Что в дом она свой возвратилась, В дом <i>Ангелов</i>, вкусить свой труд» «На кончину императрицы Екатерины II и на восшествие на престол императора Павла I»
	БОГИНЯ «Премудра наших дней <i>богиня</i>! Тишайша мать, героиня! «О, коль пространно всюду поле Твоих, <i>богиня</i>, хвальных дел!» «Екатерине II» «Долг <i>богине</i> отдавайте И места те украшайте, Где грядет теперь она» «На отсутствие ея величества в Белоруссию»
	ВЛАДЫЧИЦА «Своя <i>владычица</i>, держава, И все везде его почли, Триумфами превознесли» «Фелица»
	МАТЬ Тебе, о <i>мать</i> Екатерина, Плетется там похвал пучина» «Ода Екатерине II» «Увы! упала с нас корона, И <i>матери</i> народов нет!»

	«На кончину императрицы Екатерины II и на восшествие на престол императора Павла I» «Ты так к нам сердобольна, <i>мать!</i>» «Ода Екатерине II» «Славься нежная к нам <i>мать!</i>» «Описание торжества, бывшего по случаю взятія города Измаила в доме генераль-фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического, близъ конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апреля»
	МАТЕРЬ «Премудра наших дней богиня! Тишайша <i>матерь</i>, героиня! «Ода Екатерине II»
	МОНАРХИНЯ «Твои, <i>монархиня</i>, доброты, Любовь, суд, милость и щедроты Без украшений сияют!» «Ода Екатерине II»
	МУЗА «Я Муз с Парнасса не сзываю, С тобой одной хочу я петь» «Вдохни, о истина святая! Свои мне силы с высоты; Мне, глас мой к пенью напрягая, Споборницей да будешь ты!» «Ода Екатерине II» Споборница, т.е. соратница
	ЦАРЕВНА «Тебе единой лишь пристойно, <i>Царевна!</i> свет из тьмы творить» «Фелица» «Умей моей богоподобной Царевны образ начертать» «Изображение Фелицы»

	ИМПЕРАТРИЦА «Он дал нам то в императрице, Чем Петр премудр в законах слыл» «Екатерине II» «... венценосна добродетель!» «Видение мурзы»
--	--

Как показывают примеры Таблицы 3, метафорические проекции со словами АНГЕЛ, БОГИНЯ, ВЛАДЫЧИЦА, ДОБРОДЕТЕЛЬ, МАТЬ, МАТЕРЬ, МУЗА, ЦАРЕВНА, ИМПЕРАТРИЦА, МОНАРХИНЯ, МУЗА применяются в прямой референции к Екатерине II, отражая перенос значений и качеств имен нарицательных на реальный субъект и передавая дополнительные смыслы, вызывающие культурные ассоциации у читателя, что создает выразительные и образные коннотации в языке.

Такой перенос качеств с «области-источника» на «область-мишени» формирует поэтические образы, позволяющие усилить эмоциональное воздействие текста. При этом называемое переносное значение не ограничивает вторичную номинацию, и в результате мы имеем целые серии таких образных номинаций.

В контексте поэзии XVIII века метафорическая номинация как вторичный процесс именования служила для выражения оценки автора лирического героя, его культурной и исторической значимости.

Кто же такая Екатерина II? Это императрица, известная как Екатерина Великая, период её правления Россией с 1762 по 1796 гг. Это ВЛАДЫЧИЦА – правительница России, которая значительно расширила территорию Российской империи. Это МАТЬ – хранительница семейного очага (писала сказки для внуков). Заметим, что Екатерина II больше занималась воспитанием своих внуков, прежде всего будущего императора Александра I, нежели сыном Павлом.

Екатерина II – это и то, и другое, это воплощение символической двойственности: возвышенности и приземленности. В этих случаях

реализуются разные метафорические модели, которые в своей совокупности подчеркивают величие Екатерины II.

В XVII веке имя Екатерина было редким в России, но во второй половине XVIII века оно было включено в царский именник. Имя Екатерина стало символом эпохи, могущества и просвещения, чему способствовал успешный период царствования Екатерины II (34 года). По наблюдениям М.В. Пономаревой, имя Екатерины II Державин использует 25 раз [Пономарева 2023: 269], что связано с индивидуальной позицией Г.Р. Державина по отношению к царствующей императрице. Поэт мог высказать разные к ней чувства: почтение, восхищение или даже критику.

Имя Екатерина, пришедшее в Россию из Византии, со временем стало широко распространённым в дворянской среде.

По своему происхождению оно может восходить к древнегреческому слову Αἰκατερίνη (Aikaterine), которое переводится как «непорочная», вечно чистая» [Суперанская 1998: 375]. Однако Макс Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер считает эту этимологию ошибочной [Фасмер 1996: 12]. По всей вероятности, этимология имени Екатерина восходит к слову «катарсис» с корнем «катариос» (очищение), поскольку в древнегреческой философии и культуре слово употребляется в этом значении, что более убедительно.

В настоящее время имя Екатерина входит в первый десяток самых популярных женских имен в России, особенно распространенной является его уменьшительно-ласкательная форма Катюша (гипокористическое имя), которую очень любят россияне. В русском языке уменьшительно-ласкательные имена образуются от кратких форм личного имени: Екатерина – Катя – Катюша¹⁴.

Антропонимические единицы в поэтическом дискурсе не случайны: автор стремится представить некоторую сложную концептуальную

¹⁴ 24 августа 2023 года в Московском зоопарке родилась панда, первое рождение большой панды в России. Путем онлайн-голосования ей было выбрано имя Катюша.

область. Выполняя когнитивную функцию, антропони́мы формируют новые смыслы понимания лирических героев. Будучи эффективным средством смыслообразования, личный антропоним Екатерина выполняет контекстообразующую и интерпретирующую (объяснительную) функции.

Таким образом, номинация «Екатерина II» представлена полным женским именем Екатерина и метафорическими именованиями в значении «символ императорской короны, державы и скипетра». В этом случае создаётся образный эффект, когда антропоним начинает обозначать обобщённое понятие и соотноситься с определённым ассоциативным потенциалом.

4.1.1. Поэтические псевдонимы как знаковые репрезентанты личности Екатерины II

Польская исследовательница творчества Г.Р. Державина Анна Варда отмечает, что «поэт подчеркивает деятельность Екатерины в общественной, законодательной, политических сферах» [Варда 2019: 90].

Чтобы не называть императрицу открыто, Г.Р. Державин использует поэтические псевдонимы, которые отражали «забавный слог» поэта.

Так, в стихотворении «На рождение царицы Гремиславы. Л.А. Нарышкину» российская императрица Екатерина Великая названа именем Гремислава. Этот державинский окказионализм использован в оде только один раз:

«В цветах другой нет розы в мире –
Такой царицы мир не зрит!
Любовь и власть в ее порфире
Благоухает и страшит.
Так знает царствовать искусство
Лишь в *Гремиславе* – божество».

Имя Гремислава двухосновное, в котором мотивация корней очевидна, имя содержит сочетание слов «греми» + «слава», что означает «прославившаяся громом», «гремящая славой». Славянские двухосновные имена с корнем «-слав» были распространены в русской привилегированной княжеской среде и символизировали славу, честь, силу или свет.

Обратим внимание, что имена с корнем «-слав» стали крестильными (зарегистрированы в христианской церкви в святцах) и служили в качестве церковных именовании при обряде крещения, который обязательно сопровождался имянаречением. Как известно, в список святцев попадали имена, связанные с канонизацией церковью того или иного князя. Первое славянское имя, которое попало в святцы, – канонизированное имя Владимир Красное Солнышко, затем появилось Владислав, Вячеслав, Ростислав, Станислав. Формы женских имен типа Братислава, Бронислава в современном русском языке не закрепились (по словарям Н.А. Петровского и А.В. Суперанской).

Если в русском языке в сложных нарицательных существительных соединительной гласной являются гласные -О- и -Е-, то в сложных именах собственных соединительным элементом является -И-. Особенностью двухосновных имен с корнем -слав- является тот факт, что они имеют только одну производную форму -слава- и не имеют уменьшительные формы.

По материалам ЗАГСа Тамбовской области, в десятку популярных женских и мужских имен при наречении новорожденных в 2024 г. вошли такие имена, как Ярослав, Мирослав, Мираслава и Ярослава¹⁵.

В оде «Екатерине II» поэт подчеркивает:

«И с славой вдруг твоей предивной
Гремят хвалу твоих чудес».

¹⁵ <https://pritambovie.ru/news/society/2025-01-09/v-tambovskoy-oblasti-nazvali-samye-populyarnye-imena-rodivshihsya-v-2024-godu-264793>

Поэт не назвал настоящего имени императрицы и в оде «Фелица», которая принесла поэту всеобщую известность. В этой оде ярко представлен образ правительницы-царевны, дочери киргизского хана, помогающей герою:

«Богородица царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!»

В этой оде поэт описывает «богородичную царевну» Фелицу, в образе которой предстаёт Екатерина II, наделенная стремлением к просветительским идеалам.

Имя Фелица в лирике Державина предстаёт как женщина, умеющая управлять великой европейской державой и вести успешную внешнюю политику (см. Таблица 4).

Таблица 4.

Имя Фелица как именование императрицы Екатерины II

«Благодарность Фелице» (1783)	«Мое так сердце благодарно К тебе усердием горит. К тебе усердием, <i>Фелица</i> , О кроткий ангел во плоти!»
«Видение Мурзы» (1783 – 1790)	«Кто ты? Богиня или жрица? - Мечту стоящу я спросил. Она рекла мне: «Я <i>Фелица</i> ».
«Евгению. Жизнь Званская» (1807)	«Шепнешь в слух страннику, ... «Здесь Бога жил певец, – <i>Фелицы</i> ».
«Зима» (1803 – 1804)	«...Да! <i>Фелицы</i> нет, Пленеры, Нет харит, и нет друзей...»
«Изображение Фелицы» (1789), самое длинное из всех стихотворений поэта	«Я в сердце зрю алмазную гору, На нем божественны черты Сияют исступленну взору: На нем в лучах – <i>Фелица</i> , ты!»
«К Царевичу Хлору» (1797)	«Прекрасный Хлор! Фелицын внук, Сын матери премилосердной»

«Памятник» (1795)	«Что первый я дерзнул в забавном русском слоге О добродетелях <i>Фелицы</i> возгласить»
«Фелица» (1782)	«Подай, <i>Фелица</i> ! наставленье: Как пышно и правдиво жить, Как укрощать страстей волненье И счастливым на свете быть?» ... «Таков, <i>Фелица</i> , я развратен! Но на меня весь свет похож». ... «Там с именем <i>Фелицы</i> можно В строке описку поскоблить Или портрет неосторожно Ее на землю уронить». ... « <i>Фелицы</i> слава – слава Бога, Который брани усмирил»

Фелица символизировала императрицу Екатерину II, отражала её идеализированный портрет («кроткий ангел во плоти», «матерь премилосердная»). Годы её правление сравниваются с деяниями Бога, который наставляет в жизни человека.

Державин взял имя Фелица из «Сказки о царевиче Хлоре», которую императрица Екатерина II написала своим внукам Александру I и Константину с целью формирования их нравственных качеств. Имя Фелица имеет латинское происхождение от слов, обозначающих «счастье» и «благополучие».

Н.В. Болдырев подчёркивает: «Познание окружающего мира всегда индивидуально и основывается на собственном опыте взаимодействия с этим миром: практического, ментального, вербального» [Болдырев 2007: 22]. Следовательно, репрезентация антропонимического знания в поэтическом тексте отличается авторской спецификой, наделенной образностью.

Любое имя собственное в границах поэтического текста обладает образностью, и именно образность, создаваемая автором и воспринимаемая читателем, признается большинством исследователей в качестве основного признака, обуславливающего статус поэтического текста как художественного (эстетического) объекта.

Статус главенствующего имени Екатерины II в творчестве поэта объясняется особой её государственной значимостью для российской культуры XVIII в. и особым почитанием её поэтом.

Для обозначения наименования императрицы Екатерины II выделяются такие метафорические образы, как Ангел, Богиня, Владычица, Мать, Монархиня, Императрица, используется литературное имя Фелица и придуманное поэтом имя Гремислава (окказионализм).

Г.Р. Державин в своих стихах, посвященных Екатерине II, сочетал антропонимические средства с целью одновременно прославить Екатерину Вторую и представить её как живую, реальную личность, а не только как абстрактный символ власти.

4.1.2. Репрезентирующая функция поэтических псевдонимов:

Пленира и Милена

Под репрезентирующей функцией поэтического антропонима понимается отражение не только номинации лирического героя, но и расширение его семантического потенциала в границах поэтического текста.

Поэтические псевдонимы (слово псевдоним образовано от греческих слов *pseudo* – «ложь» и *опута* – «имя», что в переводе означает ложное имя) Пленира и Милена являются яркими антропонимическими репрезентантами идиостиля Г.Р. Державина.

В структуре художественного произведения имена Пленира и Милена ассоциируются с конкретными женщинами, структурируя за

каждой из них единое мыслительное целое, что позволяет говорить об особом способе художественного познания действительности и высокой степени выполнения функции актуализации содержания антропонимических единиц, способствующих более осмысленному пониманию не только поэтического текста, но и свидетельств биографии русского поэта.

Поэтический псевдоним Пленира первой жены поэта (Екатерина Яковлевна Бастидон) впервые появился в стихотворении «На новый год» (1780), последнее стихотворение, в котором Державин использовал имя Пленира, – «На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся», оно было опубликовано только в 1933 году в сборнике лирики Державин [Пономарева 1922: 20].

Семейный союз Державина с Екатериной Бастидон был счастливым, у них были совместные развлечения. Обратим внимание на шуточные строки из оды «Фелица», в которой использовано русское диалектное слово «свайка» при характеристике русской забавы «играть в сайку».

«Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в *свайку* с нею *веселюся*»

Свайка – это русская народная игра, в ходе которой предмет «свайка» должен попасть в лежащее на земле кольцо. Свайка – это большой толстый гвоздь, железный или деревянный заострённый конусообразный стержень или шип с большой головкой. Впоследствии прообраз этой игры закрепился в названии известной игры «в ножички».

В современных тамбовских говорах слово «свайка» отмечено в значении «инструмент в виде кривого шипа для пленения лаптей».

Поэтическое имя Пленира отмечено в девяти произведениях, в каждом из которых предстаёт пленительная, красивая и нежная женщина с возвышенной душой.

«Приятна, как Любовь; любезна, как Душа;

Ты лучше всех похвал, – тебя я обожаю»

Со временем в русской литературе имя Пленира становится культурным символом, символом любви и вдохновения.

«А если милой и приятной

Любим Пленирой я моей,

...

То кто счастливее меня?»

Поэтический антропоним Пленира семантически связан с глаголом «пленить», на что указывает краткая форма причастия «пленён».

«Любезная моя, –

Я тут сказал, – *Пленира!*

Тобой пленен мой дух,

Ты дар всего мне мира»

«Прогулка в Сарском Селе»

По мнению Л.Е. Городновой, имя производно от глагола [Городнова 2007], однако это ошибочное суждение. Г.Р. Державин позаимствовал имя Пленира из «Сказки о золотом, серебряном и медном царствах», которая уже была включена А.Н. Афанасьевым в сборник русских народных сказок. В указанной сказке одну из царевен звали Пленира.

*«Иван-царевич ... назначил Василью-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Фёдору – царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну Плениру...»*¹⁶

Антропоним Пленира в русской литературе – «наилучший образец формирования определённых образов, выходящих за рамки

¹⁶ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Лит. памятники. М.: Наука, 1984–1985. Сказки из Примечаний Афанасьева. № 559.

именования реальной женщины, подчёркивая многогранность литературных антропонимов как языкового элемента» [Щербак 2024: 857].

О.Л. Довгий отмечает: «имя Пленира живёт в литературе и, независимо от Екатерины Яковлевны», становится «именем почти нарицательным для любой пленившей красавицы» [Довгий 2007: 106].

Вторая жена Г.Р. Державина Дарья Алексеевна Дьякова в поздней лирике поэта вошла в поэзию под поэтическим псевдонимом Милена.

После смерти Плениры Г.Р. Державин написал стихотворение, посвященное любимой Екатерине Яковлевне, которая «прошептала» ему имя Милена, ставшее аллегорическим именем второй жены Державина.

«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Милой половину
Займи души твоей».

«Призывание и явление Плениры»

Дарья Алексеевна Дьякова была образцовая жена, сдержанная и величественная женщина с расчетливым умом.

«Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть»

«Приглашение к обеду»

Древнерусское имя Милена содержит славянский корень -МИЛ-, означающий «милая» [Суперанская 1998: 238]. Это имя живет в XXI веке во многих странах мира, например, в Германии, Италии (Милена), отмечено оно и на территории России.¹⁷

Вот как описывает Г.Р. Державин образ Милены:

¹⁷ в Иркутской области на 31 октября 2025 года отмечено имя новорожденной девочки Милена // <https://www.ogirk.ru/2021/07/12/samy-redkie-i-neobychnye-imena-novorozhdennyh-nazvali-v-irkutskoj-oblasti/>

«Напиши мою *Милену*,
 Белокурую лицом,
 Стройну станом, возвышенну,
 С гордым несколько челом...
 Чтоб похожа на Минерву
 С голубых была очей»

«К Анжелике Кауфман»

В своих стихотворениях поэт называли Дарью Алексеевну полным именем *Дарья* и уменьшительно-ласкательными именами *Даша*, *Дашенька*.

«Души моей покою
 Желаю только я:
 Лишь будь всегда со мною
 Ты, *Дашенька* моя!»

«Желание»

«Строй, *Даша*, арфу золотую
 И юную весну воспой:
 Как нежною она рукою
 На небо, море голубое,
 На доли и вершины гор
 Зелену ризу надевает»

«Даше в Светлое Христово воскресенье»,
 созданной по случаю коронации
 императора Павла 5 апреля 1797 года»

«Здесь царство комарье,
 Царица в нем *Дарья*!

«Деревенская жизнь»

Для Г.Р. Державина первая жена Пленира была его Музой, после ее кончины источником вдохновения стала и Минера, т.е. Пленира и Милена являются именами муз, символизирующие вдохновение.

«Строй, Муза, арфу золотую...»

«К Музе»

В XVIII веке использование поэтических вымышленных имен для близких женщин было распространённой практикой, что позволило поэту создать яркие образы супругов, не раскрывая при этом их реальных имен.

«Могу поесть, попить;

Подчас и не бессилен

С *Миленой* пошалить»

«Деревенская жизнь!

Таким образом, поэтические псевдонимы в отличие от собственно личных имен, представляют собой пример яркой образности, которая основана на смежности функциональной ассоциативности называемых денотатов и оценок. Появление державинских литературных антропонимов основано на ассоциации:

ЛИЦО – ДЕЙСТВИЕ ЛИЦА

ЛИЦО – ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА

В аспекте креативного творчества Державина поэтонимы Пленира и Милена можно рассматривать как метонимическую трансформацию:

Екатерина Яковлевна Бастидон → Пленира = пленяет внешним видом,

Дарья Алексеевна Дьякова → Милена = милая для всех.

Таким образом, репрезентирующая функция антропоэтонимов в границах художественного текста является ключевым элементом в формировании поэтической картины мира. Употребление поэтических антропоэтонимов реализует образную номинацию оценочного признака – представление определённого абстрактного признака.

Антропонимы Пленира и Милена в державинских текстах приобрели статус семантических поэтических доминант, они служат репрезентантами женских ценностных идеалов, присущих русским женщинам: Пленира –

идеал добродетельной и благонадёжной жены, Милена – скромная и образцовая хозяйка дома.

5.1. Модель ЧЕЛОВЕК ←гипокористические имена

Антропонимические личные имена отражают взаимодействие языковых и внеязыковых факторов, что позволяет проникнуть в русскую национальную картину мира. Традиционно усеченные варианты и уменьшительные гипокористические формы связываются с семантикой уменьшительности и ласкательности.

Г.Р. Державин активно использовал в своих произведениях гипокористические формы женских имен, такие имена, как *Любушка* (Любовь), *Варюша* (Варвара), *Параша* (Прасковья или Параскева), *Лиза* (Елизавета), Люсинька, которые выражают ласку, доброжелательность и дружеское отношение. Ср.:

«Но желал бы я тихонько,
Без огласки от людей,
Зеркалом в уборной только
Быть у *Любушки* моей».

«Любушке»¹⁸

«Как, *Варюша*, ты прекрасна!
Если не из сердца страстна,
А из дружбы лишь одной
Я, писавши образ твой,
Написал тебя зарёю»

«Варюша»¹⁹

«Душе моей покою

¹⁸ Любушка – имя девушки, к которой Г.Р. Державин высказывает личное, интимное отношение.

¹⁹ Варюша – Варвара Михайловна Бакунина, родственница второй жены Державина.

Желаю только я:

Лишь будь всегда со мною

Ты, Дашенька моя!»

«Желание»²⁰

«О ты, Люсинька, любезна!

Не беги меня, мой свет»

«Люси»

Личные антропонимы с суффиксами -УШК, -ЮШК, -ОЧК, -ЕЧК, -ИНЬК служат средством создания художественного образа и позволяет Державину оживить и одушевить персонажей, Такой прием помогает добавить тексту интимности и эмоциональной близости.

Привычными и традиционными, часто встречающимися в русскоязычной среде в XVIII в., были имена Параша, Лиза, Даша.

«Белокурая *Параша*,

Сребророзова лицом,

Коей мало в свете краше

Взором, сердцем и умом ...»

«Параше»²¹

«*Лиза!* друг мой милой, юной!

Розе глас свой посвящай,

На гитаре тихоструйной

Песнь мою сопровождай».

«Лизе. Похвала розе»²²

«Будто мраморна царица

На супружней вые зрится.

Стонет мать, стонет свет:

Нет, ах! *Лизы*, *Лизы* нет!»

²⁰ Дашенька – Дарья Алексеевна Дьякова, жена Г.Р. Державина.

²¹ Параша – Прасковья Михайловна Бакунина, родственница Г.Р. Державина.

²² Лиза – племянница Г.Р. Державина, Елисавета Николаевна Львовна.

«Плач царицы»

«Пусть *Даша* статна, черноока
 И круглолицая, своим
 Взмахнув челом, там у потока,
 А белокурая живым
 Нам *Лиза*, как зефир, порханьем
 Пропляшут вместе казачка...»

«Другу»²³

«Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Всё вокруг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
Лизу мою?»

«Пчелка»

Заметим попутно, что стихотворение «Пчелка» в русской литературе было первой авторской песней, которая и сегодня звучит в русском песенном репертуаре.

«*Лиза!* друг мой милой, юной!
 Розе глас свой посвящай,
 На гитаре тихострунной
 Песнь мою сопровождай»

«Похвала розе»²⁴

Женские имена в поэзии Державина играют важную роль как символы живых, реальных образов из жизни, они воплощают идеалы женственности и переносят читателя в атмосферу XVIII века. Через

²³ Даша и Лиза – горничные Н.А. Львова.

²⁴ Стихотворение посвящено одной из любимых племянниц Г.Р. Державина – Елизавете Николаевне Львовой. Вместе со своими сестрами, Верой и Пашей, после смерти родителей она жила в доме Г.Р. Державина на Фонтанке.

женские образы Державин выражает свою личность, чувства и эстетические идеалы.

В XVIII веке имена Параша (полное имя Прасковья или Параскева), Варя (Варвара), Вера, Лиза (Елизавета) были самыми частотными именами, частотными они были и в ближнем окружении Г.Р. Державина.

Заметим, что для русского дворянства и культурной среды XVIII века к простым частотным именам относились имя Гавриил, которое носил поэт, Роман – имя отца Державина, Фёкла – имя матери поэта.

5.1.1. Оппозиция «полное имя – гипокористическая форма»

Как правило, женские имена образуют оппозицию «Антропоним – гипокористический вариант антропонима».

В основе ставшей русской народной песней «Пчелочка золотая», которая некогда была очень распространенной в среде донских и кубанских казаков, лежит трансформированное стихотворение Г.Р. Державина «Пчелка».

Стихотворение отличается легкостью и музыкальностью, напоминая народную песню, в чём сказался интерес Державина к русской народной культуре. Ср.: текст Г.Р. Державина.

«Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?»

В казачьей народной песне «Пчелочка золотая» вместо простого имени *Лиза* появилось имя *Люба* с его уменьшительно-ласкательными формами *Любочка* и *Любушка*. Ср.:

1-ый вариант:

А у моей у *Любы* русая коса,
 А у моей у *Любы* русая коса-коса.
 Жаль, жаль, жалко мне, русая коса,
 Жаль, жаль, жалко мне, русая коса».

2-ый вариант:

Али верно любишь, ай, *Любочку* мою?
 Али верно любишь, ай, *Любочку* мою-мою?
 Жаль, жаль, жалко мне *Любушку* мою.
 Жаль, жаль, жалко мне *Любушку* мою

Если в державинском тексте использовано реальное имя Лиза (имя первой жены поэта) как литературный выбор автора, то в донских песнях использованные уменьшительно-ласкательные имена *Любочка* и *Любушка* не именуют женский образ. Речь идет о собирательном образе женщины для тех казаков, которые были оторваны от дома во время военных походов и вспоминали любимых. Эта одна из весёлых, озорных казачьих песен стала походной песней «Эх, пчёлочка золотая, да что же ты жужжишь».

Именные антропонимы *Любушка* и *Любочка* в казачьей песне используются в значении «любимая женщина» и возводятся в ранг имени собственного.

В повседневной русской речи для номинации любимой женщины (девушки) используются омонимичные лексемы: «любущечка», «любочка», «любущенька», «любашенька», «любава», «любавочка», «любаша», «любуща», которые вступают в синонимические отношения со словами: «милка», «милаша», «зазноба», «зазнобушка», «милашка», «милушка» и другими. Приведенный ряд слов свидетельствует о том, что для нарицательного имени обязательно обозначение понятия, для антропонима обязательно название конкретного субъекта и его понятийная соотнесенность факультативна [Бондалетов 1983: 27].

В этом случае происходит процесс нейтрализации, показателем которого является лексическая оппозиция

«Антропоним – гипокористический вариант антропонима».

В этой оппозиции маркированным оппозитом будет являться имя нарицательное.

Любушка → любушка

Обиходные слова могут совпадать с именами собственными, образуя тем самым своеобразную омоформу «как частный случай ономастической омонимии» [Го Цзюаньцзюань 2024: 166], т.е. именные антропонимы Любушка (вариант Люба) и ласкательное слово «любущка» нейтрализуются.

Нейтрализация антагонизма между именем собственным и нарицательным существительным усиливает поэтизацию антропонима, формируя концептуально-тематическую область АНТРОПОНИМ, которая репрезентируется именными антропонимами *Люба, Любочка, Любушка* (маркер в тексте песни – прописная буква).

Участие антропонимов в структуре поэтического текста характеризует такое явление, как скрытая модальность. Переработка информации, закодированной в таких антропонимических единицах, требует проникновения в мир личностных предпочтений.

Любое имя собственное потенциально способно перейти в любой разряд онимов и соотноситься с конкретным объектом, например, эргонимы – кафе «Любава» (Москва), ателье «Любава» (Тамбов); топоним – город Любава (Польша); гидроним – река Люба (протекает по территории Олонецкого района Карелии); монументоним – название знаменитой скульптуры «Любочка» в г. Омске, ставшей в наши дни достопримечательностью города, жители её называют «Любой» и т.д.

Имя собственное как в реальной жизни, так и в структуре художественного произведения всегда ассоциируется с конкретным субъектом как едином мыслительном целым.

Из сказанного следует, что в пространстве поэтического текста, который имеет непосредственное отношение к ментальной сфере чувственно-образной деятельности, антрополоксеммы одновременно могут употребляться в прямом номинативном значении и выступать в переносном значении (метонимическом или метафорическом), а также нейтрализоваться. Показателем процесса нейтрализации является лексическая оппозиция

«ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ – ОНИМ»

В этой оппозиции маркированным оппозитом будет являться имя нарицательное, например, личные имена в форме множественного числа, выступающие в роли имен нарицательных:

«Петры, и Генрихи, и Титы

В народных век живут сердцах;

Екатерины не забыты

Пребудут в тысящи веках»

«На Новый год»

Имена собственные во множественном числе в художественной речи могут утрачивать индивидуализирующий статус и нейтрализоваться с именами нарицательными.

В этом случае можно говорить о таком явлении, как антономазия, когда собственное имя употребляется в значении нарицательного. В научной литературе антономазия рассматривается как один из частных случаев метонимии (И.Р. Гальперин) и как разновидность метафорического переноса (О.П. Воробьева, А.Н. Мороховский и др.).

6.1. Мифоантропонимы и теонимы, репрезентирующие антропозтонимы

Наследие античной ономастики в начале XVIII века в русской литературе способствовало развитию литературной ономастики как части художественной речи. Безусловно, характерным явлением для творчества поэтов и писателей начала XVIII века было знание мифонимов (античных, греческих и славянских богов и божества).

В своих произведениях Г.Р. Державин довольно часто обращался к античной мифологии, мифологическим богам, образам и символам, что было вполне закономерно, поскольку античная художественная культура являлась своеобразным эстетическим идеалом и эталоном для подражания в эпоху классицизма [Каменская 2008] и воспринималась во времена Державина как норма для словесной культуры [Ларкович 2011].

В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» к именам собственным, которые используются в мифах, Н.В. Подольская использует термин мифоним [Подольская 1988: 124-125]. Термин «мифоним» включает в себя теонимы, под которыми понимаются имена божества в любом пантеоне и агнионимы – имена святых [Подольская 1978: 125, 131]. Термин «антропоним» в широком понимании включает антропонимические единицы: мифонимы и их разновидности – мифоантропонимы, мифоперсонимы теонимы.

Следуя классическим канонам, Г.Р. Державин для обозначения Екатерины II использует следующие античные имена (см. Таблица 5).

Таблица 5.

Античные мифологические имена, ассоциируемые с Екатериной II

Астрея	«Достойно мы тебя <i>Астреею</i> зовем: Под скипетром твоим златые дни ведем. «На маскарад, бывший перед императрицей в Казани»
--------	---

Киприда	«Вот здесь, на острове <i>Киприды</i> , Великолепный храм стоял...» «Развалины»
Минерва	«Не ты ль наперсником близ трона У северной <i>Минервы</i> был...» «Водопад»
Фемида	«И как между столпов И зданием <i>Фемиды</i> ... «На прогулку в Сарском селе»

Особенно часто Г.Р. Державин обращался к отдельным мужским античным именам и создакет апеллятивно-антропонимические единства, указывающие, например, на князя Г.А. Потемкина – «друг *Аполлона*», «*шлем Ахиллов*», «*наперсник Минервы*»:

«Не ты ль *наперсником* близ трона
У северной *Минервы* был;
Во храме муз *друг Аполлона*;
На поле Марса вождем слыл»
«Взять *шлем Ахиллов* не робеет»
«По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь»

«Водопад»

В приведенном контексте обратим внимание на топонимы, которые участвуют в создании художественной географической картины мира. Как уже было отмечено, *Таврида* (историческое название древнего и средневекового Крымского полуострова) и *Очаков* (турецкая крепость Очаков расположена на побережье Черного моря) отражают реально существующие географические объекты. Их присутствие в стихотворении связано с поэтикой текста – с лирическими образами, созданными поэтом,

которые служат раскрытию авторского замысла в описании знатных дел Потемкина на юге России.

Чтобы подчеркнуть мудрую просветительскую и государственную роль деятельности Екатерины II, поэт представляет императрицу в образе *Минервы* (Минерва – богиня мудрости, защитницы науки и искусства), отражающим новые смысловые оттенки политических и философских идей Екатерины II.

«Во образе *Екатерины*

Сама *Минерва* се грядет"

«К Фелице»

Аллегорические имена из античной мифологии МИНЕВРА, ФЕМИДА, КИПРИДА, АСТРЕЯ ассоциируются с Екатериной Великой и символизируют поэтический образ императрицы, например:

«Не ты ль наперсником близ трона

У *северной Минервы* был»

«Водопад»

Словосочетание «северная Минерва» соотносится с городом Санкт-Петербургом как культурным центром Севера, о чем свидетельствует прилагательное «северный», которое маркирует не только географическое пространство, но и воплощает образ просвещения, мудрости и силы, приписываемый Минерве (богине мудрости), следовательно, Екатерине II.

В этом случае можно говорить о поэтическом именовании, отражающем семантическую модель трансфигурации, которая выстраивается по следующему параметру: «носительница конкретных характеристик или свойств + объясняющий эти черты мифоним».

По своей сути семантическая модель предстаёт как метафора, основанная на определенных ассоциациях. Екатерина II представлена поэтом как римская богиня мудрости, справедливой войны, силы и доблести, покровительница искусств, ремёсел и наук. Качества образа

Минервы приписывались Екатерине II как императрице мудрости и прогресса, что соответствовало её политике реформ, направленных на укрепление государства и культурное развитие России.

ЕКАТЕРИНА II → МИНЕРВА

«Как богини всем собором
Признают: им равных нет,
И *Минерва* важным взором
Улыбается им вслед?»

«Хариты»

«*Минерва* вновь творит людьми»

«На приобретение Крыма»

«Что слышу я? Орел из стаи той высокой,
Котора в воздухе плыла
Впереди *Минервы* светлоокой,
Когда она с Олимпа шла».

«На кончину графа Орлова»

«Со ужасом дела вселенная внимает,
Как падшу Грецию *Минерва* поднимает.
Не может скрыться враг в пустынях и горах –
Победа на земли, победа на морях!»

«На победы Екатерины II над турками»

Впервые Г.Р. Державин использует для номинации Екатерины II имя Минерва в произведении «На маскарад, бывшей перед императрицей в Казани» (1767), при названии уточняется «где *нагайцы и прочие народы плясали и играли на своих инструмента*». Это уточнение подчеркивает единство народов и подчинение различных народов под властью мудрой императрицы Екатерины I.

«Достойно мы тебя *Минервой* называем,
На мудрые твои законы как взираем.

Достойно мы тебя *Астреею* зовем,
Под скипетром твоим златые дни ведем»

«Осень»

Время правления Екатерины II отражает апеллятивно-антропонимическое единство «дни Минервины».

«Во дни *Минервины*, в Екатеринин век,
Достоинств таковых потребен человек.
Ты будешь, мудрою водим ее рукою,
Блистать парнасского эдема красотою;
Сады твоих доброт среди созрелых лег
Размножишь более, чем где их видел свет»

«Эпистола И.И. Шувалову на прибытие его
из чужих краев в Санктпетербург 1777
года сентября 17 дня»

Семантика имени собственного Минерва позволяет раскрыть значение производного прилагательного «Минервины», образованного суффиксальным способом. Специфичность семантики любого имени собственного ограничивает число производных от них слов в сравнении с произвольными от имен нарицательных.

Строка «Во дни Минервины, в Екатеринин век» содержит два синонимических сочетания. Словосочетание «Екатеринин век» формируется на основе категориального значения прилагательного и принадлежности сочетающегося с ними существительного с семантикой «время». Имена Минерва и Екатерина служат способом представления целой эпохи (ср. так же: «горбачевская перестройка», «сталинское время», «хрущевская оттепель», «брежневский застой» и др.).

ЕКАТЕРИНА II → АСТРЕЯ

«Я дни мнил *Астреи*, мир и покой
Ввесть распрей в вертеп; и с чистой душой

Благ всем желал»

АСТРЕЯ (богиня справедливости) служит символом справедливости, воплощение порядка и закона.

ЕКАТЕРИНА II → ФЕМИДА

«Творящ в Ареопаге суд,
Под кровом злата и виссона,
Фемиды свято место тут:
Беги из-за зеркальна трона,
Кол ты неправеден, Катон!

ФЕМИДА – богиня правосудия.

«На знатность»

ЕКАТЕРИНА II → КИПРИДА

«*Киприда* тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей;
На восклицających смотрела
Поднявших крылья лебедей»

КИПРИДА – богиня любви и красоты.

«Развалины»

Чтобы подчеркнуть величие и героизм русских полководцев, Державин использует образы греческих, римских богов и героев античности, что было частью общей традиции европейской литературы.

ПОТЕМКИН → МАРС

«Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный *Марс* оставил громы
И лег в туманы отдохнуть»

МАРС – бог войны.

«Осень во время осады Очакова»

СУВОРОВ → МАРС

«Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе *Марс* почует на соломе*,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног»

«Фельдмаршалу графу Александру Суворову-Рымшжскому»

Как показывают примеры, модель трансфигурации всегда двукомпонентная, поскольку в ее основе лежит признак аналогии.

Г.Р. Державин использует античные антропонимы для сопоставления с современными ему историческими лицами (их внешними чертами и внутренними качествами).

Г.Р. Державин – глубоко патриотичный поэт. Словосочетание «росски Ахиллесы» поэт употребляет в значении «храбрые воины, герои», защитники Отечества», чтобы возгордиться стойкостью, мужеством и героизмом русских воинов.

«Мужайтесь, *росски Ахиллесы*,
Богини северной сыны»

«Осень во время осады Очакова»

Образ Ахиллеса, героя из древнегреческой мифологии, переносится на русских героев для усиления патриотического звучания стихотворения. Такое сравнение позволяет выразить идею о великой силе и мужестве русского народа. Словосочетание «русские ахиллесы» служит метафорой, которая символизирует защитников Российской империи в традициях классической поэзии и просветительского патриотизма XVIII века.

«А я, что Россы ощущают,
Лишь то моим пою стихом»

«Ода Екатерине II»

Позиция мифонима в предложении зависит от его функции: оно может быть подлежащим (преобладающее число), выступать в роли

дополнения, в зависимости от контекста и необходимости выделения конкретного лица, или приложением (несогласованным определением), например:

ПОЗИЦИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО

«Увидел *Марс* – нахмурил брови,
Скрежещет и кричит, ярясь»

...

«*Цирцея* от досады воет,
Волшебство все ея ничто»

Цирцея – богиня магии и колдовства.

Марс – римский бог войны

«На приобретение Крыма»

«Спустил седой *Эол* *Борея*
С цепей чугунных из пещер;

...

«*Борей* на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет»

...

«Российский только *Марс*, *Потемкин*,
Не ужасается зимы»

Эол – это греческий бог, повелитель ветров.

Борей – бог северного ветра»

«Осень во время осады Очакова»

«Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом»

Морфей – бог сновидений.

«Водопад»

«...

Великого Петра, – мне *Клиа* отвечает».

Клия – муза и покровительница истории.

«На изображение Петра Великого»

«На кабаке Борей

Эол ударил в нюни»

«Желание зимы»

«Испугавшись смертельно,

Камнем стал мой *Купидон*»

Купидон – бог любви в древнеримской мифологии.

«Фалконетов Купидон»

ПОЗИЦИЯ ПРИЛОЖЕНИЯ

«На *поле Марса* вождем слыл»

«Водопад»

«Где *век Екатерины* славный?»

«На Новый 1797 год»

ПОЗИЦИЯ ДОПОЛНЕНИЯ

«*Эола* усмири,

С Бореем помири»

«Желание зимы»

«Не ты ль *наперсником* близ трона

У северной *Минервы* был;

Во храме муз друг *Аполлона*»

Минерва – богиня мудрости и войны.

«Водопад»

«*Слуга* был *Марса* я, *Фемиды*,

«А ныне – отставной поэт».

Фемида – древнегреческая богиня правосудия.

«Привратнику»

«Наместник Марса был, Нептуна, Аполлона:

Минервою водим ...»

«На статую Петра Великого»

«Стремися с Фурией, сонм грозной!

Фурия – одна из богинь мщения в древнеримской мифологии.

«На взятие Варшавы»

«Кто сей, щедрей *Екатерины*

И ревностней еще *Петра?*»

«На Новый 1797 год»

«На иноходце хватском,

Под белым покрывалом

Бореева кума

Катит в санях – Зима. Кати, кума драгая»

«Желание зимы»

Обращает на себя внимание адъективное образование «Бореева кума», в котором для прилагательного «бореев» в качестве мотивирующей основы выступает антропоним Борей. Можно считать, что это прилагательное относится к притяжательным прилагательным (кума чья? – Бореева). Образное выражение «Бореева кума» используется для создания яркого впечатление о природном явлении – зиме (Борей – образ ветра, холода, снега). В.В. Катермина подчеркивает: «...личное имя собственное – опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создается образ» [Катермина 2016: 138].

Для описания героев Державин использует не только мифоантропонимы, но и образы категории мифонимов. Так, для создания образа российской Пенелопы (имя героини поэмы Гомера «Одиссея»), жены князя С.Ф. Голицына, дожидавшейся мужа с Русско-турецкой войны,

от которого не было вестей с затянувшейся осады крепости Очакова, Державин использует поэтическое имя Пленира.

«Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом.
 Давно желанного ждет гласа,
 Когда ты к ней приедешь в дом»

«Осень во время осады Очакова»

Таким образом, представленные выше примеры свидетельствует о достаточно широком спектре интереса Г.Р. Державина к античной древности, к интеллектуальному и художественному наследию древнегреческой и римской мифологии. Державинские мифоантропонимы и теонимы индивидуализируются художественной семантикой и очеловечиваются в русской огласовке. Г.Р. Державин не использует только греческие или только римские мифологические персонажи. Его поэзия отражает свойственное поэту интегрирующее поэтическое мышление.

Обращает на себя внимание употребление имен собственных в форме множественного числа в значении имен нарицательных. В процессе апелляции семантика имени собственного утрачивается, поскольку имя собственное теряет идентифицирующую и дифференцирующую функции и приобретает обобщенный характер людей вообще, например:

«О *Кольберты* всех царств! коль в смертных исполины,
Густавы, Людвиги, Петры, Екатерины,
 Сиянье ваших дел мрачат в своих лучах:
 Потомство осветит и ваш по смерти прах»

«Эпистола И.И. Шувалову. На прибытие его из чужих
 краев в Санктпетербург 1777 года сентября 17 дня»

В поэтическом творчестве Державина присутствует взаимодействие категорий исторических и реальных личностей, мифологического содержания, фактов частной и общественной жизни, сочетание

монументальности и человеческой близости, которое отражается в контрастности и конкретности поэтического мышления. Это позволило Державину выразить индивидуальный полифоничный стиль с богатой образностью и оказать влияние на последующих русских писателей.

В лирических произведениях антропонимы участвуют в создании оппозиции «своё имя – чужое имя», что помогает выделить принадлежность или отчуждение тех или иных персонажей или культур.

В этом случае можно говорить об интерлингвистической функции поэтонимов, не представленной в научной литературе. Думается, что поэтическая функция языка (по Р.О. Якобсону) не учитывает функцию, которой обладает язык как система ономастических знаков, т.е. такой, как интерлингвистическая. Речь идет о взаимодействии языков, имеющих однонаправленный характер, как это наблюдается при использовании имен из греческой или римской мифологии, представленных в поэтическом творчестве Г.Р. Державина.

6.2. Имена славянских божеств как репрезентанты русского культурного и языкового наследия

Антропонимы в структуре художественного произведения Державина, выполняя функцию вторичного, ассоциативно-образного употребления, создают ментальные антропонимические образы, отражая дополнительную информацию для интерпретации понятия «русскости», о чем свидетельствует присутствие имен славянских божеств.

Следует заметить, что в державинской поэзии в количественном отношении имена славянских божеств значительно уступают античным.

К их числу относятся славянские бог ЛЕЛЬ, богиня ЛАДА (любви, плодородия и брака у древних славян).

«Сокровищ мне не надо:

Богат, коль *Лель* и *Лада*

Мне дружны, и *Услад*»²⁵

«Деревенская жизнь»

«Вам, красавицы молодые,

И супруге в дар моей

Песни *Леля* золотые

Подношу я в книжке сей»

«Приношением красавицам»

«Вдруг из окон *Лель* блестящих

Въехал на луче верхом

И меня, нашед меж спящих,

Тихо в бок толкнул крылом»

«Фалконетов Купидон»

Обратим внимание на слово УСЛАД, которое может пониматься как славянский бог веселья, удовольствия, блаженства и виноделия, чему способствуют однокоренные слова «сладкий», «усладить». Однако такого славянского божества не существует.

В случае замены антропонима мифонимом происходит экспрессивная семантическая деривация. Лирический персонаж, который поэтом обозначается мифонимом, в какой-то степени приобретает внешнее или внутреннее сходство с носителем антропонима.

В своем творчестве Г.Р. Державин использует образ древнеславянского бога-громовержца Перуна как символ грозной силы и могущества.

«*Перун* дробит бугры кремнисты

И пожигает влажный бор»

«На умеренность»

²⁵ Я.К. Грот указывает, что Г.Р. Державин так объяснял: *Лель* – это Амур, *Лада* – Венера, *Услад* – Бахус.

Образ Перуна является метафорой русской военной славы и защитника Родины, отражением национальной гордости, что отражает патриотическое содержание его поэзии.

«На шлеме у нее орел
Сидел с *перуном* помраченным,
В нем герб отчества он зрел»

...

«Что вокруг его *перун* молчит,
Его лишь мановенья зрит»

«Водопад»

Таким образом, славянские мифологические образы в контексте поэтики Державина отражают обычаи, культурные традиции, закреплённые в сознании русского человека, что придаёт лирическим произведениям поэта национальный колорит.

7.1. Модель ЧЕЛОВЕК ← библейские имена

Модель ЧЕЛОВЕК в контексте библейских имён – это концептуальная модель, в которой имена, встречающиеся в Библии, рассматриваются как носители особого смысла и символики.

До XX века неотъемлемой частью жизни русского человека была православная культура. Первый том своих сочинений Г.Р. Державин начинает знаменитой одой «Бог», стихотворение «Спасение души открывает второй том.

На протяжении всей своей жизни Державин обращался к размышлениям на духовно-религиозные темы и в своем творчестве использовал библейские имена.

В стихотворении «На новый 1797 год» небесный покровитель святой апостол Павел сопоставляется с императором Павлом I.

«Христова Церковь Павла в нем
 Избранный тот сосуд встречает,
 Который мир, любовь и свет,
 Все добродетели во нравы
 И жажду неземных славы
 В благочестивы души льет».

Библейские имена были использованы Г.Р. Державиным из Ветхого и Нового Заветов. Так, в стихотворении «На Мальтийский орден» появляется имя Голиаф (воин-великан в Ветхом Завете), которое служит метафорой и употребляется в духовном контексте, символизируя торжество справедливости и силы духа, добро и зло, слабости и силы, утверждается могущество праведного царя для раскрытия темы божественной помощи.

«Давид из пращи метет камень:
 Трясяся, Голиаф туманен
 Падет пред ним, как страшный холм».

Поэтический образ Голиафа в творчестве Г.Р. Державина тесно связан с богатырской темой, национальным патриотизмом и героизмом.

В одах «Бог» и «Христос» поэт развивает основные библейские мотивы, использует имена учителей православной церкви, к числу которых примыкает имя Христос, особенно в оде «Христос» как продолжение оды «Бог», созданной спустя тридцать лет.

Поэт задается вопросом: кто тот, кого в реке Иордан крестил Иоанн Креститель?

«Кто Ты, – вспять Иордан бежал
 Кого омыть с стремленьем шумным,
 В пустыне свет осиявал;
 Глас Агнцем проповедал чудным,
 Могущим всех грехи подъять.
 Таинственным страха всех слухом,

Что, не родясь водой и духом,
Небес не можно достигать»

ода «Бог»

Г.Р. Державин использует библейское имя Адам, образ которого представлен поэтом как человек, который вознёсся до небес, что символизирует духовное возвышение над будничным состоянием. Поэт преобразует библейский образ Адама в символ человека, способного преодолеть падение. Иными словами, поэт попользовал библейские образы как мощные художественные средства для выражения философских, нравственных и гражданских идей, а не только как религиозные символы.

*«Адам пусть волею пал злою;
Но взнесся плотью он святою
В Христе превыше всех небес»*

...

*«На свет Им трисвятый зреть снова
Адам сподобиться возмог»*

ода «Христос»

В этой оде поэт использует образ мудрого и сильного правителя, достойного подражания – Иисуса Навина.

*«Бег солнца Навин воспрещает,
Труб гласом грады сокрушает»*

В оде «Водопад» упоминается библейский патриарх Мафусаил, который, согласно Библии, был самым долгоживущим человеком.

*«Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век»*

«Водопад»

В стихотворении «Похвала сельской жизни» описывается подготовка к церковному празднику Петров день.

«А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный»

Религиозный мотив Петрова дня подчеркивает важность религиозных ценностей в жизни человека и общества.

Творческое наследие Г.Р. Державина позволяет говорить о том, что поэт был духовно связан с православной культурой своего времени. В стихотворениях «Вельможа», «Властителям и судьям», «На коварство» отражаются православные мотивы, в которых поэт говорит о духовных и светских законах, придавая особое значение исполнению религиозных заповедей. Тесную связь поэта с христианской и библейской традицией отражает его личное имя Гавриил (Архангел Гавриил).

Творчество Г.Р. Державина пронизано православной духовностью, что характеризует его значимым православным поэтом XVIII века.

8.1. Семейный антропоним Державин в ономапоэтическом пространстве

Весьма важно обратиться к такому понятию, как «антропонимическая самопрезентация», под которым нами понимается соотнесение образа лирического героя с именем автора произведения, и восприятие этого имени и его носителя в тексте лирического стихотворения как самого себя.

Как известно, Екатерина II, высоко оценившая поэтические достоинства Г.Р. Державина и особенно его оду «Фелица (её полное название «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка»)), подарила ему золотую табакерку с красноречивой надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину»).

В этой надписи словосочетание «мурза Державин» было использовано вовсе не случайно. Так сам себя назвал поэт, указав в подзаголовке оды свое «ордынское» происхождение – татар: «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою...».

Прилагательное «татарский» содержит корень -татар-. По всей вероятности, слово «татар» восходит к слову ТАТ с прибавлением суффикса -АР-, о чем свидетельствует самоназвание народа *таты*. Еще с периода Средневековья этноним *таты* применялся для ираноязычных народов, для персов, а также для представителей многих тюркских народов. Кочевые тюркские племена, пришедшие из Южной Сибири и Центральной Азии, тесно контактировали с ираноязычными племенами²⁶..

Г.Р. Державин жизнью и творчеством был тесно связан с Казанским краем. Родился в селе Сокуры недалеко от Казани, которое было основано в период Казанского ханства, в Казани учился в первой мужской гимназии. Поэт любил город своей юности.

«Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!»

«Арфа»

В произведениях «На маскарад, бывшей перед императрицей в Казани» «На шествие императрицы в Казань» нашли отражение казанские мотивы. Упоминания Казани в названиях произведений отражают исторический факт пребывания Екатерины II в этом городе, в честь её приезда был организован маскарад (праздник).

²⁶ <https://travelask.ru/articles/taty-persy-sredi-azerbaydzhantsev>

Исторические документы свидетельствуют о том, что поэт Державин был реальным потомком татарского мурзы Абрагима, в роду которого мальчик имел прозвищное имя Держава, от него и пошел род Державиных.

В Словаре В.И. Даля в словарной статье «Держать» приводится существительное «держава», восходящее к слову «держа» в значении «крепость, сила, прочность, твёрдая связь, надёжность в скрепе»; «владычество, могущество»; «земля, государство, самостоятельное владенье, народ и правительство его» [Даль Т. I: 431]. Одно из этих значений легло в основу прозвищной фамилии Державин.

В этой же словарной статье В.И. Даль приводит начало сказки «Жил-был татарский державец, владетель, хан, султан». Сказку с таким началом мы не обнаружили в числе классически закреплённых сюжетов в известных фольклорных сборниках, таких, как сборник А.Н. Афанасьева или в других основных русских народных сказках.

Б.О. Унбегаун при рассмотрении искусственных фамилий приводит пример практики наименования церковнослужителям, когда им искусственно присваивались фамилии, которые получили название «семинарские фамилии» (практика такого наименования сформировалась в XVIII веке и продолжалась около двух столетий). Б.О. Унбегаун приводит отрывок из стихотворения Г.Р. Державина «Привратник», «поводом для которого послужило то обстоятельство, что у поэта оказался однофамилец священник И.С. Державин; в стихотворении подчеркивается разница в происхождении их фамилий» [Унбегаун 1989: 363].

Стихотворение построено на антитезе, доказывающей, что Державин принадлежит к русскому дворянскому роду, ведущему своё происхождение от татарского мурзы, прибывшего из Большой Орды, что он имеет

«ордынское» происхождение: «Державин род с потопа влекся», «Мой дед мурза», ««Державу с митрой различай», «В моем звезда рукой держима!»²⁷

В тексте оды «Фелица» словосочетание «мурза Державин» выступает как лирическое «Я», наделённое автобиографическим показателем, т.е. служит для самопрезентации поэта, которую можно определить как публичное самовыражение.

Слово «мурза» поэт использует в трёх значениях:

1) в собирательном значении: группа придворных и аристократов, близких к Екатерине II, к числу которых относятся П.А. Вяземский, Л.В. Нарышкин А.Г. Орлов, П.И. Панин, Г.А. Потемкин, о чем свидетельствует форма множественного числа слова «мурза»:

«Мурзам твоим не подражая,

Почасту ходишь ты пешком»

2) титул знати в татарских государствах в XV в.;

3) конкретная личность поэта, который знает, кем были его предки.

Весьма важен тот факт, что апеллятивно-антропонимическое единство «мурза Державин» отражает концептуальное смысловое значение, которое даёт представление о национальной и творческой самоидентификации поэта.

Г.Р. Державин использует заголовок и подзаголовок оды как единый заголовочный комплекс, в котором доминантным словом является слово «мурза», ориентированное на читательское предпонимание содержания стихотворного текста. Апеллятивно-антропонимическое единство «татарский мурза» коррелирует с фамильным антропонимом Державин и активизирует восприятие у читателей образа автора как конкретного человека.

²⁷ См. описание «Герб рода Державиных», где сказано: «(потомство Алексея Державы Нарбекова, внука Мурзы Абрагима, выехавшего из Большой Орды» // <https://gerbovnik.ru/arms/638.html>

Мурза – это сложный лирический субъект, который отражает лирическое «Я», воплощает авторскую позицию и самоидентификацию в контексте высокого поэтического служения, позволяя автору одновременно дистанцироваться и глубоко раскрыться.

Лексема «мурза» неоднократно встречается в оде «Видение мурзы», где поэт изображает себя в образе мурзы (татарского князя) и показывает себя верным советником и подданным Екатерине II.

«*Мурза!* – она вещала мне, –
Ты быть себя счастливым чаешь ...»

...

«Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царица!
И ты к *мурзе* чтоб своему
Была сурова столь и гневна...»

...

«С тобой *мурза* твой говорит»

...

«Вострепещи, *мурза* несчастный!
И страшны истины внемли»

...

«Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу»

В оде «Видение мурзы» Державин использует образ мурзы, чтобы с иронично выразить свои мысли и чувства. Мурза в этом тексте представлен как представитель дворянства с его недостатками: глупостью, развратностью, бездельем. При этом мурза – это и критика самого себя, самоанализ и самоосуждение.

Стихотворение «На разлуку» заканчивается шутливой строкой «И почеши Мурзе усы». Думается, что под «мурзой» автор подразумевает себя

(так позволяет считать упоминание в стихотворении о коте, что это был не кот по кличке Мурза).

«Когда ж назад ты возвратишься,
Весельем мой наполнишь дом?
Иль с арфою навек простишься,
С Мурзой, Милордом и котом?»

Таким образом, использование восточного мотива и языковой игры с титулом «мурза» является одновременно и поэтическим приемом, и авторской самопрезентацией. Это особого рода коммуникативная тактика поэта, позволяющая репрезентировать ему самого себя.

Г.Р. Державин – это человек, стоящий между двумя мирами, который смешивает традиции Запада и Востока и подчеркивает «русский народный дух».

9.1. Антропоним Державин → меморативный урбаноним Державин

В начале XIX века в России начал формироваться меморативный принцип номинации городских объектов, который стал главенствующим принципом номинации адресных линейных объектов (улицы, бульвары, переулки, площади и т.п.), по которым осуществляется транспортное или пешеходное движение.

Меморативный урбаноним, или меморатив, – это название, «данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» (по Н.В. Подольской), или урбанонимы-посвящения.

Обратим внимание на тот факт, что в число реальных национально-культурных традиций русской топонимии изначально мемориальная топонимия не входила. Со временем практика номинации таких линейных городских объектов, как урбанонимы-посвящения с целью увековечить память какого-либо известного лица прочно закрепилась.

Считается, что к первым меморативным названиям относятся агороним – площадь Карамзинская (1845.) в Симбирске (ныне Ульяновск) и урбаноним – улица Пушкинская, (1881) в Санкт-Петербурге [Разумов 2022: 207].

Значимость творчества русского поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина настолько велика, что его имя нашло отражение в многочисленных наименованиях адресных линейных объектов в основных городах России, см. Таблица 6.

Таблица 6.

Антропоним *Державин*, маркирующий адресные
линейные объекты в основных городах России

Название города	Название городского линейного объекта	Время наименования
Абакан	ул. Державина	точных данных нет, возможно существует с 1931 г., когда село Усть-Абаканское получило статус города.
Великий Новгород	ул. Державина	1970
Владивосток	ул. Державина	1907
Воронеж	ул. Державина	1946
Иркутск	ул. Державина	1992 (?)
Казань	ул. Гавриила Державина	2015
Калининград	ул. Державина (ранее Фруктовая, еще ранее улица Фрёгенауервег	1946
Комсомольск-на-Амуре	ул. Державина	точных данных нет, видимо, в середине XX века
Куйбышев (Самара)	ул. Державина	1867 (?)
Нижний Новгород	ул. Державина	1948
Новокузнецк	проезд Державина	1943(?)
Новосибирск	тупик Державина	1933 (?)

	ул. Державина	1908
Оренбург	ул. Державина	1965
Петрозаводск	ул. Державина	1949
Пушкино	ул. Державинская	1946
Пушкин	ул. Державинская	2015
Ростов-на-Дону	Державинский переулок	1795
Санкт-Петербург	Державинский переулок	1979
Саратов	ул. Державинская	1988-1992
Тамбов	ул. Державинская	1916, ранее ул. Бибикова
Тамбовская обл. г. Рассказово	ул. Державина	точных данных нет
Тамбовская обл. г. Жердевка	переулок Державина	точных данных нет
Ульяновск	переулок Державина	точной даты нет, видимо, начало XX века

Как показывает Таблица 6, Казань – единственный город, в котором улица названа в честь великого русского поэта по его имени и фамилии – улица *Гавриила Державина*. В остальных случаях названием линейного городского объекта служит адъективная форма, восходящая к антропониму, Державин (Державинская улица). Адъективные антроурбанонимы значительно уступают генетивным номинациям, представленным антропонимом Державин в форме родительного падежа.

Актуализация значения адъективных антроурбанонимических единиц соотносится с конкретным адресным линейным объектом и отражает род географического термина, называющим тип объекта: *Державинская улица* и *Державинский переулок*. Генетивные образования сохраняют строгую форму родительного падежа антропонима (*проезд Державина, улица Державина*). В ряде случаев адъективные и генетивные образования совпадают: *переулок Державина, Державинский переулок, улица Державинская* и *улица Державина*.

Существование меморатива вместе с географическим названием кодирует важную информацию о восприятии человеком окружающей

действительности, объективируя её системой адресной ориентации человека в пределах города: *тупик Державина, переулок Державина, улица Державина*.

Обращение к антропонимам в когнитивном осмыслении позволяет рассматривать их в аспекте концептуальной интеграции, восходящей к теории ментальных пространств Ж. Факонье и М. Тернера, согласно которой элемент пространства концептуально-тематической группы ЧЕЛОВЕК соединяется с элементом другого пространства – концептуально-тематической областью МЕСТО.

В этом случае происходит определённая корреляция между концептуальными и языковыми областями знания, высвечивая знания о выдающейся русской личности Г.Р. Державина, прославившегося поэтической и государственной деятельностью.

Меморативы-посвящения с антропонимом Державин выполняют важную культуру-сохраняющую и просветительскую функции, обеспечивая связь между прошлым и настоящим через ономастику.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ поэтических произведений Г.Р. Державина показал, что антропонимы Державина отражают особый лингвистический приём для создания яркой ассоциативно-коннотативной семантики антропонимических единиц, реализующих в поэтическом тексте особое, коммуникативно-функциональное образное и оценочное значение. С помощью антропонимов поэт создал яркие метафоры, аллюзии и ассоциации, усиливающие эмоциональное и смысловое наполнение текста.

Одна из составляющих самобытности идиостиля Г.Р. Державина состоит в том, что поэт представляет реальную действительность Екатерининской эпохи: именные и фамильные антропонимы исторических

и государственных деятелей, ближнего круга, названия важнейших событий великий русский поэт воссоздает в своих произведениях через ономастику.

Когнитивно значимая базовая антропонимическая информация, представлена наиболее частотными мужскими историческими антропонимами, наряду с женским именем Екатерина, которые формируют основной поэтический державинский именнослов.

В поэтическом творчестве Г.Р. Державина имена собственные обретают новое концептуальное содержание по нескольким причинам:

- реальные именные и фамильные антропонимы, античные и славянские мифонимы, псевдонимы и прозвища создают яркие образы, которые несут определённую эстетическую и художественную систему смыслов и образности;

- использование имен собственных в качестве поэтических антропонимических единиц как аллегорических уподоблений, метафор, сравнений служит для создания гармонии с общим стилем стихотворения, для отражения идеи художественного произведения и замысла автора.

Традиции русского классицизма XVIII века требовали включения в поэтические тексты имен древнегреческих и римских персонажей. Обращение к античности служило способом выразить авторские идеи через связи с древними образцами, которые Державин «перерабатывал» в русской культурной традиции.

Наряду с мифологическими именами, поэт использовал исторические имена, которые служили символами моральных и художественных идеалов, что помогало поэту отразить смысловые параллели к эпохе и героям античного мира, на который ориентировался классицизм. Традиция торжественной похвальной оды диктовала имена императоров и императриц (Екатерина, Павел, Пётр), также имена героев русской воинской славы (Потёмкин, Румянцев, Суворов).

Державин активно использовал библейские имена и образы, особенно из Ветхого Завета (выделяется имя царя Давида), ключевым образом является Бог и Христос, что отражается в его одах «Бог» и «Христос».

Русские антропонимы Г.Р. Державина, представленные простыми именами семейного и дружеского окружения (Даша, Лиза, Катя), отражают активное развитие державинской гражданской лирики.

Поэтически маркированные имена Фелица, используемое в торжественной поэзии, Пленира и Милена, служившие для отражения личных чувств, окказионализм Речемысл, отражающий философские и нравственные размышления в поэзии, используются с целью точнее охарактеризовать человека и создать поэтический образ в текстовой картине мира, что отражает идею о неразрывной связи между словом, мыслью и поэтическим сознанием.

Гипокористические формы женских имен, характерные для личных имён, образуются за счёт сокращения полной формы имени (Елизавета – Лиза, Людмила – Люсинька) и аффиксации (Дашенька, Любушка, Варюша), отражающих уменьшительно-ласкательный оттенок.

Присутствие антрополексем в тексте художественных произведений позволяют говорить о том, что сфера поэтической речи оказывается информационнее, являя собой высшую сферу коммуникации, нацеленной на реализацию эстетической функции антропонимов, создающих дополнительную семантическую ауру имени лирического героя и проясняющих текстовую специфику.

Антропонимическое поэтическое наследие Г.Р. Державина ярко отражает антропонимический облик екатерининской эпохи и воссоздаёт реальную действительность, панорамно представляет место имён собственных в языковом сознании в период русского XVIII века.

Обращение к урбанонимам в когнитивном осмыслении позволяет рассматривать их в аспекте концептуальной интеграции, согласно которой элемент пространства концептуально-тематической группы ЧЕЛОВЕК соединяется с элементом пространства концептуально-тематической областью МЕСТО, репрезентируемой антропонимом Державин.

Апеллятивно-антропонимическое единство «мурза Державин» выступает как лирическое «Я». Наделенное автобиографическим показателем, оно служит для публичной самопрезентации поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование поэтического антропонимикона уникальной личности поэта-государственника Г.Р. Державина, создавшего такие знаменитые произведения, как «Памятник», «Фелица», «Властителям и судиям», «Вельможа», «Бог», «Христос», «На тленность» («Река времен...»), «Евгению. Жизнь Званская», показало, что антропонимы отражают своеобразие русской словесности XVIII века, эпохи становления Русской Империи, и выполняют целый ряд функций, связанных с отражением ономастических знаний.

В структуре поэтического текста антропонимы являются отраженной формой творческого мышления Г.Р. Державина. В его стихотворениях присутствует масштабность, активность и функциональность антропонимических единиц, с помощью которых поэт проявил идиостиль и представил антропонимический дискурс XVIII столетия как этическую категорию.

Использование антропонимов, связанных с реальной историей и государственными деятелями, позволило Державину как «летописцу русской славы» сформировать особую гражданскую поэзию, связанную с именами исторических лиц, таких, как Екатерина II, Петр I, Г.А. Потёмкин, А.В. Суворов и других.

Имена собственные в поэтических произведениях Г.Р. Державина в большинстве своем представляют фамильные антропонимы, свидетельствующие о появлении широкого спектра метафорических и метонимических средств. Григорий Александрович Потёмкин – русский Марс, Решемысл; Сергей Фёдорович Голицын – русский Ахиллес; Александр Васильевич Суворов – Росс; Екатерина II – Фелица.

Система поэтических антропонимов семантически и функционально отличается от общеязыковой системы антропонимических единиц.

Оппозиции поэтический оним» – реальный оним», «скрытая (глубинная) образность – «явная образность», «собственно образные онимы» – «нейтрально образные онимы» свидетельствуют о том, что в сфере поэтического языка антропонимы имеют бОльшую информационную значимость.

Когнитивный подход к системе поэтических антропонимов позволил сосредоточить внимание на репрезентации антропонимических знаний, отраженных в конкретном и обобщенном именовании того или иного лирического персонажа.

Антропонимы в художественно-литературной речи являют собой разновидность онимов – антропоэтонимов, которые формируют антропонимическое знание в рамках частной когнитивной матрицы «Человек».

Структура частной матрицы «Человек», обращённая к определенным областям конкретного ономастического знания, допускает возможность однозначного понимания онима в пределах одного когнитивного контекста. Компонентами частной матрицы «Человек» выступают такие концептуально тематические области, как «Имя, «Патроним» (отчество), «Фамилия», «Прозвище», «Псевдоним», Место», в рамках которых проявляется значимость именованной личности.

В поэтических текстах Г.Р. Державина ярко проявляется прототипическая функция антропонимов – имена конкретных людей и личностей символизируют реальные события, связанные с ними, что усиливает восприятие исторического масштаба описываемых лиц.

Для исследования особенностей функционирования антропонимов и их реализации в поэтическом тексте успешно реализуется метод когнитивной матрицы, который даёт возможность осмыслить структуру антропонимического знания.

Поэтический антропонимикон Г.Р. Державина отразил новаторство русской поэзии, наметил особый путь в поэзии – переход к авторской, подлинно автобиографической поэзии. Антропонимы Пленира и Милена, сочетание «мурза Державин» отражают бытовые и исторические подробности.

Перспективным представляется создание учебного словаря «Антропонимы в поэтическом творчестве Г.Р. Державина», что имеет особое значение для китайских студентов, изучающих русский язык на территории Тамбовской области, в рамках дисциплин «Лингвокультурология» и «Страноведение».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдошенко, Е.В.* Державин в Тамбове: поэт и губернатор // Творчество Г.Р. Державина: Материалы юбилейной Междунар. науч. конф. 14–16 сент., 1993. – Тамбов, 1993. – С. 8-10.
2. *Аверинцев, С.С.* Поэзия Державина // Из истории русской культуры. –М: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. IV: XVIII – начало XIX в.
3. *Алпатов, В.В.* Когнитивная лингвистика и философия имени А.Ф. Лосева: возможности взаимодействия / В.В. Алпатов // Материалы межд. науч. конф. «МГПУ в московском и российском образовательном пространстве»: в 2-х вып. – М.: МГПУ, 2007. Вып. II. – С. 272-279.
4. *Алпатов, В.В.* Когнитивная ономастика: некоторые итоги и перспективы / В.В. Алпатов, О.В. Чукарькова, С.В. Мичугина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – Вып. 3. – С. 42-58.
5. *Алтабаева, Е.В.* Поэтика философской лирики Г.Р. Державина / Е.В. Алтабаева // Культура русской провинции. Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края / под общ. ред. Л.В. Поляковой. – Тамбов, 1999. Вып. III. – С. 11-16.
6. *Анна Варда* Образ Екатерины II в стихотворении Г.Р. Державина «Изображение Фелицы» / Анна Варда // Вестник Псковского государственного университет. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2019. – № 9. – С. 82-91.
7. Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века: коллектив монография / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – 584 с.
8. *Бабенко, Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва: Флинта, 2003. – 496 с.

9. *Бабина, Л.В.* Когнитивные основания производных слов, образованных от имен собственных / Л.В. Бабина, И.В. Бочкарева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №3. – С. 56-64.
10. *Бабушкин, А.П.* Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов / А.П. Бабушкин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4 (021). – С. 66-69.
11. *Багана, Ж.* Ономастика и культура: социальный аспект значения ономаксемы / Ж. Багана, А.Н. Лангнер // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 81-84 с.
12. *Бакиров, Р.А.* «Цифровой Державин» в свете срединной культуры / Р.А. Бакиров // Г.Р. Державин и диалектика культур: сб. мат-ов Международной научной конференции / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. –Казань: Изд-во Казанского университета, 2024. – С. 152-160.
13. *Баркова, М.Ю.* К содержательным характеристикам литературной ономастики / М.Ю. Баркова // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. – 2024. – № 3. – С. 4-15.
14. *Баршт, К.А.* Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» / К.А. Баршт // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 4. –С. 25-36.
15. *Бельская, А.А.* Поэтоним «Параша» у А.С. Пушкина и И.С. Тургенева / А.А. Бельская // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 147-152.
16. *Беляева, М.Ю.* Система и системность в ономастике: постановка проблемы/ М.Ю. Беляева // Культурная жизнь юга России. – 2009. – № 4(33). – С. 112-114.
17. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальная снова языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке:

коллективная монография / Гл. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 25-78.

18. *Болдырев, Н.Н.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 2006а. – № 3. – С. 3-13.

19. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2021. – 235 с.

20. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5-14.

21. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10-20.

22. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 5-25.

23. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18-36.

24. *Болдырев, Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (013). – С.17-27.

25. *Болдырев, Н.Н.* Теоретические и методологические основы изучения вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1 (48). – С. 19-79.

26. *Болдырев, Н.Н.* Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. №2 (008). – С. 5-22.

27. Бунеева, Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А. Есенина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бунеева Елена Васильевна. – Воронеж, 2011. – 163 с.

28. Васильева, Н.В. Summa Onomasticae: рец. на книгу: *Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst* / A. Brendler, S. Brendler (Hrsg.). Hamburg: Baar, 2004. 1024 s. / Н.В. Васильева // Вопросы Ономастики. – 2005. – № 2. – С. 183-186.

29. Васильева, Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы: рец. на кн. *Cognitive Onomastics: A Reader* / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baar. – 2016. – 204 p. / Н.В. Васильева // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14(3). – С. 210-221.

30. Васильева, Н.В. Метаязык литературной ономастики в лексикографическом представлении / Н.В. Васильева. Москва, Институт языкознания РАН. – 2022. – С. 63.

31. Васильева, Н.В. О терминологических границах литературной ономастики / Н.В. Васильева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2020. – № 2 (13). – С. 44-55.

32. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. М.: Книжный дом «Либроком», изд. 2-е, испр. – 2009. – 224 с.

33. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Наука, 1996. – 465 с.

34. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: АСТ, 2009. – 201 с.

35. Виноградова, Н.В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Виноградова Наталья Васильевна. – Тверь, 2001. – 213 с.

36. Винокуров, Б.З. Тамбовские научные школы. Опыт исторического изучения // Наука и власть: Научные школы и

профессиональные общества в историческом измерении. Мат-лы науч. конференции. М.: Ин-т всеобщей истории РАН., Общ-во интеллектуальной истории. 2002. С. 99-100.

37. *Воронова, И.Б.* Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX-XX вв.): дис. ... к. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 226 с.

38. Г.Р. Державин и диалектика культур: сб. мат-ов Международной научной конференции (Казань, 5-7 ноября 2024 г.) / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2024. – 238 с.

39. Г.Р. Державин и его время: сб. научн. статей / под ред. Н.П. Морозовой. – СПб: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2016. – Вып. 12. – 176 с.

40. *Гачев, Г.Д.* Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2008. – 544 с.

41. *Го Цзюаньцзюань* Омонимия имен собственных и нарицательных в когнитивном аспекте / Го Цзюаньцзюань // Когнитивные исследования языка / гл. ред Н.Н. Болдырев. – Москва: Флинта, 2024. Вып. 5 (61). – С. 165-168.

42. *Го, Ц.* Информативность державинских онимов в русистическом познании / Го Цзюаньцзюань // Ономастика Поволжья: мат-лы XXII Международной научной конференции. – Саратов: Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. – С. 386-389.

43. *Го, Цзюаньцзюань* Фольклоризованность стихотворения Г.Р. Державина «Пчёлка» // Terra scimus. Коллекция мат-ов Междунар. научного симпозиума. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. – С. 109-111.

44. *Голев, Н.Д.* О формах концептуализации имен собственных и способах ее измерения / Н.Д. Голев // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Т. 1. Екатеринбург: УрФУ. 2012. С. 85-87.

45. *Гончарова, О.М.* Г.Р. Державин в русской радикальной критике XIX века / О.М. Гончарова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. № 4-1. – С. 121-134.

46. *Горбаневский, М.В.* В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. М.: Знание, 1989. 206 с.

47. *Горбаневский, М.В.* О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов / М.В. Горбаневский, В.О. Максимов // Ономастика Поволжья: материалы X Междунар. конф. (г. Уфа, 12-14 сентября 2006 г.) / отв. ред. Е. А. Яковлева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 37-44.

48. *Горбаневский, М.В.* Ономастика в художественной литературе: ономастические этюды / М.В. Горбаневский. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 87 с.

49. *Горбаневский, М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М.В. Горбаневский. М.: Общество любителей российской словесности, 1996. 304 с.

50. *Гридина, Т. А.* Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2008. –166 с.

51. *Грот, Я.К.* Жизнь Державина / Я.К. Грот. – М.: «Алгоритм», Серия «Гений в искусстве», 1997. – 690 с.

52. *Гуковский, Г.А.* Литературное наследство Г.Р. Державина / Г.А. Гуковский // Литературное наследство. XVIII век. – М.: Жур.-газ. объединение, 1933. – Т. 9 –10. – С. 369-396.

53. *Гуковский, Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. ст. В. М. Живова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 352 с. – (Studia philologica. Sériés minor).

54. Гуськова, С.В. История опубликования первого сборника произведений Г.Р. Державина / С.В. Гуськова // Филологическая регионалистика. – 2013. – № 1(9). – С. 30-32.

55. Гуськова, Ю.В. Имманентный и контекстуальный подходы к литературному произведению (к истории вопроса) / Ю.В. Гуськова // Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1(2). – С. 67-73.

56. Демьянков, В.З. Когнитивные техники трансфера знаний / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2015. – Вып. 23. – С. 29-32.

57. Денисов, Ю.Н. Оппозиция *смерть* и *вечность* в поэзии Г.Р. Державина / Ю.Н. Денисов // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина: коллектив. монография / научн. ред. Н.Л. Потанина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 58-68.

58. Державин и его время: сб. научных статей. / под. ред. Д.П. Морозовой. – СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2015. – Вып. 10. – 192 с.

59. Довгий, О.Л. Пленира / О.Л. Довгий // Русская речь. – 2015. – № 5. – С. 104-109.

60. Довгий, О.Л. Прасковья – Параша / О.Л. Довгий // Русская речь. – 2017. – № 2. – С. 107-114.

61. Дубровина, С.Ю. Имена и фамилии в произведениях Салтыкова-Щедрина / С.Ю. Дубровина, А.Н. Бухтиярова // Державинские чтения. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – 100 с.

62. Дьячков, А.А. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: стихотворения-«памятники» в русской поэзии // Церковь. Богословие. История. – 2024. – № 5. – С. 320–343.

63. *Екуч, У.* Имя Потемкин в одах В. Петрова и Г. Державина / У. Екуч // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 254-266.
64. *Ермолович, Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
65. *Желтова, Н.Ю.* Державин и Серебряный век / Н.Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. 2013. № 1(9). С. 23-29.
66. *Желтова, Н.Ю.* Новые традиции в сохранении региональной культуры: год Державина в Тамбове / Н.Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. – 2013. – № 1(9). – С. 78-82.
67. *Западов, В.А.* Комментарий. Державин. Стихотворения. На смерть графини Румянцевой // Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957.
68. *Зинин, С.И.* Парадигматика и синтагматика собственных имен в художественном тексте / С.И. Зинин // Структура и функционирование единиц русского языка: сб. науч. тр. – Ташкент: ТашГУ, 1986. – С. 108-112.
69. *Зиннатуллина, Г.Х.* Место поэтической ономастики в современном языкознании / Г.Х. Зиннатуллина // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13. – № 6-1. – С. 397-403.
70. *Иванова, О.В.* Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Ольга Викторовна. – Смоленск, 2009. – 287 с.
71. *Иванова, Т.Д.* Новаторство в поэзии Г.Р. Державина / Т.Д. Иванова // Г.Р. Державин и диалектика культур: сб. мат-ов Международной научной конференции / под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2024. – С. 209-212.

72. *Иваньо, А.* Эстетическая концепция А. Потебни / А. Иваньо, А. Колодная // А.А. Потебня. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 9-31.

73. *Кадымова, Д.Р.* Отражение ономакультурологических знаний в произведениях Алишера Навои / Д.Р. Кадымова // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 869-874.

74. *Калинкин, В.М.* Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла // Культура в фокусе научных парадигм. – 2018. – № 6. – С. 66-71.

75. *Калинкин, В.М.* Генезис и эволюция имени (из цикла «филолософемы дилетанта») / В.М. Калинкин // Ономастика Поволжья / ред. кол.: Н.И. Данилина, В.И. Супрун; Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Саратов: Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. – 407 с.

76. *Калинкин, В.М.* Знакомьтесь: поэтонимология / В.М. Калинкин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3. – № 1. (9). – С. 10-18.

77. *Калинкин, В.М.* Знакомьтесь: поэтонимология / В.М. Калинкин // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Филологические науки и культурология». – 2016. – Т. 2. – Вып. 4 (8). – С. 18-27.

78. *Калинкин, В.М.* О мыслях, «изречённых» поэтонимами (из философических опытов дилетанта) / В.М. Калинкин // Ономастика Поволжья: материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. И.Н. Хрусталёва, В.И. Супруна. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. – С. 322-326.

79. *Калинкин, В.М.* От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинкин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81-88.

80. *Калинкин, В.М.* Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки / В.М. Калинкин // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 96-101.

81. *Калинкин, В.М.* Поэтонимосфера: поиски новых путей в теории литературной ономастики / В.М. Калинкин // Ономастика Поволжья. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 38-41.

82. *Каменская, Н.В.* Переложения Горация в творчестве Г.Р. Державина / Н.В. Каменская // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина: коллектив. монография / научн. ред. Н.Л. Потанина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 199-205.

83. *Кан, С.* Когнитивная метафора в ономастическом пространстве художественного текста при переводе / С. Кан // Русистика без границ. – 2020. – № 1. – С. 90-100.

84. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – С. 216.

85. *Карпенко, Ю.А.* Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34-40.

86. *Ковалев, Г.Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Изд.-полигр. центр «Новая книга», 2014. – С. 3-27.

87. *Ковалев, Г.Ф.* О терминологии литературной ономастики / Г.Ф. Ковалев // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 34. К 200-летию со дня рождения А.С. Тургенева и к 75-летию профессора Г. Ф. Ковалева / гл. ред. Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 192-202.

88. *Ковалев, Г.Ф.* Писатель. Имя. Текст / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 340.

89. *Ковалев, Г.Ф.* Пушкин. Ономастический комментарий / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – 346 с.

90. *Копач, О.И.* Ориентиры когнитивного подхода в исследовании топонимов / О.И. Копач // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научных статей / науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2016. – С. 23-27.

91. *Кортунова, Е.В.* Экспериментальное исследование восприятия имени собственного в тексте / Е.В. Кортунова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: мат-лы Междунар. шк.-семинара (VII Березинские чтения). – М., 2011. – Вып. 18. – С. 144-149.

92. Кредо: Спец. вып. к 250-летию Г.Р. Державина. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – № 7-8.

93. *Крылова, А.Г.* Онимы и их роль в создании экспрессивности художественной прозы Ю.В. Буйды: дис. ... к.филол. наук. – Москва, 2020. – 182 с.

94. *Крюкова, И.В.* Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект / И.В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 10. – С. 261-266.

95. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

96. *Курс, К.Ю.* Имена собственные в поэзии М.В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ: дис. ... к. филол. наук. – Смоленск, 2013. – 217 с.

97. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

98. *Ларкович, Д.В.* Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография / Д.В. Ларкович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 344 с.

99. *Ларкович, Д.В.* Типы адресации лирического высказывания Г.Р. Державина // Текст. Книга. Книгоиздание. –2024. – № 34. – С. 6-21.
100. *Ларкович, Д.В.* Феномен авторского сознания Г.Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Ларкович Дмитрий Владимирович. – Екатеринбург, 2012. – 45 с.
101. *Липатова, Е.В.* Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте / Е.В. Липатова // Неофилология. – 2024. – № 10(1). – С. 67-76.
102. *Локк, Дж.* Сочинения: в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. –М.: Мысль, 1985. Книги 1, 2, 3. – 623 с.
103. *Лоншакова, А.М.* Имя Державина в топонимике России / А.М. Лоншакова // Г.Р. Державин и его время: сб. научных статей / под ред. Н.П. Морозовой. – Санкт-Петербург: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2023. Вып. 17. – 248 с.
104. *Лосев, А.Ф.* Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск, ун-та. 1990. – 269 с.
105. *Лызлова, А.С.* Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции / А.С. Лызлова // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Том 17. – № 1. – С. 26-42.
106. *Лю Ядин* Внедрение типологии в литературоведение: сравнительное изучение стихотворений о природе китайского поэта Юань Мэя и русского поэта Г.Р. Державина // Проблемы литератур Дальнего Востока: труды X международной научной конференции / отв. ред. А.А. Родионов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. – 538 с.
107. *Магазаник, Э.Б.* Имена собственные в художественной литературе / Э.Б. Магазаник // Русская речь. 1968. №3. С. 24.
108. *Магазаник, Э.Б.* Ономастика или «говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: ФАН УЗССР, 1978. –146 с.

109. *Магазаник, Э.Б.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Магазаник Эммануил Борисович. – Самарканд, 1967. – 26 с.

110. *Мадиева, Г.Б.* Теоретические основы ономастики / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. – Алматы-Волгоград: Изд-во «Арысь», 2011. – 280 с.

111. *Маслова, И.Б.* Ономастические процессы в пространстве художественного текста (к вопросу о семантике поэтонима) / И.Б. Маслова // Ономастика Поволжья: тезисы докладов IX международной конференции. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 97-99.

112. *Матвеев, А.К.* Эволюционные процессы в ономастике / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2008. – № 6. – С. 130-136.

113. *Матвеев, Е.М.* Антропонимы в русской торжественной оде XVIII века // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 103-160.

114. *Михайлов, В.Н.* Специфика собственных имен в художественном тексте / В.Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – №6. – С. 78-82.

115. *Намитокова, Р* В мире имен собственных / Р.Ю. Намитокова, И.В. Нефляшева. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – 292 с.

116. *Некрасов, С.М.* Пленира и Милена в экспозиционном пространстве Музея-усадьбы Г.Р. Державина / С.М. Некрасов// Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 12 / под. ред. Н.П. Морозовой. – СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2016. – 176 с.

117. *Никитина, Н.В.* Ономастическое пространство поэзии А.Т. Твардовского: дис. ... канд.. филол. наук: 10.02.01 / Никитина Наталья Викторовна. – Смоленск, 2006. – 226 с.

118. *Никонов, В.А.* Имена персонажей / В.А. Никонов // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова / Редкол.: М.П. Алексеев (отв. ред.), П.Н. Берков, А.С. Бушмин, Д.С. Лихачев, В. И. Малышев. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971. – 460 с.

119. *Никонов, В.А.* Семантика русских фамилий. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

120. *Норман, Б.Ю.* Отчество как один из символов русской культуры / Б.Ю. Норман, Н. Райхонова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 323-336.

121. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Наука, 1976. – 178 с.

122. *Полякова, Л.В.* Г.Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества / Л.В. Полякова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 7 (63). – С. 16-24.

123. *Пономарева, М.В.* «Души половина»: стихотворения Г.Р. Державина к Екатерине Яковлевне / М.В. Пономарева // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 4. – С. 10-25.

124. *Пономарева, М.В.* От исторической личности к образу (на материале антропонимов в лирике Г.Р. Державина / М.В. Пономарева // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 267-287.

125. *Потапова, К.А.* Цветовая визуализация художественного образа как особенность творческого метода Г.Р. Державина / К.А. Потапова // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 199-214.

126. *Почепцов, Г.Г.* История русской семиотики / Г.Г. Почепцов. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с.

127. *Проскурина, В.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

128. *Разумов, Р.В.* Эволюция меморативов в русской урбанонимии XIX –XXI вв. / Р.В. Разумов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. –Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. – С. 205-211.

129. *Разумова, Л.В.* Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Разумова Лариса Владимировна. – Челябинск, 2002. – 22 с.

130. *Ратникова, О.Е.* Лирика Г.Р. Державина в периодической печати конца XVIII – начала XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ратникова Ольга Евгеньевна. – Мытищи, 2021. – 27 с.

131. *Ратникова, О.Е.* Лирическая поэзия Г.Р. Державина в Альманахе М.Н. Карамзина «Аониды» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. – 2019. – № 1. – С. 107-114.

132. *Робустрова, В.В.* К когнитивной ономастике / В.В. Робустрова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 41-49.

133. *Сивцова, А.А.* Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова: дис. ... к. филол. наук. – Смоленск, 2008. – 230 с.

134. *Сидорова, М.М.* О «руссизме» Державина: речь профессора Казанского университета К.К. Фойгта при открытии памятника Г.Р. Державину 23 апреля 1847 года // Филология и культура. – 2015. – № 1(39). – С. 238-241.

135. *Скуридина, С.А.* Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... доктор филол. наук: 10.02.01 / Скуридина Светлана Анатольевна. – Воронеж, 2020. – 40 с.

136. *Скуридина, С.А.* Семантический потенциал вымышленных топонимов в художественных текстах Ф.М. Достоевского // Жизнь современной русистики: сб. научных статей / науч. ред. С.А. Чуриков. – Воронеж: изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2025. – Вып. 1. – 320 с.

137. *Скуридина, С.А.* Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики / С.А. Скуридина. – 2020а. – № 1 (36). – С. 105-117.

138. *Скуридина, С.А.* У истоков ономастики / С.А. Скуридина. // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 17. – С. 54-61.

139. *Соколова, Е.Ю.* Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте / Е.Ю. Соколова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33 (248). – С. 182-184.

140. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. – М.: Логос, 1998. – 296 с.

141. *Степанов, Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

142. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. Изд. 3-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

143. *Суперанская, А.В.* Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская (и др.). – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – 256 с.

144. *Суперанская, А.В.* Ономастика начала XX века / А.В. Суперанская / отв. ред. Н.В. Васильева. – М: Институт языкознания РАН, 2008. – 80 с.

145. *Супрун, В.И.* Имена собственные в обобщённом употреблении / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: мат-лы XVIII Междунар. научн. конф. Кострома, 9-10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред.: Н.С. Ганцовская,

В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 126-134.

146. *Супрун, В.И.* Имя собственное как эмотивный феномен / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (134). – С. 199-204.

147. *Супрун, В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. – Волгоград, 2000. – 78 с.

148. *Федотова, К.С.* К вопросу о концепции и структуре словаря поэтонимов (на материале творчества Николая Гумилева // Ономастика Поволжья / ред. колл.: В.И. Супрун, М.Л. Лаптева, О.Ю. Космачева. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2025. – С. 283-287.

149. *Федотова, Т.В.* Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного / Т.В. Федотова, Т.Т. Черкашина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. № 5. – С. 32-41.

150. *Филин, Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 322 с.

151. *Флоренский, П.* Имена / П. Флоренский. – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.

152. *Флоренский, П.* Имена // Архив свящ. Павла Флоренского. – М.: ТОО «Купина», 1993. – 320 с. (Малое собр. соч. Вып. I).

153. *Флоренский, П.А.* Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность / П.А. Флоренский // Сочинения. Тт. I-IV., Т III. – М., 2000. – С. 169-234.

154. *Фомин, А.А.* Загадочный *Арвентур*: поэтоним как ключевое слово произведения / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2019. Т. 16. № 4. С. 180-201.

155. *Фомин, А.А.* Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 108-120.
156. *Фомин, А.А.* Всегда ли литературная ономастика тождественна поэтической ономастике? / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 57-67.
157. *Фонякова, О.И.* Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.
158. *Хвесько, Т.В.* Воплощение социокогнитивного компонента в ономастике / Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 983-987.
159. *Цинцадзе, Н.С.* Г.Р. Державин: на службе у трех императоров. Тамбов: Изд-во ТГУ. 2014-2016. Ч. 1. – 2014. – 159 с.; Ч. 2. – 195 с.; Ч. 3. – 2016. – 303 с.
160. *Чжан, Хунин* Культурная маркированность русских и китайских антропонимов: сопоставительный анализ (на материале словарных источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8 / Чжан Хунин – Москва, 2023. – 21 с.
161. *Шагинян, Р.П.* Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе / Р.П. Шагинян, Э.Б. Магазаник // Труды Узбекского университета. Сер. Новая. – Самарканд, 1958. – Вып. 93. – С. 103-126.
162. *Шарандин, А.Л.* Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка / А.Л. Шарандин // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. – 10. (144). – С. 18-26.
163. *Шарандин, А.Л.* Междисциплинарный характер оппозиционного метода / А.Л. Шарандин // Неофилология. – 2017. – Т. 3. – № 3 (11). – С. 7-19.

164. *Шарандин, А.Л.* Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительного? / А.Л. Шарандин // Вестник Московского гос. обл. ун-та. – 2021. – № 2. – С. 68-76.

165. *Шевченко, А.Н.* Функции антропонимов в художественном тексте / А.Н. Шевченко, Т.А. Шелест // Развитие современной науки и образования: анализ опыта и тенденций: сб. статей. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 324-330.

166. *Шестакова, Л.Л.* Словарь языка Державина в Готовском проекте собрания сочинений поэта / Л.Л. Шестакова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 2. – С. 144-152.

167. *Шеянова, С.В.* Имена собственные в поэзии Марины Слугиной / С.В. Шеянова // Финно-угорский мир. – 2024. – Том 16. – № 2. – С. 175-165.

168. *Шульдишова, А.А.* Из наблюдений над поэтонимией лирической трилогии А.А. Блока // Ономастика Поволжья / ред. колл.: В.И. Супрун, М.Л. Лаптева, О.Ю. Космачева. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2025. – С. 290-293.

169. *Щербак, А.С.* Базовые положения теории когнитивной ономастики А.С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4. – С. 443-448.

170. *Щербак, А.С.* Вторичная репрезентация ономастических знаний в языковой картине мира / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1 (48). – С. 477-490.

171. *Щербак, А.С.* Модель матрицы номинации урбанонимов / А.С. Щербак, С.В. Кончакова, А.В. Раздуваев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 2. – С. 33-37.

172. *Щербак, А.С.* Мышление – ономастический знак–действительность / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023а. – Вып. – № 3 (54). – С. 272-276.

173. *Щербак, А.С.* Особенности функционирования онимов в почерке Г.Р. Державина) / А.С. Щербак, Цзюаньцзюань. Го // Неофилология. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 720-728.

174. *Щербак, А.С.* Прототипическая функция поэтонима: идиостиль Г.Р. Державина / А.С. Щербак, Цзюаньцзюань Го // Неофилология. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 851-860.

175. *Якобсон, Р.* Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

176. *Якобсон, Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 469 с.

177. *Cognitive Onomastics: A Reader* / ed. by S. Brendler. – Hamburg: Baar, 2016. 204 p.

178. *Hansack, E.* Der Name im Sprachsystem: Grundprobleme der Sprachtheorie. – Regensburg: Roderer, 2000. 414 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

179. *Агеева, Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.

180. *Городнова, Л.Е.* Зубриловская песнь Державина // Аналитика культурологии. 2007 // <https://cyberleninka.ru/article/n/zubrilovskaya-pesn-derzhavina/viewer>

181. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык: Медиа, 2006. – Т. 1: (А-З). – 699 с.; М.: Русский язык: Медиа, 2006. – Т. 2: (И-О). 779 с.; М.: Русский язык: Медиа, 2006. – Т. 3: (П). 555 с.; М.: Русский язык: Медиа, 2006. – Т. 4: (Р-В). – 683 с.

182. Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонов, А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А – О. – СПб.: Златоуст, 2014. – 592 с.
183. Кондратьева, Т.Н. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 110 с.
184. Крысин, Л.П. Словарь иностранных слов. – М.: ЭКСМО, 2008. – 864 с.
185. Медведев, Ю.М. 10 000 русских имен и фамилий. Энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 461 с.
186. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – М.: URSS, 2006. – 376 с.
187. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 874 с.
188. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
189. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. 6-е изд. – М: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 477 с.
190. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
191. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
192. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.
193. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
194. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник / авторы-сост. Л.И. Дмитриева, Л.В. Голузо, Л.В. Голузо, А.С. Щербак. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Тамбов, 1999. Вып. III. – 164 с.
195. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Тт. I-IV. Т. III. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

196. Энциклопедия. Русский язык / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. – 703 с.
197. ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.
198. Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. – Hamburg: Baar, 2016. 204 p.
199. Hansack, E. Der Name im Sprachsystem: Grundprobleme der Sprachtheorie. – Regensburg: Roderer, 2000. 414 p.

Электронные ресурсы

200. *Городнова, Л.Е.* Зубриловская песнь Державина // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9). <https://elibrary.ru/qytfov>
201. *Ломоносов, М.В.* О произведении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских: О именах увеличительных и умалительных // <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/200-279.htm>
202. *Плешков, Е.С.* Современные подходы к изучению имен собственных / Е.С. Плешков // Молодой ученый. 2016. № 4 (108). С. 914-917. URL: <https://moluch.ru/archive/108/25922/>
203. Толковый словарь русского языка: Тт. I-IV. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М, 1996 // <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21018>

**Причины выбора антропонима *Державин* для названия
адресных линейных объектов в основных городах России**

Абакан	Не имеет прямой локальной привязки, отражает общую традицию чествования выдающихся деятелей России как признание роли Г.Р. Державина в истории и культуре России.
Великий Новгород	Державин родился в Новгородской губернии, в селе Сокуры и скончался в имении Званка Новгородской губернии.
Владивосток	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы отражает общую традицию – знак уважения к вкладу Державина в русскую культуру и государственное управление.
Воронеж	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы свидетельствует о сохранении памяти о выдающихся личностях русской литературы и истории.
Иркутск	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы связано с традициями к топонимике, когда улицы именуют в честь выдающихся деятелей России.
Казань	Поэт родился в Казанской губернии, название улицы отражает признание вклада Г.Р. Державина в литературу и историю, а также в память о его связях с этим регионом.

Калининград	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы отражает общую практику отдавать дань памяти значимым личностям русской культуры и истории, чтобы укрепить русскоязычную идентичность в городе, ранее известном как Кёнигсберг.
Комсомольск-на-Амуре	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы присвоено в память о русском поэте, государственном деятеле Российской империи.
Куйбышев (Самара)	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы выбрано для увековечения значимости вклада Державина в русскую культуру и историю.
Нижний Новгород	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы дано в память о Державине как значимом культурном и государственном деятеле Российской империи.
Новокузнецк	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы присвоено в память о русском поэте, государственном деятеле Российской империи.
Новосибирск	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы дано в честь великого русского поэта и государственного деятеля как часть традиции называть улицы именами выдающихся личностей российской истории и культуры.
Оренбург	Г.Р. Державин получил начальное образование в Оренбурге, где жил его отец, служивший в городе, поэт сохранял глубокую связь с этим регионом на протяжении всей жизни.

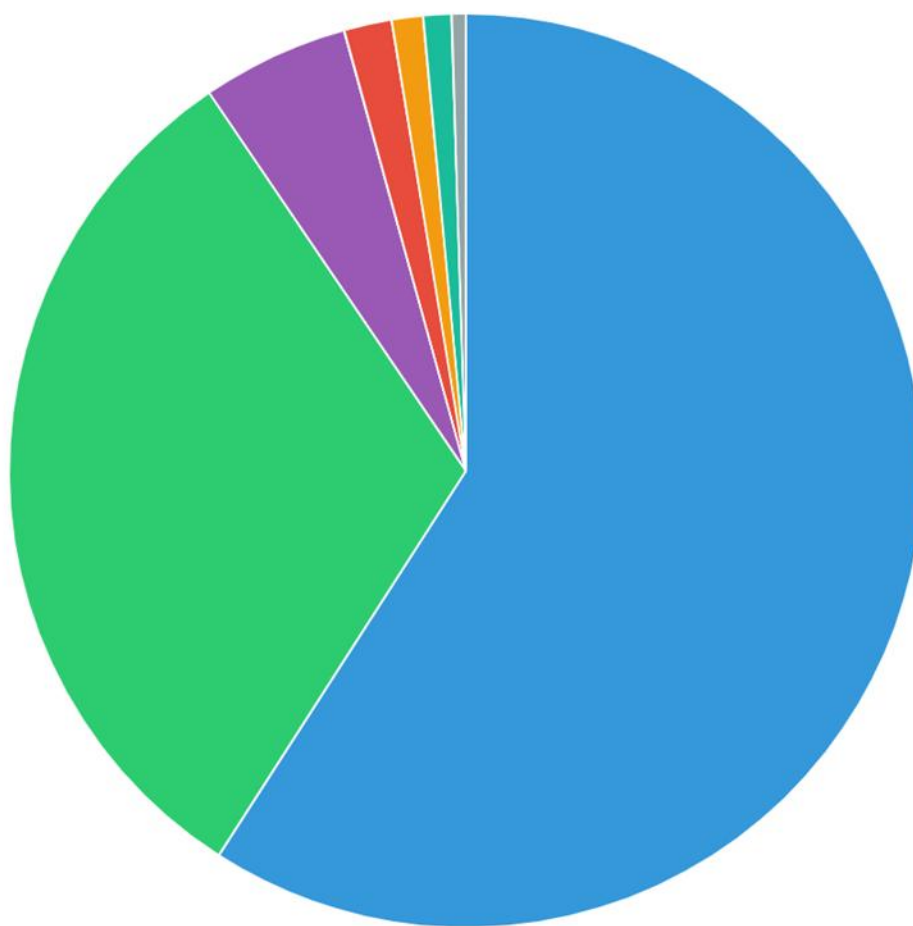
Петрозаводск	Г.Р. Державин был первым начальником Олонецкой губернии, в состав которой входил Петрозаводск.
Пушкино	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы дано как дань уважения литературному и государственному наследию Г.Р. Державина.
Пушкин	Улица названа в честь Державина, его особой ролью в судьбе молодого А.С. Пушкина.
Ростов-на-Дону	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы дано в честь великого русского поэта и государственного деятеля как часть традиции называть улицы именами выдающихся личностей российской истории и культуры.
Санкт-Петербург	Г.Р. Державин жил в угловом доме №118 по набережной реки Фонтанки с 1791 по 1816 год.
Саратов	Не имеет прямой локальной привязки, название улицы дано как знак уважения литературному наследию и роли в развитии русской культуры и государственности. Г.Р. Державина был первым министром юстиции Российской при Александре I.
Тамбов	Г.Р. Державин был первым губернатором Тамбовского наместничества (1786–1788 гг.), внес значительный вклад в развитие и процветание города и региона. Номинация способствовали воплощению в городской топонимии региональной и локальной идентичности.
Ульяновск	Г.Р. Державин участвовал в военных действиях против восстания Пугачёва и несколько раз

	приезжал в Симбирск (ныне Ульяновск), что связывает его с историей этого региона.
--	---

Пять городов России имеют локальную привязанность к имени Г.Р. Державина: Казань, Тамбов, Петрозаводск, Великий Новгород и Санкт-Петербург.

По статистическим данным А.М. Лоншаковой, на 2023 г. имя Гавриила Романовича Державина носят «49 улиц, три площади, один проспект, десять переулков, один тупик и один проезд – всего 65 наименований». Улица Державина находятся в 28 из 85 регионов Российской Федерации (см. подробно [Лоншакова 2023: 52-59]).

Показатель частоты употребительности антропонимов
в поэтических текстах Г.Р. Державина



- 1. Исторические русские имена и фамилии - 59.1%
- 2. Мифоантропонимы и теонимы - 31.4%
- 3. Библейские имена - 5.2%
- 4. Имена славянских божеств - 1.7%
- 5. Псевдонимы - 1.1%
- 6. Вымышленные имена - 1%
- 7. Прозвища - 0.5%